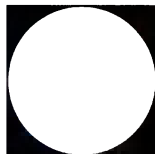

Зарубежная

фантастика

Гораций Голд
у финишной черты

Гораций Голд У финишной черты

Сборник повестей и рассказов

Малки • Монограм • 2014

Зарубежная фантастика

Гораций Голд
Horace Gold
26 апреля 1914 – 21 февраля 1996

Зарубежная

фантастика

Гораций Голд

У финишной черты

Сборник повестей и рассказов

Малки «Монограм» 2014

УДК 1/14
ББК 87.2
Г 601

На правах рукописи

Голд, Гораций

Г 601 **У финишной черты:** Сборник. Перевод с английского. – Малки «Монограм», 2014. 252 стр. – (Зарубежная фантастика).

© К.Е. Юрченко, перевод, состав
© З. Бобырь, перевод

От составителя

Рассказы в сборнике расположены в хронологическом порядке. От ранних, принадлежащих перу начинающего автора, к более поздним произведениям, не уступающим уровню именитых мастеров. Сборник хоть и небольшой, но фантастические истории, представленные в нем, как мне кажется, очень точно характеризуют ряд особенных, присущих Горацию Голду авторских черт.

Во-первых, за какой бы он ни взялся сюжет, скрытой темой или подтекстом всегда в нем будет проблема «Решения и Последствия». Это, можно сказать, один из лейтмотивов творчества Голда. Его герои, даже если они сами не являются активной силой и действуют в условиях, созданных кем-то или чем-то, довольно часто оказываются в положении, когда сама ситуация вынуждает их принять решение, а это, в свою очередь, порождает неожиданные последствия, которые складываются в цепь событий, ведущих к финалу — подчас трагическому, реже сдержанно-оптимистическому, иногда комично-фантастическому или даже безумно-катастрофическому.

Во-вторых, если вы уже знакомы с произведениями Голда, выходившими на русском языке, и, в частности, с повестью «Вопрос формы», то наверняка обнаружите еще один,

известный для себя мотив: его очень занимает тема медицины и психиатрии, расстройств личности, опасных экспериментов с разумом и человеческой природой. В более поздние годы к этому интересу добавилась и вполне объяснимая личная причина — Голд и сам страдал от психологического недуга, агорафобии, связанной с тяжелым ранением во время Второй мировой войны. Ну, и третья авторская черта — действие у Голда нередко имеет детективный характер, что тоже вносит определенное своеобразие и остроту.

Приятного вам прочтения.

ПОМУТНЕНИЕ

ПАЦИЕНТ, заметно волнуясь, уставился взглядом в потолок, пока два врача, тщательно отмыв и продезинфицировав руки, надевали стерильную одежду, маски и резиновые перчатки.

– Прошу быть особо внимательным с анестезией, доктор Роллинз, – напомнил доктор Кобб, включая большой операционный светильник. Его семь ламп были расположены таким образом, чтобы, независимо от того, где находились руки хирурга, не отбрасывалась тень.

Роллинз наложил эфирную маску на лицо пациента. Раздалось шипение эфира, кислорода и закиси азота, смесь которых подавалась под небольшим давлением. Гофрированные сильфоны раздувались и сжимались быстро, поскольку пациент еще активно дышал. Спустя шесть секунд анестезия подействовала, и его дыхание стало глубоким и спокойным.

Кобб надел очки с толстыми стеклами. Приблизив слабые глаза к голове пациента, он прорезал кожу скальпа, немного выше глазниц, повел разрез вниз, выше ушей, не доходя трех дюймов до основания черепа. Легкими движениями скальпеля он обнажил кости. В обоих висках и по бокам теменной кости он проделал отверстия. Затем, действуя осторожно, двигаясь от одного отверстия к следующему, начал пропиливать кости мелким полотном, закреплённым в рамке специального хирургического лобзика.

Он извлек пилу и, чтобы не повредить мозг, вставил пальцы в парные отверстия по сторонам и резко дернул. Кость лопнула по шву и отсоединилась. Он использовал ку-

сачки, чтобы удалить со среза неровности. Действуя быстро, почти автоматически, покрыл костным воском поверхности среза на голове и на удаленной части, которую держал в руке, останавливая просачивающуюся кровь, чтобы та не мешала быстрому заживлению.

Теперь его холодный пристальный взгляд сосредоточился на открытом, слегка пульсирующем мозге. Под бесцветной, подобной желатину оболочкой, видны были фиолетовые вены и отчетливо яркие красные артерии, пульсирующие в такт мозгу и сердцу.

Он прорезал дрожащую желатиноподобную менингеальную оболочку, состоящую из трех слоев: *dura mater*, или твердой наружной мембраны, *arachnoid*, арахноидальной или паутинной, и мягкой внутренней, *pia mater*.

Сделав надрез, он выпустил спинномозговую жидкость, которая заполняла пространство между мембранами, защищая тонкую ткань мозга от травм. Дав ей стечь, он так же удалил оболочки, как до этого скальп с головы.

Тускло-серый мозг продолжал пульсировать стабильно, в такт с сердцем. Оба полушария и восемь долей были отчетливо видны, четыре других доли были скрыты в глубинах черепа.

Острый скальпель завис над двумя лобными долями, напротив сильвиевой борозды, разделяющей полушария.

Вдруг, издав протяжный вздох, приглушенный маской, пациент беспокойно шевельнулся, как будто какой-то инстинкт заставил его сделать это движение. Роллинз метнулся от эфирного резервуара, чтобы удержать пациента в тисках. Но было слишком поздно.

Прежде чем Кобб смог испуганно отдернуть руку, пациент вдруг задержался в немых муках и скальпель вонзился в его мозг. Доктор Кобб ничего не смог поделать.

Он в ужасе смотрел на то, как лезвие, пройдясь сквозь лобные доли, рассекло их, и они выскользнули на операци-

онный стол. Кобб оторвал взгляд от этого чудовищного зрелища и на мгновение рассеянно посмотрел на Роллинза, после чего, словно замороженный, уставился на мехи сильфонов, которые двигались то с усилием, то очень быстро.

Его руки словно сами вспомнили о том, что нужно делать. Кобб схватил шприц с адреналином и вонзил его в сердце пациента. Казалось, прошли часы, пока они со страхом наблюдали, как дыханию постепенно возвращается нормальный ритм, и пациент снова задышал легко и спокойно.

Роллинз видел, как трясутся руки старика. Когда он посмотрел на свои собственные ладони, то заметил, что и у самого лихорадочно дрожат пальцы. И бешено колотится сердце.

– Теперь он погибнет, да? – тихо спросил он, боясь ответа.

– Да, – Кобб едва заметно кивнул. – Это скверно, я очень надеялся на этот эксперимент. Но еще ни один человек не выживал с отсеченными лобными долями.

– Но он дышит нормально, – заметил Роллинз.

Кобб пожал плечами.

– Какая разница? Он уже не жилец. Впрочем, мы можем продолжить, как если бы у него еще был шанс.

СЕРЫЕ КОМКИ плоти лежали на столе, напоминая о случившемся и о той жертве, которой стал пациент. С трудом Роллинз оторвал от них взгляд и наблюдал за Коббом. Тот с рассеянным видом отошел от стола, держа в руке шприц, и высматривал что-то в рядах бутылок, стоявших на полке у стены. Он как будто не был уверен в том, что хотел сделать, но, наконец, выбрал какую-то склянку и наполнил шприц.

– Что это? – спросил Роллинз.

Кобб посмотрел на него.

– Экстракт шишковидного тела, – пробормотал он.

– Зачем он вам?

Кобб вернулся к операционному столу, рассказывая, словно читал лекцию.

– Я собираюсь стимулировать шишковидную железу. Что это даст? Никто не знает. Но считается, что шишковидное тело управляет расовой памятью¹ человека, другими словами, инстинктами. Сейчас у него полная амнезия – это потеря не только памяти, но так же способности к умозаключениям. Если же стимулировать врожденные реакции организма, чтобы дать им полный контроль над мозгом и телом, мы получим чистое животное, зверя, которым будут двигать одни только инстинкты.

Роллинз задумался.

– И для чего это нам нужно?

– Никакой практической пользы, – признался Кобб. – Но функции различных частей мозга до сих пор мало изучены. Если мы докажем, что лобные доли действительно управляют памятью, а шишковидная железа – инстинктами, это будет очень важно как для хирургии, так и психологии. А это можно будет определить через некоторое время, базируясь на результатах данного эксперимента по стимулированию расовой памяти. Быть может, нам даже удастся разделить ее поминутно на эры, столетия, или даже, хотя это маловероятно, на единичные события. Только представьте – разум, основанный на памяти животного. Мы не

¹ Расовая память – термин Карла Юнга (нач.20 века), обозначает гипотетическое хранилище воспоминаний, чувств, идей и т.д., которые, согласно К.Юнгу, человек унаследовал из опыта предков. В теории Юнга, такая память представляет часть коллективного бессознательного.

знаем, как и чем жили первобытные люди, поскольку нет возможности заполучить того реального звероподобного человека, какими были наши далекие предки. Если мы проведем этот эксперимент, возможно, сумеем раскрыть тайну разума. Индивидуальная память, содержащаяся в отсеченных долях, этому уже не мешает. Я так думаю.

— Но как вы собираетесь стимулировать шишковидную железу?

— Конечно, я не могу ввести этот состав непосредственно в шишковидное тело, все-таки оно находится слишком глубоко и, чтобы добраться до него, нам пришлось бы проникать через весь мозг. Кроме того, оно всего лишь около четырнадцати миллиметров в длину, и можно запросто промахнуться. Так что, я намерен поступить самым простым образом, так же как при стимулировании любой другой железы — внутривенным вливанием.

Он ввел иглу в вену на левой руке пациента и надавил на поршень. Вытащив иглу, доктор Кобб положил шприц на поднос и приготовился закрывать череп. Сначала он восстановил оболочку, зашив ее, после чего убрал с удаленной кости тонкий налет воска и, вернув верхнюю часть черепа на место, укрепил швами. Это было несложно и заняло не так уж много времени. Затем он плотно перевязал голову пациента.

Роллинз убрал эфирную маску. Уставший после фатальной неудачи с операцией, Кобб снял тяжелые очки и выключил операционный светильник. Когда они собрали инструменты, чтобы отнести их в мойку, Роллинз оглянулся. Существо, голова которого была замотана бинтами, уже трудно было назвать пациентом, но он не мог удержаться и посмотрел на лицо жертвы, одновременно испытывая муки совести. Бледное лицо, совершенно расслабленное, было лишено какого-либо выражения, чего он никогда не заме-

чал за людьми, выходившими из-под анестезии. Доктор Кобб позвал его, и Роллинз, вздрогнув, последовал за ним.

В маленькой лаборатории, расположенной в подвале старого желтого кирпичного дома у Центрального парка, стало тихо. Слышно было только легкое дыхание пациента, оставшегося без лобных долей.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ после случившегося доктор Кобб не вставал с постели. Он был полностью опустошен и раздавлен. Роллинз находился в его доме, заботясь о старом хирурге как о своем пациенте, для чего пришлось передать часть собственных больных на попечение коллеги. Впрочем, это его не напрягало.

Даже после того, как доктор Кобб нашел в себе силы встать с постели, он настоял на том, чтобы Роллинз оставался при нем еще некоторое время. Впервые Кобб чувствовал себя в состоянии пойти взглянуть на пациента. И был поражен.

— Да ведь он замечательно восстанавливается! — воскликнул он, — Чем вы его кормите, Роллинз?

— Сырым мясом, — ответил тот, сдержанно улыбаясь.

Кобб недоверчиво покосился.

— Сырым мясом? Вы шутите. Ему не следовало бы давать такую тяжелую пищу, необходимы овощи.

— Скажите ему это. Может быть, вас он послушается. Я давал ему хлеб, молоко, бульон, овощи — перепробовал все, — он чуть не помер от голода, пока я не обнаружил, что он ест только сырое мясо. Вот мне и пришлось кормить его им. Естественно, совершенно сырым и с кровью.

Кобб неопределенно пожал плечами.

— А органы функционируют нормально?

— Все в порядке, — более живо докладывал Роллинз. — Конечно, пока он недостаточно силен, чтобы стоять, но он может шевелить пальцами ног, когда я щекочу их. Колен-

ный рефлекс отличный и все остальные рефлексy тоже. Правда, он не может говорить.

Доктор Кобб странно уставился на него.

– А вы что, действительно не ожидали этого? Лишнее доказательство, – сказал самодовольно старик, – тому, что лобные доли на самом деле управляют памятью. У вас есть что-нибудь острое?

Роллинз подал ему отточенный нож. Старый доктор попробовал его на вес и вдруг нанес стремительный удар в сердце пациента. Роллинз вскрикнул и хотел схватить Кобба, чтобы остановить его. Однако, не достигнув тела, рука с ножом остановилась. У доктора Кобба была поразительная реакция. Он только несильно, но намеренно, уколол кожу пациента.

До сих пор тот рассеяннo наблюдал за их движениями, никак не реагируя, но, когда острое ткнулось в его кожу, он только резко отдернулся, вяло шевеля руками. Даже пистолет, наведенный на его голову, не означал для него никакой опасности. Он повернул голову и смотрел прямо в отверстие ствола. Кроме того, схватил зажженные спички и вскрикнул от боли, обжегшись. Книги и картины, демонстрируемые ему, не возымели никакого эффекта. Его память пропала полностью. В этом не оставалось сомнений.

В течение двух последующих месяцев Роллинз посвящал собственной практике только три часа, еще три послеобеденных часа отводил старому доктору. Остальную часть времени он тратил на кормление пациента и, по меньшей мере, два часа ежедневно проводил с ним на солнце, выводя на плоскую крышу. Была середина лета, и стояли жаркие дни.

Казалось, пациенту не требовалось иных удовольствий, кроме того, чтобы проводить дневное время на крыше, спать на солнце и три раза в день получать свою порцию сырого мяса.

С каждым днем его внешность становилась все более и более устрашающей. Волосы постепенно покрыли все лицо и тело. Невозможно было побрить его, поскольку он беспрестанно ерзал под бритвой и мог пораниться. Пришлось использовать крема для депиляции, и эта, награждающая прохладой процедура, ему определенно нравилась. Научившись самостоятельно удалять волосы с лица, он получал от этого особенное удовольствие. Крем он держал в кармане костюма, периодически намазывая его на разные участки головы. По крайней мере, благодаря этому он еще оставался похожим на человека.

Костюм, нижнее белье, носки и обувь, которую ему купили, он носил, словно не замечая. Только постоянно срывал с шеи галстук, рискуя задушить себя, поэтому его решили не приучать к такой мелочи в гардеробе. Однако одеваться сам он был неспособен. Этот процесс, как и почти все остальное, стал ежедневной обязанностью Роллинза. Любопытно, что тесноту одежды пациент воспринимал как нечто естественное. И не сопротивлялся, когда его одевали.

Физически он развивался замечательно. К концу третьего месяца он уже был почти полностью здоров. Кости отлично зажили, и рана на голове полностью закрылась, остался лишь хорошо заметный шрам. Однако из-за привычки размазывать по лицу и голове крем от волос, уродливые рубцы невозможно было скрыть.

Вильгельмину, старую экономку, которая жила в доме доктора Кобба в течение многих лет, пугали бессмысленный взгляд и волосатые лапищи подопечного. Впрочем, и он старался держаться от нее подальше.

Ночью он спал на полу своей комнаты, которая располагалась на первом этаже, из опасения, что он может вывалиться из окна спальни наверху. Несмотря на то, что большую часть времени он тратил на еду и сон, мышцы его стали очень крепкими и сильными.

Во всем, что касалось еды, сна и выполнения простых приказов, он казался необычайно послушным. Он был настолько покладистым, что Кобб и Роллинз нередко оставляли его одного, порой на несколько часов. Это было вполне безопасно, потому что, в отличие от ребенка, он не проявлял любопытства, и подобно животному, воспринимал окружающую обстановку как нечто само собой разумеющееся.

Впрочем, они слишком часто оставляли его без присмотра.

В ТО УТРО рассвет был мрачным: все небо заволокло тяжелыми тучами, пришедшими с востока. Роллинз надеялся, что днем хоть немного прояснится, поскольку субъект, если ему приходилось торчать в доме целый день, становился беспокойным и докучал капризами.

Сразу после обеда Роллинза вызвали на прием. Прежде чем уйти, он убедился, что человеко-зверь ведет себя вполне смирно и его можно спокойно оставить в комнате одного.

Пациент мог сколько угодно и где угодно лазить по комнате, шансов выбраться у него не было: Роллинз надежно запирает двери и окна.

После того, как доктор ушел, человеко-зверь занервничал, чувствуя голод и желание погреться на солнце. Он съел часть того мяса, что ему оставили, немного утолив голод, остальное отшвырнул в сторону. Мясо было совершенно свежим, но сейчас не прельстило его.

Доктор Кобб дремал наверху после плотного обеда.

Для пациента дверь ничем не отличалась от остальной части стены. Разве что цветом. Если он сейчас и думал о том, как выбраться на прогулку, то дверь к этому процессу в его сознании не имела никакого отношения. Первобытный ум подсказал ему более естественный выход – окно, через

которое с улицы попадал свет. Он взобрался на подоконник и попытался вылезти наружу. Не давали стекла. В определенной степени удивившись, он толкнул стекло руками, как это сделали бы кошка или собака, выражая свое желание пойти погулять. Стекло выдавилось достаточно легко, так, что он даже не порезался. Но вот пролезть в раму оказалось довольно затруднительным для его крупного, мускулистого тела. Ему все же удалось втиснуть в проем плечи, после чего он кубарем вывалился из окна, пролетев пять футов и приземлившись в кусты.

Оглядевшись и решая, в какую сторону идти, он увидел парк и почувствовал запах зелени. Соблазненный впечатлениями, неуклюже заковылял к парку. Голод все еще беспокоил его.

Улица была запружена транспортом. Его напугал грохот, гудки сигналов и рев мчащихся машин. Дрожа от страха, он вжался в стену дома и не шевелился, пока поток транспорта внезапно не остановился. Тогда он бездумно бросился через улицу.

Оказавшись в безопасности, он долго брел вдоль железного забора, который озадачил его тем, что просунуть руку сквозь прутья было можно, а все тело нет. В конце концов, он добрел до входа в парк и проник внутрь, очутившись перед деревьями, на открытой лужайке, где перешагнул через невысокое ограждение и распластался с наслаждением на мягкой траве.

Голод продолжал беспокоить его. Внезапно, быстрые глаза его зафиксировались на образе белки, почти незаметной в траве. Она сидела на задних лапах и грызла орех. Он присел и, двигаясь быстро и тихо, пополз вперед.

Совершенно не боясь, крошечное животное взглянуло на него и продолжило свою работу: маленькие лапки снова схватили орех, острые зубы замелькали, разрезая жесткую оболочку.

Когда ему оставалось до белки не больше пяти футов, он припал к земле, чтобы не встревожить животное, а затем прыгнул вперед, выстрелив всем телом. Белка оказалась проворнее. Прежде чем он успел бы схватить ее, она бросила орех и стремительно взобралась на дерево.

Он немедленно последовал за ней, но карабкаться по стволу мешала обувь. Он неуклюже свалился, после чего, сорвав ботинки могучими руками, отбросил их как можно дальше, затем стянул носки. Теперь ничто не мешало ему так же быстро вскарабкаться на дерево.

Белки разбегались перед ним, балансируя на тонких ветвях крон и пронзительно вереща. Он прыгнул и схватил одну из них, но его штаны зацепились за острый сук. Ветка обломилась, и он рухнул на землю, вместе с несчастным животным.

Срывая с себя брюки, он хромал возле тяжело раненной белки, тщетно пытавшейся убежать от него. Его мощные руки и зубы не оставили ей ни единого шанса. Он без труда поймал несчастное животное, и, быстро расправившись с добычей, отшвырнул обглоданные останки.

Холод и сырость напомнили о себе. Он встал и побрел, хромая, пытаясь отыскать теплое сухое место, чтобы поспать. Только что съеденное свежее мясо создавало легкую и приятную тяжесть в животе.

В семь часов начался сильный дождь, перешедший в ливень. Когда засверкали молнии и загредел гром, он испуганно съехался и забился под деревья, оставаясь там, пока в небе сверкали сполохи. Когда гроза утихла, он опрометью бросился в глубину парка, к видневшимся там фонарям. Прошло больше четырех часов, а он все шел и шел, двигаясь кругами, то приближаясь к той улице, которая привела его сюда, то вновь удаляясь.

ВЕСТЬ О ТОМ, что их пациент сбежал, чуть не вызвала у доктора Кобба сердечный приступ. Побег обнаружил Роллинз. Вернувшись из своего офиса в половине пятого, он заглянул в комнату человеко-зверя, чтобы удостовериться, достаточно ли там тепло — к вечеру похолодало. Он увидел, что окно выдавлено из рамы и холодный ветер хлещет брызгами дождя в сырую, убогую комнату. Человеко-зверь исчез. К тому времени он отсутствовал уже почти три часа.

Роллинз бросился вверх по лестнице.

— Он ушел! — с диким криком он разбудил старого доктора.

— Кто? Что? Кто ушел?

— Разбил окно, вылез и...

Кобб вцепился в лацканы Роллинза и затряс его.

— Вы же не думаете, что это опасно, а? — испуганно прохрипел он.

— Сомневаюсь. Кто его знает? Здесь он был послушен. Но городской шум и движение могут привести его бешенство...

— О, боже мой! Я надеюсь, этого не случится! — прокричал Кобб. — Что он будет есть? Где он сейчас? И этот дождь. Холод может быть губительным для него, вы же знаете. Если он простудится, это его убьет.

Роллинз глядел в окно. Кобб ходил взад-вперед. Это раздражало Роллинза. Он не мог сосредоточиться. Не хотелось в это верить — первобытный человеко-зверь свободно разгуливает по улицам Нью-Йорка. Человек с повадками животного, без памяти, а сил у него — как у дикаря? Как у обезьяны? Загнанный в угол, изнемогающий от голода, напуганный...

Его разум рисовал страшные картины: изуродованные тела, пронзительные вопли и беспорядочные выстрелы.

— Я собираюсь звонить в полицию, — объявил Роллинз. — В конце концов, это может быть действительно опасно.

Кобб схватил его за рукав, заставил остановиться.

– Вы не можете!

– Почему нет? – сурово потребовал Роллинз.

Кобб тяжело опустился на кровать, обхватив голову дрожащими руками.

– Неужели вы не понимаете? – запричитал он. – Мы провели эксперимент на живом человеке. Это незаконно. Если нас поймают, это пожизненное заключение! А если он умрет, нам грозит смертная казнь!

– Что это значит – «нам»? – резко произнес Роллинз.

– Вы помогали при операции. Вы были ответственны за анестезию.

Роллинз схватил старого доктора за шиворот и в ярости поднял его с кровати.

– Ах, вы... вы... старый... – переборов волну негодования, он отшвырнул старика обратно на постель.

– Убив меня, вы ничего не добьетесь, – сказал Кобб, – Уже слишком поздно. Единственное, что мы можем, так это держаться вместе и найти его прежде, чем он умрет или окажется в лапах полиции, или нападет на кого-нибудь.

– Хорошо, что будем делать?

Кобб подковылял к окну и, немного перегнувшись через подоконник, выглянул на улицу. Капли холодного дождя ударили в его лицо. Он вздрогнул и отступил, закрыл окно.

– Сейчас ничего не выйдет. Пусть дождь утихнет. Мы не найдем его в такую погоду. Он, вероятно, забился в какой-нибудь подвал или сунулся в метро, или... да Бог знает, где он сейчас!

Ослепительная вспышка молнии рассекла небо, на миг осветив темный город.

Оглушительно прогреготало прямо над головой. Дом угрожающе задрожал.

БЛИЖЕ К ПОЛУНОЧИ дождь прекратился. В непроглядной темноте он потерял дорогу и теперь стоял, дрожа

от холода. Потоки воды с ветвей стекали прямо на его и без того насквозь продрогшее и промокшее тело. Внезапно темнота расступилась. В просветах между деревьями он увидел нагромождение сбитых в кучу теней, с большим черным пятном посередине, рядом с небольшим озером. Он двинулся к этому пятну, пробираясь сквозь грязь и густую траву.

Это оказалось небольшое помещение, сырое и холодное, но здесь все-таки было хоть немного теплее и суше, чем снаружи. Он сорвал с себя мокрую одежду и растянулся на холодном столе. Рядом лежал огромный кусок брезента, которым накрывали лодки, но ему даже не приходило в голову, что этим можно укрыться. Свернувшись в клубок, он долго дрожал, пока дерево столика под ним не согрелось теплом его тела. Он уснул.

Если бы в эту минуту кто-то вошел в лодочный сарай, он бы весьма удивился, увидев столь странного на вид человека, покрытого короткими, толстыми грубыми волосами по всему грубому телу и больше похожего на животное. Он тяжело дышал, вздрагивая время от времени, будто в ознобе, и сжимался еще сильнее, пытаясь защитить себя от холода и сырости.

Не до сна было в доме доктора Кобба в ту ночь. Сначала они ждали, когда закончится дождь, когда же он прекратится, решили дожидаться рассвета.

Доктор Кобб сидел, обхватив голову руками. Доктор Роллинз то выглядывал в окно, то сам теперь неистово распахивал по комнате кругами. Он поглядывал на часы, но время тянулось невыносимо медленно. Наконец, после долгих часов глубокой темноты забрезжил рассвет, обещавший великолепный день.

Роллинз повернулся к старому доктору.

– Ну, так что мы будем делать? – спросил он, с издевкой растягивая слова.

Доктор Кобб не ответил. Он спал. Бессменная вахта долгой ночи истощала его силы. Роллинз задумчиво посмотрел на старика.

Они были оба в одной лодке, он это понимал. Если поймает одного, считай, другого тоже. И если полиция докажет факт преступления, им конец. Особенно, если человек-зверь убьет кого-нибудь. Они должны держаться вместе. И не было никакого смысла конфликтовать с Коббом. Чтобы спасти себя, он должен в первую очередь спасти старика, раз они теперь повязаны.

Он мягко потряс доктора Кобба за плечи, пока тот не проснулся.

— Уже рассвело, — тихо сказал он. — Что будем делать?

Кобб медленно потянулся.

— О чем вы? — он зевнул и вдруг резко встрепенулся. — Ах, бог ты мой... как я мог забыть!

— Зато я не забыл, — Роллинз расправил плечи. — Всю ночь только о нем и думал. У нас слишком большая территория для поиска, это просто нереально. Мы все же должны рискнуть и позвонить в полицию.

— Вы с ума сошли? — крикнул доктор Кобб. — Нам это не сойдет с рук, все слишком серьезно. Мы не можем впутывать сюда полицию. По крайней мере, пока не убедимся, что шансы найти его исчерпаны.

— Хорошо, — спокойно ответил Роллинз. Он сел и зажег последнюю сигарету из тех двух пачек, что выкурил в течение ночи. — Тогда мы, вероятно, скоро узнаем о нем из газет.

— Что вы имеете в виду? — хрипло спросил Кобб.

— Я как-то сомневаюсь, что ваш пациент не проявит свою агрессивность и продолжит вести себя как домашнее животное. Скоро мы обо всем узнаем. Можете даже не сомневаться.

Кобб от волнения сдал собственное горло.

– Почему это? – прохрипел он.

– А потому. Он человеко-зверь. Именно так. И чем дольше он остается на свободе, тем более он опасен. Как только он проголодается, он начнет искать свое сырое мясо! И вы узнаете из газет, что будет дальше...

В ДЕВЯТЬ часов утра смотритель лодочной станции, направляясь к сараю, свернул с дорожки, ища в карманах ключ. Несколько человек уже поджидали его. Но ключ оказался не нужен. Дверь была открыта.

Он осторожно заглянул внутрь и крикнул:

– Эй, кто там?

Человеко-зверь проснулся и спрыгнул со стола.

– Назад! – истошно закричал смотритель. – Обезьяна! Стой, где стоишь!

Все бросились врассыпную, когда испуганный человеко-зверь выскочил из лодочного сарая и помчался к спасительной густоте зелени. Он взобрался на ближайшее дерево и, запрыгав с ветки на ветку, исчез в глубине парка.

Смотритель вбежал в свой офис и, сорвав с телефона трубку, подергал рычаг.

– Соедините меня с полицией! – закричал он. – Полиция! Полиция! Тут в парке сбежавшая обезьяна. Горилла. Огромная горилла! Она едва не напала на нас, но мы ее испугали и прогнали...

Уже через три минуты прибыли две машины с бортовыми рациями.

– Что случилось? – крикнул водитель первой машины.

– В парке сбежавшая горилла! – крикнул в ответ смотритель.

– Откуда, интересно, она сбежала? – усмехнулся коп.

Все еще потрясенный впечатлением, смотритель пожал плечами.

– А я почему знаю? Мне все равно. Я знаю только, что в парке обезьяна.

Четверо полицейских недоверчиво переглянулись.

– Спросите у них, – смотритель махнул рукой, показывая за лодочный сарай. – Они все видели и подтвердят.

Но за строением никого не оказалось. Напуганные случившимся, очевидцы разбежались. Подивившись, копы пообещали разобраться с этим делом, не демонстрируя при этом особого рвения.

ДОКТОР Роллинз прекратил вышагивать по комнате и внезапно остановился, глядя на Кобба.

– Если не хотите вызывать полицию, то мы хотя бы можем обратиться в частное сыскное агентство. Поймите, мы не в силах обшарить весь город.

Он почти убедил Кобба. Изможденное лицо старика было наполнено страданием и беспокойством. Ему хотелось скорее избавиться от тяжкого бремени. Даже если полицейским придется застрелить человеко-зверя, ему теперь было все равно, лишь бы это избавило его от страха и беспокойства.

Зазвонил телефон. В комнату заглянула Вильгельмина.

– Это вас, доктор Роллинз, – сказала она высоким, резким голосом. – Звонят из вашего офиса.

– Скажите им, что меня здесь нет, – отмахнулся он. – Придумайте что-нибудь.

– Доктор Литтл сказал, что должен поговорить с вами, – настояла она.

Роллинз вздохнул с досадой и рассерженно двинулся к телефону.

– Алло! – рявкнул он в трубку.

– Здесь Бартоломью, – ответил доктор Литтл. – Он хочет тебя видеть. Прямо сейчас.

Роллинз бросил трубку на место.

– Я должен уйти, – сказал он Коббу. – Вернусь через десять минут.

Кобб забеспокоился. Он хотел попросить Роллинза не оставлять его, но не хватало смелости. Вместо этого он сказал:

– Я согласен насчет агентства.

– Ждите, пока я не вернусь, – и Роллинз поспешил в свой кабинет, находящийся всего в трех кварталах отсюда. Старик Бартоломью был его самым выгодным пациентом, и отказаться от него – означало бы лишиться себя основного источника дохода.

– Ах, мистер Бартоломью, – весело поприветствовал он пациента. – Вы просто замечательно выглядите сегодня.

Мистер Бартоломью выглядел отнюдь не замечательно, в чем и поспешил уверить доктора, начав рассказывать, как плохо он себя чувствует. Его бледное, будто искривленное мукой лицо было наполнено ужасом, руки лихорадочно дрожали. По правде говоря, выглядел он довольно скверно и явно нуждался в помощи врача.

Роллинз провел его в свой кабинет и усадил за стул. Стаканчик виски подействовал достаточно расслабляюще, чтобы пациент мог изложить свою историю.

– Вы посоветовали мне активный отдых на свежем воздухе, – дрожащим голосом начал Бартоломью, – Так что последние две недели я катаюсь на лодке каждое утро. И мне действительно стало лучше, – торопливо закивал он, – Сегодня утром я отправился на озеро, чтобы как обычно взять лодку. В этот раз я пришел слишком рано, поэтому решил подождать лодочника, прогуливаясь рядом. Потом я увидел его, он шел и сердился, что не может найти ключ, но ключ не понадобился, кто-то выбил дверь. Он, разумеется, был весьма удивлен и заглянул туда, чтобы удостовериться, нет ли внутри грабителей. Но там никого не оказалось, кроме огромной обезьяны. Она выскочила прямо на нас...

– Что ?! – вскричал Роллинз.

Мистер Бартоломью испуганно отпрянул.

– Я не пил вчера вечером. Клянусь! Там были еще человек десять, все ждали, когда откроют лодочную станцию. Они тоже видели!

Роллинз едва сдерживал волнение.

– Да, да... вот, попринимайте эти таблетки, – он сунул в руку пациента коробочку с пилюлями. – Лежите в кровати весь день. У вас был довольно серьезный шок.

– Да уж, это точно! – с радостью согласился Бартоломью.

– Приходите завтра, – машинально добавил Роллинз вслед пациенту. Если Бартоломью чувствовал себя уже намного лучше, то сам Роллинз пребывал в полной растерянности.

Пришлось взять такси, чтобы скорее добраться до дома доктора Кобба.

– Он в Центральном Парке! – с порога крикнул Роллинз.

– Откуда вы знаете? – изумился Кобб.

– Пациент рассказал мне. Его видели в парке. Он без одежды. Все думают, что это гигантская обезьяна. Не удивительно – с его-то густой шерстью.

– Но что нам теперь делать? – в беспомощности воскликнул Кобб.

– Я не знаю. Все что мы можем, это как-нибудь выманить его оттуда, прежде чем он озверев от голода и не нападет на кого-нибудь.

– Но как это сделать?

– Нанимайте детективное агентство. Скажите, пусть берут как можно больше людей. Необходимо сырое мясо. Мы выманим его на запах. Вероятно, он уже проголодался.

– Я позвоню сейчас же.

– Нужно самое крупное агентство, какое найдете. Нам понадобится много людей.

ЧЕСТЕР, глава городского детективного бюро прибыл через десять минут. Он выслушал их историю, не скрывая своего изумления.

– Значит, недостающее звено, я правильно понял? – уточнил он.

Кобб и Роллинз поспешно кивнули.

– Он находится в парке, и ручной? И вы хотите, чтобы мы изловили его для вас?

– Все верно, – подтвердил Роллинз. – Я хочу, чтобы вы собрали в парке столько людей, сколько сможете собрать, но это должны быть крепкие, бесстрашные ребята, которые не испугаются большой обезьяны, хоть и ручной. Мясо мы берем на себя.

– Ну, – Честер с сомнением покачал головой. – По мне так, это звучит немного глупо. В нашем бюро еще никто не ловил обезьян, но я думаю, что мы с этим справимся, если все так, как вы говорите.

– Отлично! – с воодушевлением воскликнул Роллинз. – Главное, собрать как можно больше людей. И как можно скорее отправляйтесь в парк. Мы будем там с фургоном свежего мяса.

Продолжая с удивлением покачивать головой, Честер удалился.

Уже через час примерно с полсотни крепких мужчин, очевидно, подобранных из охранников, поджидали, когда прибудет фургон с мясом. Все выглядели достаточно решительными и серьезными, готовыми без оружия ринуться в полное опасности приключение и с минимальными потерями выполнить приказ. Кобб и Роллинз были впечатлены группой.

– Будете двигаться через парк, между деревьями, – объяснял им задачу Роллинз. – Размахивайте кусками мяса над головами. Он может помчаться на вас, попытаться запугать, но вы не сходите с места. И не вздумайте бросать ему мясо.

Просто твердо стойте, где стоите и протяните ему кусок. Затем оставьте рядом партнера и позовите остальных. Не пытайтесь вступить с ним в схватку!

Бродяги в парке были поражены, увидев, как высокие, крепкие мордороты, размахивая здоровенными кусками сырого мяса, дружно шагают сквозь насаждения.

– Я выгляжу идиотом, – пожаловался «Шип» Гарн своему партнеру по кличке «Краб». Оба здоровяка ступали рядом, держа, как было велено, мясо над головами. – Где это видано, чтобы мы ловили обезьяну? Тьфу, ты!..

– Перестань ворчать. Эй!.. – вдруг вскрикнул Краб. – Смотри!

– Чтоб мне сдохнуть! – пробормотал Шип. – Это же он...

– Стой и протяни ему мясо.

Человеко-зверь, чья лохматая шерсть была вымазана в грязи и покрыта колючками, спрыгнул с дерева в двадцати шагах от них и медленно побрел навстречу. Стараясь не приближаться слишком близко и пуская слюни, он протягивал свои огромные лапищи.

– Я не могу! – дрогнул Шип.

– Стой на месте. Он разорвет тебя, не вздумай бежать.

Они застыли, дрожа от страха, держа мясо на вытянутых руках. Человеко-зверь выхватил оба куска и присел на корточки, вцепившись в мясо своими мощными зубами. Оба громко, как заколдованные, наблюдали за ним.

Именно тогда они и совершили роковую ошибку. Вместо того чтобы дожидаться, пока существо утолит свой голод, они попытались схватить его и отвести этим двум докторам. Но человеко-зверь легко вырвался из их сильных рук и снова вонзился зубами в мясо.

Оба не извлекли из этого урок. Они снова схватили его, настойчиво пытаясь силой поднять на ноги. Он гневно зарычал и, размахивая огромными руками, словно цепями, осатанело бросился на них.

– На помощь! Помогите! – разлетелись их истошные крики.

Подбежала дюжина парней. Шип лежал, не подавая признаков жизни. У Краба сочилась кровь из глубоких порезов на лице и по всему телу.

Человек-обезьяна мирно сидел поодаль на корточках, уплетая мясо.

– Взять его! – крикнул кто-то.

– Отойди! – раздался другой крик. – Я всажу в него пулю.

Подбежали Роллинз и Кобб.

– Стойте – закричал Роллинз, – не стреляйте в него!

Задыхаясь, оба ворвались в толпу разъяренных мужчин.

– Он убил Шипа! – ревели ловцы. – Мы его прикончим.

– Нет, нет! – в отчаянии прохрипел Кобб.

Он встал перед ними, чтобы загородить собой человеко-зверя. Его собственное создание затравленно рыскало взглядом, радужки глаз человеко-зверя уже почти полностью заполонили собой весь объем видимой части глазного яблока. Присев для броска, он готов был насмерть биться за свою еду. Кто-то нацелил на него оружие. Доктор Кобб отступил еще немного назад.

Огромные волосатые лапы, быстро мелькнув, схватили старого немоющего доктора и швырнули его в цепь людей, с легкостью сбив двух человек. Кобб не шевелился. Его позвоночник был сломан.

– Он убийца! – проревел Краб. – Взять его!

Взяв человеко-зверя в кольцо, крепкие парни набросились на него, навалились, не давая подняться с корточек. Когда же попытались заставить его встать, он, продолжая держать кусок мяса в одной руке, отчаянно сопротивлялся другой.

Мешая друг другу, разозленные громилы в ярости принялись наносить удары прикладами пистолетов по его толстому черепу.

Он схватил одного из них, поднял над головой и закрутил, словно дубиной.

Нападавшие были отброшены. Держа над головой уже мертвое тело, он свирепо зарычал.

Раздался оглушительный грохот выстрелов. И одновременно – дикий рев.

Человеко-зверь упал, издав пронзительный вопль, сменившийся ужасным визгом. Он катался по земле, разрывая ее своими огромными лапами. Через мгновение замер, струйки крови стекали из пулевых отверстий на его большой лохматой груди.

– Славная выдалась битва, – тяжело дыша, прохрипел кто-то.

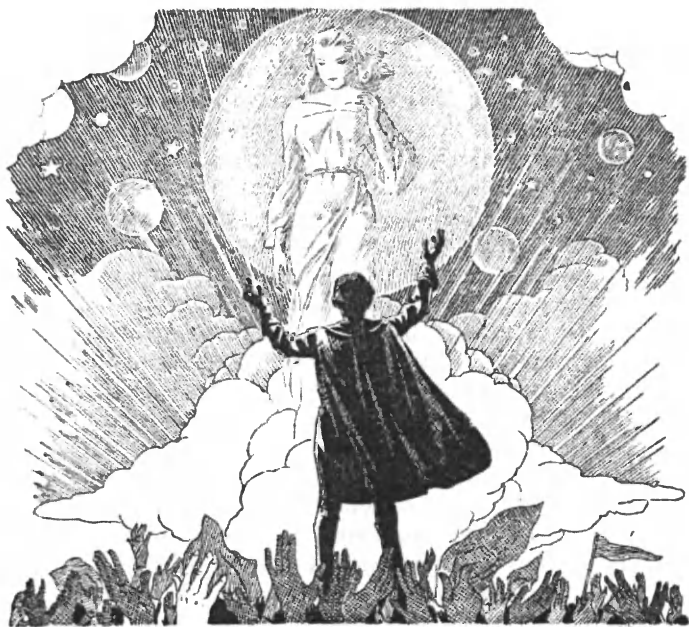
– Да, – согласился другой. – А где хозяин?

Они нашли Роллинза под кучей искалеченных, изуродованных тел. Он принял смерть вторым.

Первым был Кобб.

– Да уж, – прорычал Краб, глядя на огромную волосатую тушу, лежавшую рядом с телами своих жертв. – Хорошо, что мы прикончили это недостающее звено. Только в следующий раз придется брать плату вперед, пока чего не вышло.

Прибыла полиция. Но им не осталось работы. А люди, которые могли ответить за ужасный эксперимент, уже находились вне их юрисдикции.

Герой

Джо Лайонс должен был бы радоваться тому, что уже близок к цели. Земля грузно поворачивалась справа от него. Луна неподвижно стояла впереди, а позади сиял красной точкой Марс.

Он видел это зрелище три года назад. Но горло у Лайонса не сжималось ностальгической тоской, когда он представлял себя дома, с матерью и братом. Перед ним стояла

важная задача: подойти к Земле под нужным углом с нужной скоростью.

Он отрегулировал машины, ударив передними дюзамии сначала с полной силой, потом в четверть силы, и исправил курс боковыми дюзамии так, чтобы корабль направлялся на градус левее Луны. Земля вздувалась огромным сияющим шаром.

Девять раз он облетел вокруг нее на скорости, постепенно падавшей с миль в секунду до миль в минуту, и вот уже воздух завизжал вокруг корпуса. Он был над Африкой. Он повернул к северу, полетел над океаном.

Он миновал Калифорнию, Скалистые горы, Средний Запад и уже видел вдали берег Атлантического океана. Только тогда он включил радио, чтобы получить инструкции для посадки. – Алло, Лайонс! – раздался взволнованный голос. – Ронконкома вызывает Лайонса! Если вы слышите меня, отвечайте...

Эти звуки на мгновение заставили его потерять дар речи. Три года не слышать земного голоса...

– Говорит Лайонс, – неуверенно сказал он.

– Что-нибудь не в порядке, Лайонс? – тревожно спросил голос. – Мы заметили вас четыре часа назад, все время пробуем связаться с вами. Что-нибудь не так?

– В-в-все в порядке, – произнес он монотонно и напряженно, словно боясь, что голос у него рвется.

– Чудесно! – сказал диктор. – Рад вас слышать снова, Лайонс! – Потом он перешел на деловой тон: – Тормозите, Лайонс. Питсбург только что сообщил, что вы промелькнули над ним с такой скоростью, что проскочите мимо нас.

– Хорошо, – сказал Лайонс. Он притормозил, пока не почувствовал, что корабль начинает спускаться вследствие потери скорости. Он наклонился вперед и впился глазами в нижний визиоэкран. Низкие широкие здания, не выше со-

рока этажей: лабиринт низких и широких домов. – Это Филладельфия подо мной? – спросил он.

– Да. Вы прибудете минут через десять. Пересекая Лонг-Айленд-сити, тормозите. – Там у вас свободно? – спросил Лайонс. Ответ диктора удивил его:

– Ну еще бы! Ваш корабль – единственный, который прилетает сегодня, Лайонс. Все остальное переведено на Ашокан.

– Почему так?

– Не спрашивайте, дружище. Все узнаете потом. Все здесь с нетерпением ждут вас. Но будьте осторожны.

Ронконкома освобождена только ради его маленького корабля? Ашокан должен быть перегружен, должен задыхаться от кораблей, обычно взлетающих и садившихся в обоих портах. Это бессмысленно...

– У вас ремонт? – недоуменно спросил он.

– Ничуть. Порт в наилучшем состоянии. Как вы себя чувствуете, дружище?

– Неплохо, – рассеянно ответил Лайонс.

– И это все? – вскричал диктор. Но Лайонс захлопотал над управлением. Гигантские здания с плоскими крышами для посадки вертолетов, паутина мостов, ярусы механических тротуаров и шумных улиц, кишение в воздухе. Манхэттен – и с ним опасность столкновения. Он поднялся выше, над всеми воздушными путями, пролетел над Ист-Ривер, теперь лишенной мостов, через Куинс. Постепенно он снижал бешеную скорость. Длинный овал озера Ронконкома лежал прямо впереди.

Лайонс не был так бесстрастно спокоен, как могло показаться. Ему нужно было приземлиться, и приземлиться хорошо. Всякий пилот – кругосветник вел бы себя точно так же. Главное было – благополучно посадить корабль, а это требовало огромных усилий.

Думая лишь о своей задаче, Лайонс поднял корму, затормозил и, едва не задев ангары, соскользнул по длинной плавной линии прямо на воду.

Тьма, черная, свистящая, головокружительная водяная тьма, затопила визиозэкраны, разливаясь вдоль корпуса с оглушительным ревом.

Потом вода пожелтела. Корабль задрожал, тяжело закачался и тяжело осел на дно.

Что-то подхватило его, протащило по дну озера и выволокло на берег, между пассажирской и грузовой платформами огромной ракетной станции.

— О'кэй, Лайонс! — вскричал диктор. — Выходите!

Но Лайонс тупо сидел в своем гидравлическом кресле, оцепенев от испуга.

— Я... я не могу, — пробормотал он. — Вся эта толпа...

Обе платформы были заняты множеством людей. Он начал понимать, почему весь ракетный транспорт был переведен из Ронконкомы. Он не слышал шума толпы, хотя видел широко открытые рты людей, истерически размахивающих руками, вертящиеся трещотки. — Н-не хочу выходить, — прошептал он.

Сквозь двойную оболочку корпуса доносился слабый стук.

— Выходите, Лайонс, — уговаривал диктор. — Не можете же вы просидеть там весь день!

Так много людей, лихорадочно подумал Лайонс. Даже небольшая группа смутила бы его: Так долго он пробыл один, без всяких собеседников, что даже не был уверен, сможет ли вообще говорить связно. Это были долгие месяцы смертельного, абсолютно пустого, как вакуум, молчания, одиночества в тесном корабле, когда даже ближайшие планеты казались лишь далекими светлыми точками. И там не было никого...

— Я не могу, — прошептал он, сжавшись в своем кресле.

– Бросьте эти глупости, Лайонс! – резко произнес диктор. – Если они захотят, они пробьются к вам. Вам лучше самому открыть двери.

Лайонс встал, весь дрожа, отчаянно стараясь не смотреть на визиоэкраны. Держась за высокую толстую спинку кресла у панели управления, он двинулся к двери. Ноги у него весили целые тонны, колени жалко подгибались под гнетом непривычной тяжести.

Стучали все громче. Если он не откроет, они взломают дверь и вытащат его отсюда. А тогда он получит от командования взбучку за то, что допустил поломку корабля.

Это будет недолго, подбодрил он себя. Он может как-нибудь извиниться и удрать. Летная болезнь, лихорадка... Может быть, он заставит их даже отправить его в госпиталь и оставить в покое. Он заковылял по коридору, по которому столько раз проходил за последние три года, в котором знал каждый шов, каждую заклепку, каждую пластину на полу и стенах. Ему не хотелось уходить с корабля, заменявшего ему дом и друзей в течение трех лет, и он нерешительно взялся за штурвал внутреннего шлюза. Услышав шум так близко, он отпрянул. Он может оставить шлюз закрытым, может спрятаться за трубопроводами для горючего, если эти люди вломятся... Но нет, он не может сделать этого. Его мать, брат, друзья – живы ли они? Он должен как-нибудь пройти сквозь толпу и разыскать их. Это стало вдруг его самым горячим желанием.

Он повернул штурвал до отказа, вырвал болты из гнезд. Ворвался воздух, заполняя частичный вакуум, образовавшийся за год полета в космосе.

Шум приблизился. Если бы только они дали ему время привыкнуть к звуку земных голосов и к толпе! Обычно он не боялся людей. Но это было так внезапно – переход от молчания к оглушительному шуму...

Руки у него дрожали так, что он с трудом заставил себя взяться за штурвал внешнего шлюза. Этот штурвал поворачивался медленнее, словно неохотно. Он вцепился в рычаг, удалявший болты, и внимательно прислушался к звукам за дверью. Там было мертвое молчание, словно он был еще в космосе. Оглушительного шума больше не было, и это придало ему храбрости.

Он сдвинул рычаг – и вдруг отскочил назад. Внешняя дверь порывисто распахнулась под тяжестью напиравших снаружи людей. Толпа! Она ворвалась, чтобы схватить его! Он не мог скрыться во внутренний шлюз. Было слишком поздно. Люди окружили его, хватали руками, кричали. Мужчины и женщины в парадных, плотно прилегающих одеждах из красной стеклянной ткани, в развевающихся зеленых плащах из синтетического меха, в шапочках с узкими полями или вовсе без полей.

– Майор Лайонс! – прогремел краснолицый коренастый человек, хватая его вялую руку. – Я Абнер Коннаут, избранный президентом Штатов в годы вашего отсутствия. От имени народов Земли приветствую вас!

– Майор Лайонс? – повторил астронавт. – Но ведь я простой пилот...

Он покраснел, так как толпа засмеялась. Его слова передавались тем, кто стоял на дальних концах платформ, пока вся станция, битком набитая людьми, не загремела смехом.

Он отпрянул назад, пристыженный, рассерженный.

Мужчины и женщины, окружавшие его, были, очевидно, политиками и чиновниками, так как, когда они вывели его из шлюза на платформу, толпа почтительно расступилась.

Он очутился перед батареей микрофонов и другой батареей – телевизионных передатчиков, в круту вооруженной полиции. За пределами круга кишела толпа, стараясь пробиться к нему, вопя, размахивая руками.

Президент Коннаут подтащил его к микрофонам. Гигантские глаза телепередатчиков смотрели на него, не мигая.

– Друзья, сограждане! – снова загремел голос президента. – Три года назад мы следили, как майор Лайонс взвился с Земли в мировое пространство, отважный исследователь, полетевший через не обозначенные на картах просторы космоса на Марс, чтобы разведать его богатства.

Три года мы ждали и молились за его счастливое возвращение. И вот, наконец, он вернулся к нам, скромный, как всегда, не изменившийся в суровых испытаниях, которым подвергся. Мы благодарим его за благополучное возвращение и...

Дальше, все дальше и дальше, в неизменных с начала миров формулировках, привычных для политиков. Лайонс должен был торчать перед пристальными глазами телепередатчиков, пока толпа сердито шевелилась позади полицейского кордона; но, по крайней мере, она молчала теперь.

Он переступил с ноги на ногу. Руки у него неуклюже висели – ему нечего было ими делать. И все это время – пристальные пугающие глаза, от которых нельзя было спрятаться.

Он нервно отвернулся. Из толпы чиновников на него смотрели два лица, два неподвижных, далеких лица, улыбавшихся ему почти как чужому. – Мама! – крикнул он. – Сид! Оба лица одновременно побледнели, выразили отчаяние. Пальцы у них поднялись к губам, требуя молчания. Ибо президент Коннаут обернулся, схватил его за плечо и сказал:

– А теперь, майор, расскажите нам, что вы нашли на Марсе. Помните, мой мальчик, весь мир почтительно ожидает ваших первых слов!

Лайонс оцепенело смотрел на микрофоны. В его голове не возникало ни одной связной мысли. Он стоял дрожа, не в силах сказать ни слова. Толпа заволновалась. Президент взглянул на него.

– Я... я не могу... говорить, – пробормотал он, заикаясь.

Нервы у него не выдержали; он заковылял к матери, обнял ее.

– Пожалуйста, Джозеф, – прошептала она, – ради меня...
– Он отодвинулся.

– Джозеф? – переспросил он. – Больше не Джо?

Его брат Сид осторожно взял его за руку и подвел к микрофонам.

– Я знаю, каково тебе, – произнес он тихим напряженным голосом. – Вот почему я написал за тебя речь. Только прочти ее.

Лайонс взглянул на бумагу, умоляюще огляделся. Сид и мать подтолкнули его вперед. Президент ободряюще улыбнулся и поставил его перед устрашающим фронтом блестящих приборов.

Он начал читать. Слова оставались для него бессмысленными, и он читал ровным, торопливым, невыразительным голосом, без пауз или интонации, радуясь тому, что не должен думать о произносимых фразах. Все это есть на бумаге, о чем бы там ни говорилось.

Он едва понял, что дочитал до конца, пока президент Коннаут не похлопал его по спине и не сказал:

– Благодарю вас, майор! Великолечно сказано! А теперь, сограждане, будем терпеливо ждать, пока майор Лайонс отдохнет, пока его марсианские фильмы будут проявлены, и тогда мы услышим от него больше. Я уверен, что наше терпение будет щедро вознаграждено.

Отряд полиции окружил Лайонса и его семью и провел их сквозь толпу к длинному узкому автомобилю за чертой ракетной станции. В машине уже сидели два незнакомых

человека. Лайонс остановился в недоумении, но увидел, что они улыбаются ему.

– Все в порядке, Джозеф, – ласково сказала мать. – Это мистер Моррисон и мистер Бентли. Ты их знаешь, не правда ли?

– Председатель и казначей кругосветников! Хелло! – почтительно пробормотал Лайонс. – Как любезно с вашей стороны прийти сюда!

– Скромен, как всегда, – сказал Моррисон и засмеялся.

Машина тронулась и скользнула в тоннель, ведущий к Нью-Йорку. Сид и мать сидели напротив Лайонса, и на губах у них была невеселая, официальная улыбка.

– Ты приготовила для меня мою старую комнату, мама? – спросил он, отчаянно пытаясь завязать разговор. Мать смутилась.

– Не знаю, как и начать, майор, – сказал, наконец, Бентли. – Я думаю, вы предпочтете, если мы будем с вами откровенны. – Конечно, – ответил Лайонс. – Так вот, вы не должны думать о возвращении к прежней жизни. Больше никаких маленьких квартир, никаких полетов. Вы – мировой герой, знаете ли...

– Конечно, – прибавил Сид. – Ты на самом верху, Джо.

– Мировой герой? – недоуменно переспросил Лайонс. – Что это значит?

– Это старые, заново открытые слова, – вмешался Моррисон. – До сих пор казалось, что в нашей прозаической цивилизации интерес публики не может сосредоточиться на одном человеке настолько, чтобы он стал героем. В вашем случае положение стало несколько необычным. Газеты так занимались вашим полетом, что публика подняла вас до уровня героя. Чтобы превратить вашу славу в капитал, вы должны и жить соответственно.

Лайонсу стало не по себе.

– Я не понимаю...

– Благодаря вам, – сказал Бентли, – мир может преодолеть столетия одним прыжком. Лайонс кивнул.

– Но как я сделаю все это?

– Теперь все планеты доступны для нас, – пояснил Моррисон. – Кругосветники построили два межпланетных корабля – ваш и другой, большего размера, – первые из будущего флота космических лайнеров. Разумеется, у небольшой группы акционеров не хватит денег, чтобы построить все, что нужно. Поэтому мы выдвигаем вас, майор Лайонс; публика питает к вам безграничное доверие; публика даст деньги для сооружения кораблей, и мы назовем флот Линией Лайонса.

– Это величайший в мире шанс для тебя, Джозеф, – вставила мать. Сид возбужденно пожал ему руку. – Ты будешь председателем новой компании, Джо! Мне тоже дадут хорошее место!

– Я помогу, чем только в силах, – согласился Лайонс. – Только не знаю, как я буду председателем компании. Я простой пилот.

Мать произнесла:

– Не тревожься об этом, Джозеф. Мистер Моррисон и мистер Бентли будут говорить тебе, что и когда делать.

– Это будет непобедимый союз, – заявил Моррисон, хлопав Лайонса по колену, – ваша репутация, наш коммерческий опыт и деньги, которые мы позволим публике вложить. Предоставьте все нам, майор, и мы с вами будем самыми первыми людьми в этом маленьком старом мире!

Они промчались по туннелю, не встретив никакого транспорта, переключенного на поверхность. Когда они выехали на верхний уличный ярус, шофер повернул машину к жилой части города, потом к зданию, в котором Лайонс узнал Гранд Америкой Отель – самый большой и самый дорогой из всех отелей.

– Ну, майор, – пылко проговорил Бентли, когда они поднимались в сверкающем лифте, – вот где вы будете жить. В Гранд Америкен.

Лайонс нахмурился.

– Прекрасно, но я буду чувствовать себя не на месте. Я хотел бы, чтобы мне позволили остаться в моей старой комнате, дома.

– Нет, Джозеф, – запротестовала мать, – мистер Моррисон и мистер Бентли сняли для тебя весь этаж. Кроме того, я уже больше не живу на прежней квартире. Это не место для нас.

– Мне там нравилось! – печально сказал Лайонс. Его ввели в роскошные апартаменты. В огромной приемной он остановился, смутившись: здесь выстроился, встречая его, целый полк слуг – как ему показалось, сотни слуг. Все они низко поклонились ему.

Джо Лайонс в замешательстве проскользнул мимо них в роскошно убранную гостиную. Отсюда двери вели в другие комнаты, устланные великолепными пушистыми коврами, великолепно обставленные.

– Я никогда не привыкну, – пробормотал он. – Мне просто страшно здесь.

– Чепуха, мой мальчик! – произнес Моррисон. – Скоро вы будете гулять здесь так, словно вы здесь и родились. Во всяком случае, публика ожидает, что председатель Линии Лайонса будет жить в обстановке, которая соответствует его положению.

– Думаю, что так. – Загорелый лоб Лайонса наморщился. – Но мне кажется, это неправильно. Вы построили космический корабль, а я летал в нем. В последние десять лет я имел дело с кругосветными ракетами и считался одним из лучших пилотов. Вот и все.

– Но если люди хотят, чтобы ты был председателем компании, Джозеф, – заговорила мать, – то этого достаточно.

— Конечно, если это может помочь межпланетным полетам. Я только этого и хочу.

— Совершенно верно, майор — подтвердил Бентли, кладя на стол пачку бумаг и держа в руке перо. — Угодно вам подписать вот здесь, внизу?

Лайонс послушно нацарапал внизу свою подпись.

— Что это такое? — спросил он. — Документация на Лайонс Лайонса. Вы согласились стать председателем компании.

Моррисон сложил бумаги, спрятал их в карман и пожал Лайонсу руку.

— Мы покидаем вас, мой мальчик. Спите. Мы увидимся с вами завтра.

Мать поцеловала его и тоже ушла вместе с Сидом. Вошел дворецкий.

— Обед подан, сэр. Если вам угодно спать, ваша спальня готова.

Он чувствовал себя голодным и усталым. Ему удалось поесть, несмотря на армию слуг, все время сменявших перед ним тарелки. Он едва дождался того, чтобы лечь в мягкую постель с прохладными белыми простынями.

В спальне он начал расстегивать "молнию" на своей нарядной синей куртке и вдруг приостановился. Рука его ощутила выпуклость в нагрудном кармане. Он был так ошеломлен этим днем, что совсем забыл о ней, хотя никогда не думал, что это возможно. Осторожно он достал из кармана статуэтку.

Это была цветная фотостатуэтка, сделанная из специальной пластмассы. Всякий узнал бы в ней произведение скульпторкамеры, но сама статуэтка удивила бы каждого.

— Лезли, — прошептал Лайонс.

— Вернись, ссскорррее, Джо!-услышал он, словно эхо, нежный, тихий голос.

– Ох, я и хотел бы вернуться, Лезли, – прошептал он. – Но, кажется, пока что не смогу. Но рано или поздно я вернусь к тебе, Лезли, дорогая, вернусь, как только меня отпустят отсюда.

Он осторожно поставил фигурку на ночной столик и разделся. Возвращаясь с Марса, он с наслаждением вспоминал о бодрящих холодных душах, которые нельзя было принимать на корабле из-за невесомости. Но сейчас он был слишком утомлен, чтобы мечтать о чем-либо, кроме постели. "Странно,-грустно подумал он, – как изменились мама и Сид: в них нет никакой теплоты. Не то что Лезли, всегда такая искренняя и ласковая".

Кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним Сиды. Мать, улыбаясь, стояла у кровати.

– Господи, – сказала она, – и устал же ты, наверно? Проспал почти сутки.

Он зевнул, потянулся, потом отбросил одеяло и спрыгнул с постели.

– Ну, конечно, мне уже лучше. Я наверняка проспал бы неделю, если бы вы меня не разбудили.

– Извини, Джо, – сказал Сид. – Я должен был тебя разбудить. Сегодня вечером в твою честь состоится большой банкет – официальный прием и всякое такое, и тебе придется сделать первое заявление о новой компании.

– Ох, Сид, – пожаловался Лайонс, – я надеялся получить свободный день! Мне хотелось повидаться со старыми товарищами, пилотами...

– Некоторые из них будут на приеме, – прервал его Сид. – Но, Джо, ты должен, наконец, научиться смотреть на себя иначе. Ты сейчас самая крупная фигура в мире. Все зависит от тебя, и ты не должен нас подвести.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну, вот сегодня вечером большой прием. Ты делаешь заявление, и публика начинает интересоваться. Завтра ты

инспектируешь межпланетный корабль, который должен отлететь к вечеру. Публика покупает наши акции, понятно?

– Межпланетный корабль? – переспросил Лайонс. – Куда?

– Наши ученые исследуют твои записи, фильмы и все прочее. Они внесут в механизмы все изменения, какие понадобятся.

– Корабль летит на Марс? – настойчиво спросил Лайонс.

– Да. Это первый в Линии Лайонса.

– Ох, если бы только и я был там! – воскликнул Лайонс.

Но это было невозможно. Он был обязан прежде всего выполнить свой долг.

– Что это такое, Джозеф? – спросила мать. Она держала в руке фотостатуэтку. – Кто это?

– Лезли, девушка-марсианка, – ответил он. – Я... я хочу жениться на ней.

– Жениться на ней? На этом меднокожем пугале? О Джозеф! Земные девушки гораздо красивее!

– Это защитная окраска, – возразил он. – Защищает от актинических лучей.

– Но она марсианка! Может быть, она даже не человек!

– Нет, человек. Ее предки бежали с Земли перед одним из ледниковых периодов.

Сид понимающе усмехнулся.

– Дикарка, Джо, верно?

– Лезли, потомок утонченной, культурной марсианской расы, – дикарка? – Лицо у Лайонса побелело, кулаки сжались.

– Ты бросишь ее ради меня? – умоляюще сказала мать.

– Но, мама...

Они услышали, как открывается дверь лифта. – Это Моррисон и Бентли, мама, – быстро произнес Сид. – Выйди и поговори с ними. Я помогу Джо одеться. – Когда она вышла, он обратился к брату: – Не огорчай маму, Джо. Ты ведь зна-

ешь, что не можешь вернуться туда и жениться на своей марсианке. Твое место здесь, и ты должен помогать развитию межпланетных сообщений. Кроме того, ты знаешь, как мама тревожится за нас: отец погиб в катастрофе, каждый из нас может погибнуть так же. Моррисон хочет жениться на ней, если дело выгорит, и он ей очень нравится. Это будет большой помощью для всех нас. Да, я знаю, – с сомнением произнес Лайонс. – Я сделаю все, что потребуется, но когда кончу, то почему бы мне не вернуться на Марс?

Сид не ответил, но лицо у него было мрачное и рассеянное. Лайонс дал облечь себя в парадный костюм из красной стеклянной ткани, пристегнул зеленый плащ и надел шапочку без полей. В штатском платье он чувствовал себя неудобно, но все же вид у него был изящный и приметный.

За дверью комнаты стоял дворецкий с подносом. Лайонс взял у него стакан и выпил живительный завтрак-коктейль, потом последовал за Сидом в гостиную. Там были Моррисон, Бентли, мать и какая-то красивая девушка. Гости пожали ему руку.

– Как вы переменились, майор! – сказал Моррисон. – Ничто так не помогает, как хороший сон. – Он подвел к нему девушку. – Это Мона Трент, самая прекрасная и знаменитая из телевизионных звезд.

– Как поживаете, мисс Трент? – пробормотал Лайонс.

– Никаких мисс. Называйте ее Моной и будьте к ней очень внимательны, – заявил Бентли. – Подумайте о том, какая это будет реклама: вы двое сейчас – самые популярные молодые люди в мире!

Мона пленительно улыбнулась и взяла его под руку, когда они входили в лифт. Но, спускаясь на первый этаж и идя по коридорам в обширный бальный зал, переполненный людьми и радиотелеаппаратами, Лайонс не переставал удивляться тому, как он может помочь межпланетному общению, ухаживая за красивой телевизионной актрисой.

Когда они вошли, все в зале вскочили. Лайонс снова почувствовал нервное напряжение. Со всех сторон протягивались руки, он послушно пожимал их. Ему сунули какую-то бумагу, подтолкнули его к батарее радио– и телепередатчиков. Глядя в бумагу и стараясь не думать больше ни о чем, он ухитрился довольно гладко прочитать свою речь.

Потом все сели за стол; к Лайонсу обращались с речами, а Мона сидела справа от него, глядела на него обожающе и сердитым шепотом требовала, когда никто не слышал, чтобы он был внимательнее к ней. Он пассивно выслушивал бессмысленную чепуху, которую она шептала ему, только чтобы обратить на себя его внимание.

– Не глупите, – почти беззвучно шепнула она, пока ее глаза сладко смотрели на него. – Улыбайтесь, смейтесь! Это для эффекта.

Он попытался, но шептать ей разные глупости было выше его сил. Он был искренним человеком, как большинство пилотов. Он понимал стратегическое значение любезности с акционерами, которые будут способствовать успеху ракетных полетов, но не знал, зачем ему делать вид, будто он влюблен в популярную актрису.

Наконец она пригласила его танцевать. Он закружился по залу, держа ее в объятиях. Все поспешно освободили им место для танца, едва они встали. Это привело его в замешательство.

Он увидел смятенную толпу и среди них своих старых товарищей.

Он сразу остановился и поспешил к ним, приветственно протягивая руку. Они вскочили и пожали ему руку, улыбаясь как-то неестественно.

– Как я рад увидеть хоть кого-нибудь из старой компании! – горячо воскликнул он. – Как насчет того, чтобы прийти ко мне, когда эта шумиха окончится?

– Конечно, мы хотели бы, – ответил один из них, Сэм Мартин. – Но, черт возьми, простым пилотам вроде нас не место рядом с таким героем, как вы.

– Бросьте эту лесть, ребята, – сказал Лайонс и засмеялся.

Он представил им Мону. Странно было, что их натянутость только увеличилась. Он сел и попытался втянуть их в разговор. Но они говорили, только когда он обращался к ним, и то в ужасающе почтительном тоне. Он постепенно чувствовал себя все более озадаченным, покинутым и одиноким. Мона снова увлекла его танцевать.

Почему все стали такими холодными и далекими? Не только его старые приятели, но даже мать и Сид? Несмотря на свою привязанность к ним, он должен был признать это. Насчет Моны Трент у него не было никаких сомнений. Она смотрела на него только как на еще одну знаменитость.

Но все остальные, почему они не были такими дружелюбными, как раньше? Почему не отвечали ему дружбой, которой он так жаждал?

Лезли была не такая. Лезли была пылкая, искренняя, ласковая, она понимала его...

На следующий день, осматривая межпланетный корабль и ожидая, когда будет включено переносное радиооборудование и он сможет обратиться ко всему миру, словно он – величайший эксперт в ракетном деле, Лайонс чувствовал себя глупейшим из дураков. Все это случилось просто потому, что ему повезло и что его собственный корабль не разбился при встрече с метеоритом или при неточной посадке.

Мона Трент висела у него на руке; Моррисон и Бентли стояли поблизости. А мать и Сид могли смотреть на все это только издали.

– Что вы думаете об этом? – хвастливо спросил Бентли. – Первый корабль целого флота! – Великолепно! – согласился Лайонс. – Если мы не свалием дурака, мой мальчик, –

прошептал ему на ухо Моррисон, — мы станем миллионерами! Публика уже дерется из-за акций!

— Я и не думал о том, чтобы заработать кучу денег, — возразил Лайонс. — Я хочу только помочь вам и вернуться...

— Стоп, майор! — прервал его Бентли. — Микрофоны включены.

Джо Лайонс пошел по кораблю, расхваливая его в микрофон. В этом он был искренен, корабль действительно был самым замечательным, самым новейшим, с самым лучшим оборудованием, какое только можно себе представить.

Он говорил просто и выразительно. Потом он достал из кармана приготовленную для него речь и начал читать ее. Это было по большей части повторением того, что он уже говорил дважды или трижды: будущие выгоды межпланетных полетов, богатства других планет, прогресс цивилизации.

Он произносил текст, пробегая его глазами несколько вперед, и вдруг он увидел абзац, заставивший его умолкнуть. Там было написано:

"Не знаю, должен ли я говорить в такую минуту о своих личных делах; но я уверен, что вы будете рады услышать о моем обручении с прекраснейшей девушкой во вселенной — с Моной Трент! Мы с нею были в разлуке три года..."

Он яростно сверкнул глазами на Моррисона и Бентли. Они встревоженно дали ему знак продолжать. Губы у него утрюмо сжались, он быстро отошел от микрофонов. Моррисону пришлось поспешно встать на его место и говорить вместо него.

Бентли и Мона попытались следовать за Лайонсом. Он захлопнул дверь у них перед носом и зашагал один через великолепную кабину управления, через жилые каюты, лабораторию, грузовое отделение. Там он остановился и сунул руку в один из ящиков.

Черт возьми их всех, яростно подумал он, пусть они используют его, как хотят, пусть делаются миллиардерами – ему это все равно, если ракетному делу можно помочь только таким путем. Но они превратили его в какого-то проклятого героя, оторвали от друзей, по их милости мать и Сид стали какими-то интриганам, а теперь они хотят заставить его жениться на девушке, которую он не любит!

Сид или мать сказали Моррисону и Бентли о Лезли, и чтобы помешать ему...

Он зашагал обратно, напряженный и мрачный. Сэм Мартин, тот самый, которого он видел накануне вечером, вышел навстречу и отсалютовал. – Мы отлетаем через десять минут, сэр! Предполагалось, что Лайонс пожмет команду руки и пожелает удачи; он так и сделал. Но когда корреспонденты ушли и Мона сердито последовала за ними, Лайонс остался на корабле.

– Идемте, майор, – поторопил его Бентли. – Они сейчас отлетают.

Лайонс скрестил руки на груди. Его снова попытались торопить, но он яростно отбросил всех.

– В чем дело, мой мальчик? – изумленно спросил Моррисон.

– Я взял в грузовом отделении лучевой пистолет, – многозначительно начал Лайонс. Он держал в руках пистолет. – Убирайтесь вон, вы двое, – крикнул он Бентли и Моррисону. – Что касается остальных, то я проложу себе путь к управлению, если понадобится.

Бентли и Моррисон не протестовали, когда он ткнул им пистолет в спину и вытеснил в шлюз.

– Выходите отсюда так, словно ничего не случилось, – приказал он, – или я устрою скандал. Пока!

Они были бледны, но все же нашли в себе силы выйти. Толпа разразилась приветственными криками, которые вдруг оборвались. Лайонс закрыл внешний люк, завернул

штурвал, вогнал на место болты; потом сделал то же с внутренним шлюзом. Повернувшись, он направил пистолет на команду.

– По местам! – холодно приказал он. – Я лечу с вами. – Челюсти у него сжались. – Ну, живо!

Одно мгновение они колебались, потом по лицам у них поползли улыбки.

– Конечно, – произнес Сэм Мартин. – Кто мы такие, чтобы останавливать вас? Только горсточка кругосветников, и среди нас нет героев.

Лайонс вглядывался в их лица, боясь увидеть иронию, но там ее не было.

– Бросьте, ребята, – попросил он. – Вы знали меня много лет. Я все тот же Джо Лайонс. И я тоже не герой.

Корабль начал двигаться по механической направляющей к стартовой пушке.

– Я не хочу спорить, майор, – серьезно произнес Сэм Мартин, – но пролететь одному с Земли на Марс и обратно – это не проходит для человека бесследно. Он или сойдет с ума, или станет героем. Вы герой, даже если не хотите этого. Но сейчас мы все вместе, и мы надеемся друг на друга – и на вас!

Снова в космосе, вместе с четырьмя из самых давних друзей!

Быть может, на Марсе он опять станет только человеком, а не одиноким героем...

Улыбаясь, Лайонс потрогал статуэтку Лезли во внутреннем кармане куртки, потом отвернулся. Не годится людям видеть слезы на глазах у героя.

СВОБОДНЫЙ ДЕНЬ

Пыльная взвесь за окном плавала, как во сне, в желто-золотом солнечном свете, и притягивала взгляд Моргана. Дребезжащий вентилятор дул на него, но как бы ни хотелось выбраться отсюда, он обречен был сидеть на месте до конца рабочего дня, без желания что-либо делать. Но стоило появиться боссу, Морган сразу же хватался за бумаги, делая вид, что чем-то жутко занят.

Он понимал, что ему повезло с работой. Особенно в такой жаркий день, как сегодня. Все же не мускулы напрягать. Но...

Да, приятель, – задумался он. Что за игра будет сегодня! Две команды, и обе хотят вырвать первое место. Черт, да ведь они будут биться насмерть! Каждый удар – как последний!

Украдкой Морган выдвинул ящик стола и внимательно посмотрел на заголовок спортивной колонки, пристально вгляделся в изображения с мрачными лицами, прочел тяжелый свинцовый шрифт. Этих спортивных обозревателей, наблюдавших столько игр, трудно чем-нибудь удивить. Но на сей раз, приятель, ты будешь усердно стучать по клавишам своей пишущей машинки, до дрожи в пальцах.

Морган задвинул ящик, вздохнул и сложил руки на столе. Веснушки над его бровями всколыхнулись от складок отчаянной мысли. Как бы ему попасть на эту игру?

Нужно срочно что-нибудь придумать. Раньше было проще. Поначалу босс даже выражал сочувствие всякий раз, когда Морган, лишь бы только выбраться из офиса, ссылаясь то на похороны, то на болезни родственников

или, что якобы ему нужно к доктору. Но вскоре Бербанк, директор филиала, начал придирается.

«Вы знаете, Морган! – заявил тот в последний раз, – Для такого большого вола, вы кажетесь чертовски хилым. Я никогда не видел, чтобы с парнем приключалось так много болезней. А сколько у вас больных родственников или семейных трагедий!

«Ну, вы знаете, как это бывает... сэр», – начал оправдываться Морган.

Бербанк пристально посмотрел на него.

«Я пытаюсь понять, как мне поступить с вами, Морган. Надеюсь, эта ваша зубная боль не имеет никакого отношения к бейсболу?»

«О, нет, сэр!» – Морган изобразил взглядом самую невинность.

«Хорошо. Идите к дантисту, Но я хочу увидеть завтра вашу пломбу!»

В тот день Лефти Маринелли не принимал посетителей. Но, к счастью для Моргана, доктор Самнер отыскал в зубах крошечную дырку, и можно было не беспокоиться за отговорку.

Сейчас это уже не прокатит.

Да, это была проблема. Две сильных команды, первое место, финал. Ему нужно придумать что-то по-настоящему неординарное, чтобы провести Бербанка, и в то же время не вызвать подозрений. Никаких смертельных случаев или болезней – с этим покончено. Или все же?..

Морган нервно забарабанил пальцами по столу. Например, высокая температура? Два дня назад, Люси, машинистка, прикинулась страдающей от лихорадки. Разволновавшийся Бербанк вызвал скорую, и ее увезли в больницу. Бедная девочка! Вместо встречи с приятелем на пляже, ее ждал прием у доктора, который не выпустил ее, как она ни пыталась отговориться.

Нет – ни тепловой удар, ни зубная боль, ни головная, ни желудочная. Морган был в отчаянии. Что бы такое придумать? Он должен увидеть эту игру! Просто обязан!

Он медленно расправил плечи, его морщины на веснушчатом лбу разгладились. Но скорбный вид не исчез. Да что, черт возьми, происходит? Почему он все время придумывает какие-то хромые оправдания, когда у него есть вполне достойная отговорка!

Морган решительно поднялся и задвинул стул под стол, как этого всегда требовал Бербанк. Надел клетчатый спортивный жакет, который вызывал у Бербанка неизменную усмешку, поскольку его пастельно-желтый цвет и зеленые квадратики совершенно не шли к синим саржевым штанам, которые Морган оставил от старой пиджачной пары, не желая выбрасывать.

С видом спокойной беспечности Морган зашагал к двери. Когда его рука дотянулась до ручки, громкое: «Эй!» заставило его остановиться.

Он повернулся. На него уставился твердый, подозрительный взгляд босса.

– Куда Вы идете? – требовательно спросил Бербанк.

– Был звонок. Я должен доставить проспекты.

– О, неужели? Вы не могли отправить их по почте, я так понимаю?

Морган держал себя невозмутимо.

– Если ей понравится наш товар («Ей» – это была хорошая задумка; Бербанк сдвинут на привлечении женской клиентуры), она купит его сегодня же, мистер Бербанк. Она... ну, в общем, я должен спешить.

– Гм-м, – Бербанк задумался.

Морган напустил на себя безразличный вид. Босс немного успокоился, но все же холодное подозрение сохранялось. Наконец, Бербанк решился:

– Хорошо, идите.

Ликуя внутри, Морган повернул ручку и открыл дверь.

– Я пойду с вами! – выкрикнул вдруг Бербанк, и всю торжественность Моргана как ветром сдуло. Ему удалось пробормотать: «Спасибо, сэр!» – что совершенно не соответствовало тому, что он думал на самом деле, пока они спускались на лифте и садились в автомобиль Бербанка. Но все же он должен был оставаться вежливым, даже если рухнули планы.

– Не думайте, что я не доверяю вам, Морган. Это только оттого, что я понимаю, что значит искушение. И сегодня попалась крупная дичь, нет так ли?

– Я... Я не знаю, сэр.

– Ладно, я все понял. Ну, где живет ваша клиентка, Морган?

Морган встал в тупик. Где же это должно быть? Не то, чтобы это имело значение, можно назвать любое место. Но внезапно ему в голову пришла лукавая идея.

– Возле стадиона «Янки»! – сказал он.

А почему бы нет? Это довольно населенный район, просто идеальный вариант, чтобы скрыться. Умно? Морган так и посчитал. Он был весьма доволен собой. Даже когда Бербанк бросал на него подозрительные взгляды, он продолжал хранить невинное выражение на честном лице.

Теперь оставалось только придумать, как избавиться от Бербанка.

– Какая улица? – спросил тот.

Морган осмотрелся, замечая, что вокруг довольно пусто. На это он не рассчитывал. Проклятый Бербанк, надо же, привязался как пиявка!

– Туда! – Морган указал на одностороннюю улицу справа. Прикинул, что по ней до стадиона минут пять ходьбы.

– Ага! – с удовлетворением сказал Бербанк. – Да! Это как раз то, что нужно нашей компании: твердый, представительный средний класс, люди достаточно богатые, чтобы

купить наш товар, даже если они боятся самолетов. Морган, если сделка состоится, считайте, что мы одним коготком уцепимся за самый большой рынок в мире!

— О, да, сэр, — ответил Морган. — Это точно.

Он признал свою ошибку. Надо было выбрать район с многоквартирными домами, тогда Бербанк не пришел бы в такое возбуждение. Но какого черта! Итак, ясно, у него нет вариантов ни здесь, ни где-либо в другом месте. И все же, надо попытаться одурачить Бербанка и избавиться от него как можно скорее. Это не так уж и трудно. Бербанк изворотлив, но не слишком умен.

— Какой дом? — нетерпеливо поинтересовался шеф.

Морган указал на ближайший от перекрестка особняк. Чисто рефлекторно: дом выделялся массивностью форм, был блестяще белым и намного выше, чем другие частные дома по соседству, выкрашенные в скромные темные цвета.

Бербанк важно кивнул, как будто угадал это еще прежде, и подогнал автомобиль к бордюру. Он поспешно выкарабкался и с шумом захлопнул дверь. Морган понял, что нельзя колебаться. Он последовал примеру босса.

Ну, и что с того, если окажется, что он ошибся? Назовет неправильный адрес, хотя, конечно, будет делать вид, что уверен и в имени, и номере дома. Затем предложит Бербанку оставить его здесь: мол, сделать несколько звонков клиентам, на всякий случай, если те знают кого-нибудь, кто мог бы все-таки совершить покупку. Да, прекрасная отговорка!

Улица называлась Атлантик Плейс. Он посмотрел на номер дома — 2623. Отлично! 2623, Атлантик Плейс. Имя? Ему требовалось исключительно яркое имя, которое нельзя перепутать ни с каким другим, но конкретная идея пришла чуть позже.

А пока он уверенно шагал рядом с Бербанком по дорожке из красно-синих каменных плит, проложенных от тротуара к дому. По обе стороны возвышалась прямоугольная

ограда высотой с плечо, окружающая небольшую лужайку и сад камней. Дом действительно был внушителен: южного колониального стиля, с вызывающе белыми, высокими и бесполезными колоннами у широкого подъезда.

Бербанк стоял в сторонке, ожидая, когда Морган позвонит. Морган ткнул большим пальцем в кнопку и не отпустил, пока не шелохнулись две занавески. Одна около двери, вторая – через три окна в стороне. Секунду спустя дверь резко распахнулась, и высокий, лысый, нелепый старик выскочил на крыльцо, бросая негодующий взгляд через пенсне, которое было прицеплено к его смокингу широкой черной лентой.

– Ну? – с вызовом бросил старик.

Не заставляя себя ждать, Морган вежливо осведомился:

– Мистер Лазарь Слепошар?

Он подумал, что это превосходное имечко. Сейчас старик придет в бешенство и захлопнет дверь перед их носом, после чего можно будет избавиться от босса.

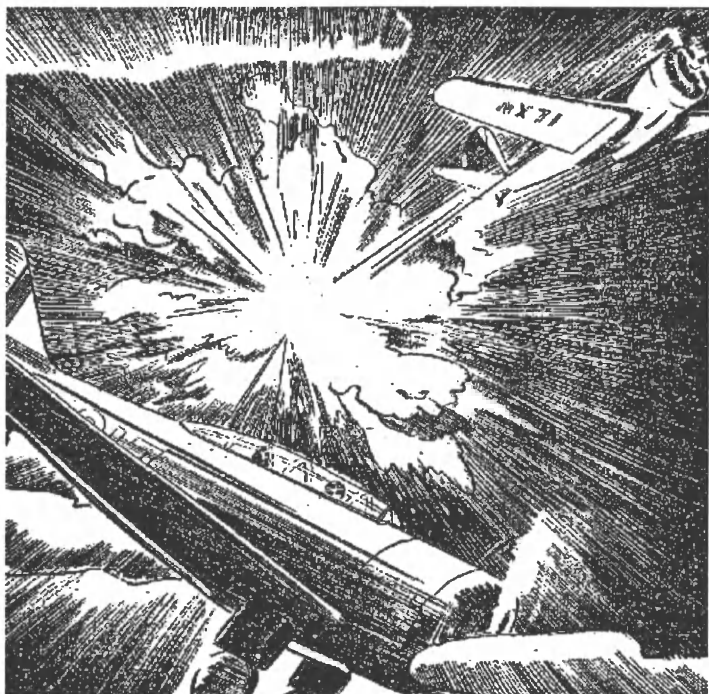
– Я майор Слепошар, сопливый выскочка! Чего вам надо?!

Морган опешил. Он увидел, что недоверчивый взгляд Бербанка повернулся от старого вояки к нему.

– Я имею в виду Лазаря З. Слепошара, – громко выкрикнул Морган.

– Да, это я! – воинственно ответил старик. – Давайте, давайте! Что? Чего уставились, как... э... э... Излагайте ваше дело или убирайтесь!

На лице Бербанка появилась самая обворожительная улыбка. Морган знал, что сейчас последует: первый принцип успешной продажи – проникнуть в дом, откуда вас будет трудно выгнать. Однако он пришел в замешательство и не желал входить внутрь, даже если бы Бербанку удалось переиграть нелепого старого канюка. Но ничего нельзя было поделать: он уже не был хозяином положения.

– Вы не возражаете, если мы обсудим дело в вашем доме, сэр? – спросил Бербанк.

Майор Слепошар засомневался. «Вздор!» – злобно подумал Морган. Какой майор Слепошар?! Только потому, что храбрый старый боевой топор назвал себя так? Кем бы он ни был, этот чудак, Моргану казалась чертовски странной глупая игра старика. Про себя, небось, смеется исподтишка. С таким только свяжись...

И все-таки они прошли в дом. От Моргана инициатива уже перешла Бербанку: тому только дай волю, в гроб загонит разговорами о продажах.

В то время как Бербанк без приглашения уселся на красный плюшевый диванчик, Морган внимательно осмотрелся. Он не был особо поражен, ожидая чего-то подобного. Теперь понятно, что у нелепого старичка не все в порядке с головой. Майор Слепошар, подумать только... Да он, наверное, и не помнит своего настоящего имени. Огромные головы животных, мечи, оружие, шлемы и ручные гранаты висели на стенах. Ничего удивительного. Если бы Морган увидел вместо них человеческие головы или скрепленные швабры, он бы и этому не поразился.

Майор Слепошар встал спиной к незатопленному камину.

– Переходите к делу, – рассерженно потребовал он. – Я занятой человек. Чего вам надо?

– Ваша дочь... – начал Морган. – По крайней мере, я предполагаю, что это ваша дочь...

– Моя дочь... – Майор Слепошар задержал дыхание. – Продолжайте.

Морган мысленно потер руки, довольный, что ему удалось заткнуть старика. Психу будто в рот кляп засунули. Слишком большой, чтобы проглотить. Давай, Морган – скоси его под корень!

– Ваша дочь... – он снова сделал паузу. – Мазда позвонила и сказала, что хочет видеть наши проспекты. Мы продаем Супернадежный Самолет, сэр. С защитой от дурака. Реальные испытания, подтвержденные правительственными экспертами, доказывают, что его можно доверить даже обезьяне и не переживать за безопасность. Наш лозунг: «Купите и оцените!»

Майор Слепошар задрожал. Морган на миг почувствовал жалость к нему, настолько старик выглядел беспомощным в своих муках.

Но старый сумасброд неожиданно взорвался:

– Мазда – это моя жена! Вы самым наглым образом оскорбляете ее, и отлично понимаете это!

Он угрожающе надвинулся.

– У меня есть желание встряхнуть из вас душу! Но я по временному. Я позволю вам закончить свою клевету. Продолжайте, пока я не отхлестал вас, сэр!

Морган парировал:

– Да ведь вы притворяетесь, старый лжец!

– Прекратите, Морган! – закричал Бербанк, вставая между ними.

Он зашептал:

– Только попробуйте испортить сделку. Вы этого добиваетесь?

«Какой бред!» – думал Морган. И все из-за паршивого бейсбольного матча. А ведь шеф сожрет и не подавится! И если кто-то может подумать, что Бербанк не вправе уволить его, значит, он никогда не работал в их компании, где обычное дело выбросить человека – достаточно одной ошибки.

Бербанк завел руки за спину и медленно раскачивался на ступнях – это хорошо подчеркивало угрозу, которую должен был ощутить Морган.

Майор Слепошар по-прежнему стоял около камина. Морган заметил хлыст, свисающий с каминной полки.

Он тяжело вздохнул.

– Мазда... – начал Морган неопределенно.

– Я бы попросил называть ее миссис Слепошар!

– Ох!.. Миссис Слепошар сказала, что заинтересовалась нашим предложением и попросила, чтобы я прибыл с демонстрационными каталогами.

Бербанк закивал, широко улыбаясь:

– Теперь вы поняли, майор! Обычная ошибка со стороны этого молодого болвана. И ничего оскорбительного для вас. Просто, ваша жена хочет купить наш изумительный самолет. Нельзя же ее в этом винить, а?

– Обвиняю я ее или нет, вас не касается. Не суйте в это свой любопытный нос! – белые дергающиеся усы приблизились вплотную к Моргану. – Продолжайте!

– Я могу видеть миссис Слепошар?

– Не можете! По крайней мере, до тех пор, пока я не узнаю, чего вам надо.

Вопреки тому, что отражалось в наружности Морган, мозг его сохранял способность к рассуждению. Ему потребовался всего миг, чтобы подумать: старый муж, молодая жена; к тому же муж чувствительный и ревнивый, может поверить во все, что угодно; скажи ему беспросветную ложь, и он вышвырнет тебя из своего дома – как дважды два. А что, это прекрасная возможность избавиться от Бербанка. В подобной ситуации – единственный вариант.

Но ведь на самом деле нет никакой г-жи Слепошар; она – всего только выдумка этого старого маньяка, возомнившего себя очередным Наполеоном.

– Вы, конечно же, не будете лишать ее того, что может сделать ее счастливой? – спросил Бербанк.

– Я знаю свою жену лучше, чем вы можете себе представить, сэр. Я подозреваю, что это сделает ее слишком счастливой. Что еще она говорила? – упорство хозяина казалось удивительным.

– Если ей понравится наш самолет, – сказал Морган, – то мистер... хм... Гарольд Хэз все устроит...

Вопль гнева остановил Морган.

– Я так и думал! Гарольд Хэз! Я знал, что эта проклятая собака преследует мою жену!

Старик сделал паузу, справившись с эмоциями; после чего перешел на хриплый, театральный шепот:

– Могу поспорить, я сумею разрушить его игру. Им не убежать от меня. И знаете, почему?

Не отрывая взгляда, он ждал ответа.

– Конечно, вы не знаете. Что ж, она заперта в столовой! Она не может выйти, а он не может войти. И вы не можете. А теперь убирайтесь отсюда к дьяволу, вы, проклятые охотники до чужих страданий!

– Я уверен, вы ошибаетесь! – возразил Бербанк.

– Вон, бестолковые упыри!

– Но ваша жена...

Майор Слепошар схватил хлыст и начал надвигаться.

– Я вывез ее из Англии только для того, чтобы избавиться от этого подлого ловеласа, Гарольда Хэза. И теперь он заявляется сюда, и вы спрашиваете, не могла бы она... Вон! Сейчас же вон! Только попробуйте добраться до нее, и я задушу вас собственными руками!

Морган едва успел распахнуть дверь для шефа. За мгновение перед тем, как хозяин бешено захлопнул ее за ними, ему послышалось что-то похожее на тонкие всхлипывания. Однако, вместо того, чтобы прислушиваться, он предпочел бежать к стоявшему на обочине автомобилю, чуть не дыша в затылок Бербанку.

– Да у старика просто шарики за ролики зашли! – проворчал Морган. – Вы согласны?

Вдруг откуда-то, нарисовавшись во весь свой внушительный рост, перед ними возник светловолосый молодой человек. Большой чисто выбритый подбородок с ямочкой, широкие плечи, тонкая талия подчеркивали стать героя.

– Будьте осторожны, дорогуша! – сказал он музыкальным баритоном. – Если этот старый змей узнает, что я здесь, он заставит несчастную Мазду страдать еще больше.

Но я знаю, вы оба сумеете помочь нам. Вы сможете, у вас получится. Я хорошо заплачу, не переживайте.

– Чего-чего?! Уйдите! – отмахнулся Морган.

Но Бербанк проявил чрезвычайный интерес. Похоже, страсть к коммерции повредила его ум.

– Что вы нам предлагаете, мистер...

– Хэз. Гарольд Хэз. И, судя по тому, что я слышал у двери, вы довольно осведомлены о нас с Маздой. Я ее люблю. А ее деньги не имеют никакого значения по сравнению с теми бесконечными чувствами, которые я испытываю к ней.

– Не имеют? – переспросил Бербанк.

– Ни малейшего! – искренне заявил Хэз. – Слепошар не понимает этого, но так и есть. Ведь я унаследую от отца гораздо больше, чем все его состояние. Таким образом, презренный металл здесь совершенно ни при чем.

Молодой человек сделал паузу, и его красивое, благородное лицо изобразило мольбу:

– Без сомнений, вы можете помочь нам! Вы кажетесь очень достойными, приличными людьми и поймете мою несчастную любовь к женщине, которая, к сожалению, вышла замуж за форменного мужлана. Я точно говорю вам, сэр, майор Слепошар – типичный хам. Он ненавидит Мазду. Ах, я вижу, что вы сомневаетесь в этом. Но, слово джентльмена, уверяю вас, что это так. Он совершенно не желает давать ей развод, притом, что она ни гроша не требует от него на алименты.

– Ну, а причем здесь мы? – Бербанк вяло улыбнулся.

– Да потому, что мы хотим сбежать от него на одном из ваших удивительных самолетов. Конечно, если он действительно так технически прост и легок в управлении, как заявлено в вашей рекламе. Вы понимаете?

– Да, безусловно, – сказал Бербанк. – Старик действительно мерзок. Так, что вы хотите, чтобы мы сделали?

– Помогите мне выкрасть несчастную Мазду из этого дома и продайте нам самолет и карту.

Морганом все больше овладевало беспокойство. Когда Бербанк мужественно расправил плечи и заявил: «Отлично, считайте, что мы с вами!», он взволнованно прокричал:

– Бросьте, босс. Это все вранье!

Бербанк отвел его в сторону.

– Не будьте ослом, – зашептал он. – Это же сделка! А какая реклама! Они удирают на нашем Супернадёжном Самолете – и мы подтверждаем это. Слепошар преследует их. Газеты дадут нам такую рекламу, о которой мы и не мечтали! Вы же прекрасно знаете, мы не можем убедить людей, что наши самолеты действительно безопасны, а после этого все поймут, что любой сумеет управлять ими. Неужели не понятно?

– Но я говорю вам – Слепошар, Мазда, и этот тип...

– Достаточно!

Бербанк впихал Моргана в автомобиль и повернулся к Гарольду Хэзу:

– Предоставьте это мне! И давайте, садитесь на подножку.

С Хэзом, висящим на подножке, они проехали до середины квартала и остановились, едва дом Слепошара исчез из виду. Тогда очень осторожно, невзирая на яркий солнечный день, они украдкой двинулись через лужайку, прячась за кустарниками и любыми другими препятствиями, пока не вернулись к цитадели Слепошара.

В тени дома, под прикрытием нависающего подоконника, Бербанк показал вверх.

– Вы не заметили, шторы двигались? – спросил он Моргана. – Я полагаю, это именно та комната, где он запер жену. Вы повыше, мистер Хэз. Дотянитесь и постучите в окно.

Ярко вспыхнули голубые глаза Гарольда Хэза.

– Я готов, – прошептал он заговорщически. – Отличная мысль. Мы вытащим ее прямо сюда.

– Ага, – проворчал Морган. – И я поскорее свалю.

Бербанк твердо произнес:

– Одно неверное движение, и вам конец, Морган. Но если у нас все выгорит, вас ждет повышение. Выбирайте.

Последний вариант казался более привлекательным. Морган понимал, что Хэз и Слепошар – оба безумные самозванцы. Бравый Хэз постучит в окно, естественно, никто не ответит, и на этом все закончится. Он согласился. Дальнейшие события развивались стремительно.

Хэз подтянулся и постучал. В то же мгновение восхитительное личико прижалось к окну. Когда женщина увидела Хэза, выражение отчаянной тоски исказило лицо красавицы, ее огромные фиолетовые глаза потускнели. Когда Хэз изобразил несколько немых жестов, его возлюбленная поняла, что он хочет, и без труда открыла окно.

– Гарольд! – воскликнула она.

– Мазда, любимая! – восторженно задышал Гарольд Хэз. – Идите ко мне на руки, милая. Вы позволите мне увести вас в безопасное место?

– Ну, разумеется! – сказала она. – Только не смотрите.

И, ласково улыбаясь, она спустила с подоконника стройные ножки, позволив Гарольду крепко и в то же время нежно обхватить себя и поставить на землю. Они улучили момент для короткого поцелуя, после чего красавица с вызовом спросила:

– И что теперь?

– Мы доверимся этим замечательным господам, – ответил Хэз.

– Верьте мне, – заявил Бербанк. – А теперь быстро к машине, пока не поздно!

В то время, как его спутники преодолевали изгородь, Морган делал вид, что все это его не касается. Но внезапно

раздавшийся громкий звон стекла испугал его. Это Бербанк, швырнув камень, разбил стеклянное окошко наверху двери, которая тут же распахнулась. Находясь на безопасном расстоянии, Бербанк показал майору нос.

– Честное слово! – в удивлении воскликнул Хэз. – Не понимаю!

– Пусть получит! – ответил Бербанк, не собираясь бежать. Храня достоинство, он неторопливо направился к машине. Однако Морган обратил внимание босса на то, что Слепошар с водителем устремились в проулок, где стоял припаркованный автомобиль. Только это заставило Бербанка ускорить темп. Он помог беглецам забраться на заднее сиденье, решительно уселся за руль, ожидая, пока Морган захлопнет дверь. К тому моменту, когда Бербанк включил передачу и медленно двинулся к ближайшему перекрестку, автомобиль майора уже выскочил за ними на дорогу.

– Это было ужасно безрассудно, – невозмутимо заметила миссис Слепошар. – Стоило ли? Симпсон – превосходный водитель.

– Ерунда, моя дорогая, – сказал Хейл. – Я верю, это такие пустяки для наших благородных рыцарей. Мы и так на двадцать корпусов впереди них, и держу пари, увеличим преимущество. Верно, старички?

– Разумеется! – бодро ответил Бербанк.

Морган пока не наблюдал признаков безумной гонки. Директор филиала держался на приличном расстоянии от преследователей, которые не решались превышать скорость.

– Это все так нелепо! – сказала Мазда. – Простите, мы даже не представлены друг другу, но не будете ли вы любезны сказать: есть ли у вас какой-то план?

– Разумеется! Мы посадим вас в самолет. И этот старик уже не сможет до вас дотянуться, не так ли?

Миссис Слепошар решительно кивнула, после чего Хэз бросил:

– Я думаю это исключительно умно! Почему бы нет, Мазда, лапушка? Вот только справимся ли мы?

– Мы предлагаем Супернадежность, сэр!

– Как это глупо с моей стороны. Ну конечно! А есть ли у вас какой-нибудь рекламный проспект?

– Морган! – скомандовал Бербанк, и Морган, вынув несколько брошюр, передал их паре.

Его уже не беспокоил бейсбольный матч.

К тому времени они миновали Бронкс и подъезжали к Нью-Рошелл. Впереди появился указатель.

ЗАВОД СУПЕРНАДЕЖНЫХ САМОЛЕТОВ. АЭРОПОРТ 12 МИЛЬ

Они проехали больше пяти миль, все это время Хэз и миссис Слепошар с чрезвычайным интересом разглядывали фотографии и чертежи.

– Этот двухместный самолет кажется таким простеньким, – сказала она.

– Дальность полета – тысяча миль. Крейсерская скорость – двести миль в час, – пояснял Морган.

– Что ж, довольно неплохо, – согласился Хэз. – Но несколько неудобно, если вы понимаете, что я имею в виду. Я хотел сказать, что места расположены друг за другом.

– Но это вполне разумно, Гарольд.

– Сейчас не время думать об удобствах, – прервал их Бербанк.

– В самом деле, – согласился Хэз. – Как вы, американцы, говорите, овчинка выделки стоит? Я правильно выразился? Хотя я бы предпочел кабину как в катере.

– Да еще с горячей и холодной водой, – насмешливо кивнула Мазда, – Это было бы довольно заманчиво, плюс большая комната для прогулок.

– А вот другая модель, – рекламировал Морган. – Дальность – две тысячи миль. Крейсерская скорость – двести пятьдесят.

Матч уже был в разгаре, так что он все равно не успевал вернуться.

– По прайсу целых полторы тысячи долларов, – сказал Хэз. – Сколько это будет в деньгах? Я могу выписать чек Лондонского банка.

– Я ужасно слаба в математике, – хихикнула Мазда. – Пять долларов к фунту, или пять фунтов к доллару, любимый?

– Пять фунтов, – решительно заявил Хэз. – Семь с половиной тысяч фунтов, верно?

Бербанк чуть не поперхнулся и непреднамеренно нажал на педаль газа.

«Даже если бы это было полторы тысячи фунтов! – чуть не вырвалось у него, но он тут же заткнулся: – Да ведь я окуплю все расходы на офис!»

Эта безумно дорогостоящая сделка, на которую Хэз уже заполнял чек, совершенно не трогала Моргана. Он был вполне рад тому, что автомобиль Слепошара остался далеко позади. Он не испытывал особой симпатии ни к Хэзу, ни к миссис Слепошар, зато отвращение к майору было слишком велико. К тому же, он подозревал, что встреча со старым воякой неизбежно завершится мордобоем.

Тем временем Бербанк увеличивал дистанцию. Его автомобиль несся все быстрее, попутно он шептал Моргану, что одновременно нужно будет заключить сделку со Слепошаром и заполучить несколько скандальных фотографий. Для чего это надо, Моргану было все равно, лишь бы

старик со своим хлыстом держался на почтительном расстоянии.

Они быстро миновали предместья Нью-Рошелла. Машины Слепошара не было видно, судя по всему, они избавились от преследования.

– Какое замечательное место, – сказала миссис Слепошар. – Вот только эта ужасная фабрика портит пейзаж!

– Это наш завод и аэропорт, мэм, – с гордостью заметил Бербанк.

Она немного смягчилась:

– Ах, правда? На открытом пространстве они должны выглядеть вполне симпатично.

– Чертовски симпатично! – добавил Хэз.

И действительно, вскоре открылся вид, вполне радующий взгляд: поле аэродрома между подковообразной фабрикой и пристроенными к ней мастерскими, с опрятным ангаром, погрузочной площадкой и веткой узкоколейки.

Они повели возлюбленных в офис. Быстрота, с которой действовал Бербанк, была достойна уважения. Он приготовил накладную, и парочка приступила к осмотру. Морган опасался, что вот-вот заявится Слепошар. Мазде непременно хотелось белый самолет, чтобы он подчеркивал фиалковый цвет ее прекрасных глаз. Хэз охотно соглашался доплатить разницу, но Бербанк дал понять, что этого не нужно — задержка может стать фатальной. Моргану оставалось одобрительно кивать.

С усердием достойным подражания, он выкатил на поле самолет с белой кабиной, в то время как Бербанк объяснял Хэзу всю простоту управления.

– Послушайте! – высунулся над консолью героически очаровательный молодой человек. – Мы очень признательны вам! Я надеюсь, в компании не устроят вам головомойку за такую щедрость. Если что, пишите нам в ... Аля-Алю.

Глупо звучит, верно? Но мы с Маздой ужасно мечтаем скорее попасть туда. Будьте здоровы, старички!

– Пока-пока, мои дорогие! – закричала миссис Слепошар, посылая им воздушный поцелуй. – Огромное вам спасибо!

Бербанк махал банковским чеком. Морган махал обеими руками, как будто пытался скорее прогнать их. Автомобиль Слепошара ворвался на аэродром, когда приглушенный рев самолета начал удаляться. Стремительные крылья, служившие основой совершенной безопасности, тянули его вверх, и он вскоре выровнялся, уносясь вдаль.

Слепошар выскочил из автомобиля с ружьем в руках и сделал бесполезный выстрел в исчезающий самолет.

– Сейчас же дайте мне один из ваших проклятых аэропланов! – взревел он. – Живее!

Бербанк отпрянул, но майор и не собирался целиться в него. Он направил ствол на Моргану. Тому внезапно стало холодно и неудобно перед черным зияющим отверстием.

– Я сожалею, сэр, – сказал Бербанк очень вежливо. – У нас пока нет такого же готового самолета. Если бы вы могли подождать. – И он направился к офису, откуда собирался позвонить репортерам.

Однако Слепошар сунул ружье под мышку, выхватил чек-овую книжку, авторучку и начал небрежно заполнять.

– Сколько? – рывкнул он.

– М-м... одна тысяча пятисот долларов, сэр! – мгновенно отреагировал Бербанк.

– Тысяча четыреста и ни гроша больше! – воинственным голосом, не допускающим противоречий, проревел майор, швырнул Бербанку чек и снова угрожающе выставил ружье.

– Ты! – крикнул он Моргану, держа перед ним оружие без малейшего признака старческой дрожи в руках. – Садись на тот синий самолет, поведешь его!

Морган, несмотря на молодость, напротив, задрожал:

– Сэр, им очень легко управлять. Я покажу вам, как!
– И не думай, щенок! Ты будешь управлять им вместо меня. А теперь полезай и помни, что я могу всадить тебе пулю между ребер!

– Я... Я не согласен, сэр!

Ситуация выходила из-под контроля Бербанка. Так или иначе, ему пришлось крикнуть:

– Но так не делается, майор! Вы все испортите!

– Идите к черту! – и Слепошар выстрелил Бербанку под ноги.

Пуля, взбившая дерн, заставила Моргана подчиниться.

Нависая сзади с ружьем, и тыча им в спину, майор помог ему занять место пилота. Морган посмотрел на раскрасневшееся лицо старика, темно-багровое в сравнении с холодной белизной усов, как будто майору не хватало воздуха, и это заставило его поскорее вырулить самолет из ангара.

Он заметил, что карманы майора зловеще оттопырены.

Морган нажал на кнопку, включая взлетный режим. В семистах футах от земли он выровнял самолет и дал полный газ.

– Молись, чтобы они не убежали! – рявкнул Слепошар в своей обычной манере.

– Но у них ведь было преимущество на старте! – возразил Морган.

– Ха! – только и ответил майор.

Еще оставалось время, чтобы все обдумать, а пока Морган прибавил к скорости еще пятьдесят миль в час. При таких условиях погоня не должна затянуться.

Моргану не было тяжело на сердце. В других обстоятельствах он бы полностью встал на сторону Мазды и Гарольда. Но день оказался неудачным: он мог попасть на бейсбольный матч, мог бездельничать в офисе, мог пококетничать с новенькой машинисткой и пригласить ее домой на ужин. Но все, что у него было – ружье за спиной!

Он впал в уныние – выбор стоял между их жизнями и его. Нет, даже не так. Слепошар вряд ли что-то мог сделать беглецам, даже если бы удалось догнать их самолет, но он, конечно, мог навредить Моргану, случайно вызвав катастрофу.

Если только...

– Знаете, – бросил Морган небрежно. – Я полагаю, на самом деле вы не существуете!

Майор Слепошар побагровел еще сильнее. Он с беспокойством уставился на Моргана.

– А!... Что?! Как ты сказал, паршивец! Не существую?!

Видя направленное на него ружье, Морган почувствовал, что не совсем уверен в своем плане. Но он не имеет права проиграть. Слепошар, не умея управлять самолетом, должен сто раз подумать, прежде чем убить пилота.

Что-то подвигло его произнести, наконец:

– Именно так. Я выдумал тебя. И уже устал от всего этого бреда. Исчезни!

Слепошар заколебался. Морган решил, что это было правильное сравнение. Тот действительно задрожал всем телом, всеми контурами фигуры. Но еще пытался сопротивляться.

– Не думай запугать меня, ты, глупый осел! – проревел старик.

Оружие в его руках отнюдь не испарилось и по-прежнему казалось твердым и незыблемым. Поэтому Морган продолжал гнать машину вперед.

– Вон они! – вскричал Слепошар.

На фоне синего неба белый самолет легко было заметить. Зная, что Хэз не обладает опытом пилота, Морган взял высоту, затем с креном спикировал вниз. Будь на месте Хэза более искусный пилот, он, возможно, сумел бы отклониться, совершив пируэт и уйдя на большой скорости в противоположном направлении. Но Хэз ничего подобного

не умел и продолжал губительный полет по прямой. Моргану без труда удалось заставить его снизить высоту и скорость, прижать вниз и вправо.

Слепошар оживился. Старик, должно быть, планировал это заранее. Не желая возиться с рычагом, он разбил стекло кабины и сунул руку в карман.

Морган отпрянул, увидев в его руках гранату. Сорвав чеку желтыми лошадиными зубами, Слепошар метнул ее в летевший под ними самолет. Но за секунду до этого Морган бросил свой самолет в сторону, и вполне реальный взрыв никого не затронул.

– Ну, хватит! – выкрикнул он рассерженно. Потянулся и вырвал ружье из рук Слепошара. – Теперь прыгай или исчезни! Дверь открыта!

Майор Слепошар беспомощно посмотрел на ствол, затем на землю далеко внизу.

– Мы... Мы так высоко! – заблеял он.

– Выбирай! – холодно ответил Морган, слегка взмахнув ружьем.

– Я все же предпочел бы исчезнуть! – ответил Слепошар, на глазах превращаясь в туман.

Мгновение спустя Морган сидел в кабине один.

Самолет, за которым он летел, продолжал двигаться прямым курсом.

Морган высунулся из кабины и закричал вниз:

– Эй!

И не особо удивился, поняв, что не получит ответа.

В кабине никого не было, и никто не управлял машиной.

Он последовал за самолетом на коротком расстоянии, не зная, что делать. Супернадёжная система управления, конечно, не даст машине упасть, но до тех пор, пока не кончится топливо.

Он злорадно усмехнулся, представив, на что же окажутся похожи драгоценные чеки Бербанка, и подумал: а было ли

в реальности стеклянное окошко на двери дома по Атлантик Плейс. И вообще, существует ли в природе тот особняк?

Дом, разумеется, существовал, но вот уже несколько лет в нем жили мистер и миссис Аарон Коэн, которые никак не могли понять, как же так получилось, что дверное окошко оказалось разбитым.

БУДЬ ГОТОВ НА СЧЕТ ТРИ

Обычно люди попадают в дома сумасшедших по решению суда или опеки, но этот парень явился сам и потребовал изолировать его, утверждая, что смертельно опасен. Мисс Нельсон, этот дракон в юбке из регистратуры, немедленно вызвала доктора Шаца, а тот, в свою очередь, схватил меня, на всякий случай. Я – санитар в отделении для душевнобольных и, само собой, крепкий малый, к тому же немного знаю дзюдо и легко могу навесить кренделей, причем умело, так, чтобы не сильно покалечить подопечных, но и не дать им причинить вред себе или кому-нибудь другому.

Этот тип сидел возле регистратуры, согнувшись в три погибели, как будто боялся, что неосторожным движением убьет любого, кто окажется поблизости, хотя на вид казался не опаснее увядшей гвоздики. Ростом этом шибздик был не выше полутора метров, и весил не больше шестидесяти килограммов; плечи угловатые, тощие руки и ноги; черты лица слишком нежные для парня, но вот цвет его физиономии отливал синевой, примерно как моя треклятая щетина, если я вдруг забываю с утра побриться.

– Вы уже завели медкарту на этого джентльмена, мисс Нельсон? – спросил доктор Шац, прежде чем заговорить с пациентом.

Она презрительно поджала и без того надменные губы.

– Боюсь, что нет, доктор. Он... он говорит, что не расскажет о себе – для него это якобы равносильно самоубийству.

Коротышка закивал с несчастным видом.

– Но мы должны знать хотя бы ваше имя, – обратился к нему доктор Шац.

Маленький парень вдруг отполз на самый край скамейки, где съежился, весь дрожа.

– Я не могу назвать его вам! И не только свое имя – любое!

Надо отдать должное психиатрам: они порой способны даже удивляться, но никогда не показывают этого. Скажите им, что вы всегда едите суп венчиком для взбивания яиц, и они сделают вид, будто сами так поступают. Да вы и без меня это прекрасно знаете. Я тоже стараюсь вести себя невозмутимо и делаю успехи, но это было что-то новенькое, когда я увидел, как этот недомерок чуть не забился в конвульсиях. Брови мои сами собой взметнулись вверх.

Доктор Шац невозмутимо кивнул и с доброй улыбкой предложил ему пройти в свой офис, где можно будет поговорить наедине. Коротышка послушно направился к двери кабинета. Когда они закрылись там, я зашел в смежную комнату с тонкой дверью в перегородке, через которую все было прекрасно слышно, и в то же время в любую секунду можно было ворваться в кабинет, если что-нибудь пойдет не по плану. Вас, наверное, удивит, что это происходит крайне редко. Но, тем не менее, риск здесь не уместен.

– Теперь, я надеюсь, вы расскажете, что вас беспокоит, – услышал я тихий спокойный голос Шаца. – Или это тоже невозможно?

– О, это я могу, – ответил коротышка. – Я только не могу назвать вам мое... мое имя. Или ваше, если бы я его знал. Или чье-либо еще.

– Почему?

Коротышка с минуту молчал. Я слышал его сбивчивое дыхание и понял, что он пытается выдавить из себя признание.

– Когда я произношу чье-то имя три раза, – прошептал он, – человек умирает.

Доктору Шацу нельзя было отказать в выдержке.

– Понятно, – сказал он. – Это происходит только с людьми?

– Ну... – вдруг послышался характерный скрип по бетонному полу, судя по всему, коротышка поближе придвинул свой стул. – Послушайте, док, я здесь, потому что это сводит меня с ума. Если вы решаете, «того» я уже, или «не того», то у меня есть для вас убедительные доказательства.

Доктор ждал. В подобных ситуациях они всегда так: побуждают пациентов рассказать то, о чем, возможно, и не стоило бы говорить.

– Первым был Уиллард Гринвуд, – медленно выговаривая слова, напряженно произнес коротышка. – Вы должны знать его. Помощник министра в Вашингтоне. Большой человек, правда? Замечательные перспективы карьеры. Я вижу его имя в газетах. Уиллард Гринвуд! Это звучит... звучит как-то особенно впечатляюще. И я вдруг понимаю, что хочу произнести это имя. Я произношу его три раза. Просто вслух, пока разглядываю его фотографию. И что происходит?

– Гринвуд покончил с собой на прошлой неделе, – сказал доктор Шац. – У него, очевидно, временами возникали серьезные психологические проблемы.

– Да. Я не думал об этом. Совпадение, возможно. Но затем я вижу в кинохронике ту подводную лодку, которую спустили на воду несколько дней назад. «Морской нырок». Я произношу это название три раза подряд, так же, как любой другой мог бы его произнести. Вы ведь делали так иногда, правда? Делали?

– Конечно. В именах бывает какое-то очарование.

– Бесспорно. Так вот, этот «Морской нырок» столкнулся с чем-то и затонул. Я начал подозревать, что происходит

неладное. Тогда я взял другое имя из газет. Решил, что это не должен быть человек вроде Гринвуда, который оказался психом, как вы сказали, и он не должен быть больным или старым. Субмарины и все прочее, от чего можно ожидать столкновения с какой-нибудь опасностью, тоже отпадали. Это должен быть кто-то молодой и здоровый, подумал я. И выбрал имя из школьных новостей. Девочка по имени Клара Ньолэнд. Выпускница школы Эммануила, ей было всего семнадцать.

– Она умерла?

За дверью послышались всхлипывания коротышки.

– Автомобильная авария. В прошлое воскресенье. Она оказалась единственной, кто погиб. Все остальные получили незначительные ушибы.

– Это ведь могли быть просто совпадения, – очень мягко сказал доктор Шац. – Может быть, вы произносили и другие имена вслух, и ничего не произошло, но запомнили только эти, потому что связали их с трагедиями.

Парень отодвинул свой стул: я слышал, как вновь раздался скрип. Вероятно, он встал и наклонился над столом. Так поступают, когда сильно взволнованы. Я взялся за ручку двери и приготовился.

– Как только я понял, что происходит, – заговорил коротышка, – я перестал произносить имена трижды. Я не смел их произносить даже единожды, потому что это заставило бы меня повторять их снова и снова... А вы теперь знаете, какова жертва. Но вчера...

– Да? – произнес доктор Шац, будто подталкивая его, когда коротышка снова замолчал.

– Вчера ограбили бар. Это случилось, когда клиенты разошлись, и бармен хотел закрыть заведение. Ворвались два парня. Завязалась драка, и бармен был убит. Затем приехали копы. Одного из грабителей подстрелили, другой убежал. Тот тип, которого ранили...

Я приоткрыл дверь и заглянул в щель. Коротышка держал перед Шацем газетную вырезку, тыкая в нее дрожащим пальцем.

– Пол Майклс, – произнес доктор.

– Не называйте его! – вскричал коротышка.

Я был готов ворваться, но доктор Шац, незаметно для парня, сделал предостерегающий жест, давая понять, что я пока не нужен.

– Я не хочу произносить его имя! – надрывался коротышка. – Если я это сделаю три раза, он умрет!

– Думаю, что теперь я понимаю, – сказал Шац. – Вы боитесь называть имена три раза, опасаясь результата. Ну, хорошо, а чего вы хотите от нас?

– Чтобы вы меня заперли. Не позволяйте мне произносить чье-либо имя трижды. Бог знает, скольких людей я могу погубить. Я смертельно опасен!

Шац уверил коротышку, что здесь ему окажут всю необходимую помощь, и передал парня в смотровую, чтобы завести историю. Это было непросто, потому что тот до сих пор не назвал себя, и доктор Мерримен, заведующий психиатрическим отделением, чуть не заработал инфаркт, пока бодался с пациентом.

После того, как парня, наконец, облачили в пижаму с длинными рукавами и выделили ему койку, мы с доктором Шацем остались вдвоем.

– Черт знает что, он тут наболтал, – сказал я. – Думать, что люди умрут, если произнести их имя три раза. Тут у любого поедет крыша.

– Рудимент детства, – ответил он и объяснил мне, что дети подсознательно верят в силу своих желаний.

Я тут же вспомнил некоторые подробности собственного детства: про то, как мой старик своим ремнем внушал мне ужас, и я много раз желал ему смерти, а потом трясся от страха, что отец и вправду умрет, и смерть его будет на моей

совести. Но я перерос это, объяснил Шац, как это происходит с большинством людей. Но у некоторых, включая нашего маленького незнакомца, их детские представления не теряют свою силу, что часто приводит к подобным результатам.

– Но тот тип, которого он упомянул, Пол Майклс, – вспомнил я, – Раненный грабитель, он ведь лежит прямо в нашей больнице. В критическом состоянии, в соседнем отделении.

– У нас городская больница, – устало ответил Шац, закуривая сигарету, – Все, кому не светит частная лечебница, попадают к нам. Включая таких типов, разумеется.

– Будут ли у вас какие-то особые указания? – поинтересовался я.

– Да нет, пожалуй. В подобных случаях пациенты редко склонны к суициду или агрессии, если чувство вины не выходит из-под контроля. Главное, обеспечить ему покой. Ну, и давать успокаивающее, если понадобится.

У меня было много работы в отделении, чтобы на некоторое время забыть о коротышке, да он и не создавал никаких проблем. Прошел час или два после ужина. Мне пришлось переставить некоторые кровати и сопроводить одного несговорчивого клиента в комнату гидротерапии, так что я почти не обращал внимания на маленького парня, с беспокойством зыркавшего по сторонам.

Вдруг он подошел ко мне, отчего-то нервно трясясь, и схватил меня за плечо обеими руками.

– Я все время думаю об этом... этом имени, – забормотал он. – Я все еще хочу произнести его. Сделайте хоть что-нибудь! Не дайте мне его назвать!

– Кого? – спросил я, не сразу поняв, о чем речь. Только потом до меня дошло: – Ты имеешь в виду этого налетчика, Пола Майклса?..

Коротышка побледнел и прыгнул на меня, желая заткнуть мне рот, но слово уже вырвалось. Пришлось скрутить парня и позвать медсестру, которая вкатила ему фенобарбитал. Все это время, пытаясь успокоить его, я не переставал объяснять, что сожалею о том, что ляпнул это имя.

— Теперь я точно произнесу его, — угрожающе проскрежетал он, весь дрожа, — Даже не сомневайтесь.

Он вяло протопал к окну и сел там, обхватив голову руками.

Я лег спать около полуночи, продолжая размышлять о бедном маленьком парне, который считал, что он может вот так вот запросто убивать людей.

Утром я должен был смениться, но не тут-то было. В коридорах оказалось полно полицейских. И доктор Шац выглядел серьезно взволнованным.

— Я даже не знаю, как сообщить это нашему новому пациенту, — сказал он, качая головой. — Тот Пол Майклс, который лежал...

— Лежал? — оборвал его я. — Что вы хотите сказать? Его перевели в тюремную больницу?

— Он мертв, — произнес Шац.

На несколько секунд я потерял дар речи.

— Ай, болван! — проворчал я, злясь на самого себя, — Я чуть было не поверил, что это сделал коротышка. Ведь Майклс был смертельно ранен. Он одной ногой в могиле стоял.

— Все верно. И не было бы ничего удивительного, если бы он умер... от пулевого ранения. Но ему перерезали горло.

— А коротышка?

— Мы ввели ему мощную дозу нембутала. Он кричал, что произнес имя Майклса трижды, а значит, Майклс должен умереть, и что вся ответственность лежит на нем.

— И он пока еще ничего не знает, — догадался я.

– Естественно, нет. Зачем ему лишние потрясения.

В больнице царил сплошная неразбериха, с верхнего этажа до подвала, так что мне пришлось позабыть о том, что моя смена закончилась. Все наши больные, кроме коротышки, запертого в одиночке, каким-то образом уже узнали о Майклсе – такие вещи просачиваются сами собой, без вашего участия, и мне пришлось потратить время, чтобы успокоить пациентов. Между делом я узнал кое-какие подробности.

Старый коп Слэттери, который у нас обычно присматривает за пациентами вроде Майклса, дежурил у входа в реанимацию, наблюдая за тем, чтобы туда не входили посторонние. У Майклса был соучастник, он еще оставался на свободе, и полицейские не исключали, что пока раненый преступник в отключке, его сообщник или какой-нибудь наемный убийца могут попытаться прикончить пациента, чтобы тот не развязал язык. Поэтому в таких ситуациях всегда выставляют охрану.

Слэттери, конечно, неплохой коп, но он, возможно, не проявил достаточной бдительности, и кто-то ночью проскользнул мимо него в палату, перерезал Майклсу горло и спокойно удалился. Другие пациенты реанимации находились под лекарствами или спали, так что они ничего не могли рассказать. Слэттери, однако, клялся, что не видел никого, кроме медсестер, дежуривших в палате, или проходивших мимо него по коридору. Он утверждал, что всю ночь не сомкнул глаз, и что самое забавное – медсестры в один голос подтверждали его слова. Хотя, возможно, это не так уж забавно: все они любили старика и могли просто солгать, чтобы никто не мог смешать его с грязью.

Тогда это ставило девушек в еще худшее положение. Если они говорили правду, что Слэттери не спал всю ночь, значит, убийство совершил кто-то из них. Ведь со слов старика, только медсестры входили в палату. Капитан Уоррен

из уголовного отдела сразу же просек это и велел девушкам выстроиться перед Слэттери.

– Ну, Слэттери? – сказал Уоррен. – Одна из этих медсестер, вероятно, убийца. Есть среди них кто-нибудь, кто входил в палату не по делу? Или подозрительно вел себя?

С несчастным видом Слэттери прошелся мимо девушек, глядя на их лица. Он покачал головой, как мне показалось, оттого что столкнулся перед серьезной проблемой.

– Было очень тускло в палате, – пробормотал он. – Чтобы не мешать пациентам, горит один ночник, света хватает только для того, чтобы девушки могли спокойно пройти, не спотыкаясь. Я даже не могу быть уверен, кто именно из них входил в палату.

– И никто не вел себя подозрительно? – допытывался капитан.

– Откуда мне знать. Моя работа – не пускать посторонних. Входили одни медсестры, было довольно темно, и даже если бы одна из них спрятала под халатом армейскую винтовку, я бы этого не заметил.

Капитан Уоррен допросил девушек поодиночке, чтобы выяснить, знал ли кто-нибудь из них Майклса достаточно хорошо, чтобы иметь повод прикончить его.

Об этом рассказала Салли Нортон, красotka из кабинета психогигиены, когда вернулась на дежурство после допроса. Зайдя в раздевалку, чтобы переодеться, она вдруг с визгом выскочила обратно, держа что-то в руках. Это был халат. Увидев доктора Шаца, она развернула его перед ним, словно тряпку перед быком.

– Вы только посмотрите, доктор! – кричала она. – Я вчера забрала униформу из прачечной, и еще даже не надевала халат, и во что он теперь превратился!

– Если что-то не так с прачечной, сами с ними разбирайтесь, – раздраженно отмахнулся он. – У меня и так хватает

проблем с пациентами, из-за всей этой шумихи с Майклсом.

– Но в том-то и дело. Я не удивлюсь, если это имеет какое-то отношение к Майклсу, – и она показала ему рукав, на котором были красные пятна по краю, возле запястья.

Шац позвал капитана Уоррена и доктора Мерримена, главу отделения. Мерримен выглядел еще хуже, чем обычно, держа руку за пазухой, со стороны сердца. Все это волнение доставляло ему больше беспокойства, чем наши пациенты.

Уоррен очень заинтересовался находкой. Здесь же, в больнице, провели тест и установили, что кровь на халате имеет ту же, третью группу, что была у Майклса. Он, разумеется, был не единственным пациентом в больнице с такой группой крови, но капитан Уоррен не мог проигнорировать этот факт.

Он начал было давить на Салли, но тут вмешался доктор Мерримен и рассказал ему о нашем коротышке, и про его историю с трижды произнесенными именами.

– Какого черта, что за чушь? – возмутился Уоррен. – Мне нужны доказательства, а не фантазии какого-то чокнутого парня.

– Действительно, – торопливо вставил доктор Шац, пытаясь остановить доктора Мерримена, но не решаясь открыто прервать его. – Это довольно типичное заблуждение, правды в нем не больше, чем в рассказах о ведьмах или гоблинах. Я не хотел бы тревожить пациента по этому поводу.

– Можете не беспокоиться, – сказал Уоррен. – У меня есть более важные вещи.

– Дело в том, – продолжал доктор Мерримен, – что этот человек, утверждает, заметьте это, что он боялся упоминать имя Пола Майклса. Именно поэтому он хотел, чтобы его заперли здесь.

Уоррен озадаченно посмотрел на него.

– Хотите сказать, вы верите в то, что он назвал имя Майклса три раза, и тот умер.

– Конечно, нет, – сухо ответил Мерримен. – Это поразительное совпадение, которое заслуживает внимания, вот и все. Или, возможно, мое представление о работе полиции отличается от вашего.

Я не знаю, как Шацу это удалось, но он убедил капитана Уоррена, что доктор Мерримен уже в годах, и его старческую причуду следовало бы удовлетворить. Я сопровождал их до кровати коротышки, только-только начавшего выходить из-под седативного воздействия препарата. Он еще был немного не в себе, но, увидев, как мы вошли, спрятал левую руку под одеяло.

Собственно, все, что вам нужно, чтобы заставить полицейского незамедлительно среагировать – так это либо среди бела дня как угорелому выбежать из банка, или вот так подозрительно быстро спрятать руку. Уоррен сорвал с пациента одеяло и после недолгого сопротивления заставил раскрыть пальцы. Под ногтем мизинца коротышки виднелось что-то красное.

– Кровь? – поразившись, спросил я, после чего мне пришлось заняться пациентом. Он так и норовил вырваться, пока капитан Уоррен пытался сделать соскоб с его пальцев.

Это оказалась не кровь. Губная помада, что можно было определить и без лаборатории.

– Ну, вот, – убежденно заметил доктор Шац. – Видите? Вы нарушили покой моего пациента, и ради чего?

– Это мое дело, – сквозь зубы ответил Уоррен. – И я собираюсь еще немного побеспокоить его.

Он заставил меня вывести коротышку. Я не хотел, но доктор Мерримен отверг возражения Шаца, и приказал мне. Двое полицейских силой переодели парня в халат Салли Нортон и покрасили ему губы красной помадой.

Illustration: David Stone

А знаете, в этом стройнящем халатике и с колпачком на голове он выглядел весьма неплохо. Даже интереснее, чем Салли, надо сказать.

– Ладно, – согласился Шац, – возможно, он сумел бы в полумраке проскользнуть мимо Слэттери. Допускаю. Но почему вы считаете, что он это сделал. Да и зачем ему это?

– Во-первых, помада на мизинце, – сказал Уоррен. – Иногда приходится подправлять помаду пальцем. А что касается вашего «зачем», то это зависит от разных обстоятельств. Если парень просто псих, он мог зарезать Майклса потому... потому, что он псих. Но, предположим, что он – тот самый сбежавший грабитель, его сообщник, а Майклс – единственный, кто мог рассказать о нем и опознать. И пока Майклс лежал в коме, этому типу нужно было только пробраться в больницу любым возможным способом и перерезать сообщнику горло, чтобы навеки заткнуть его. По моему, все сходится.

Доктор Мерримен кивнул.

– Именно об этом я и подумал, капитан, – сказал он.

– Ты лжешь! Ты лжешь! – закричал коротышка. – Я называл его имя три раза, и он умер! Они все умирают! Это мое проклятье!

– Хорошо, давайте проверим, – сказал доктор Мерримен. – Произнесите мое имя три раза.

Коротышка съехался и отступил.

– Я... Я не могу. Уже достаточно смертей на моей совести.

– Я приказываю! – крикнул доктор Мерримен, его лицо опасно покраснелось. – Произнесите мое имя три раза!

Коротышка бросил на доктора Шаца умоляющий взгляд.

– Разрешаю, – успокаивающе кивнул он. – Я знаю, ты убежден, что это действует, но это полностью противоречит логике. Слова не могут убить. Ты сам себе это докажешь.

И коротышка, бледнея и дрожа, трясаясь так, будто сейчас умрет от страха, произнес имя доктора Мерримена три раза.

Уоррен снял с пациента отпечатки пальцев и поручил Слэттери и еще одному охраннику караулить палату сумасшедшего коротышки.

Когда на следующий день я пришел на работу, в отделении царила необычная тишина, как на поминках. Салли Нортон рыдала, на докторе Шаце лица не было. И коротышка носился кругами в своей палате, крича, что ему не нужно было соглашаться делать это.

– Что делать? – все еще не понимал я.

– Доктор Мерримен умер прошлой ночью, – сказал Шац. Я с ужасом посмотрел на маленького человечка.

– Это он?

– Нет, нет, конечно, нет, – сказал Шац, но уже далеко не тем спокойным, уверенным голосом, как вчера. – У доктора Мерримена было слабое сердце. Он мог умереть в любое время. Возможно, он испытывал бессознательное желание избежать боли и страха, и заблуждения пациента, вероятно, подтолкнули доктора Мерримена таким образом облегчить себе страдание. Он убедил себя психологически. Это как смерть от проклятья вуду. Жертва захотела собственной смерти, и проклятье сработало.

Все вновь погрузились в скорбь, пока не появился капитан Уоррен с широкой улыбкой на лице. Она тут же исчезла, едва он узнал о смерти доктора Мерримена, впрочем, капитан не допускал и мысли о том, что это сделал коротышка.

Будучи практичным копом, не верящим в фантазии, он водрузил свою руку на плечо коротышки и произнес:

– Арнольд Роуч, вы арестованы за соучастие в убийстве...

Как затем объяснил капитан Уоррен, коротышка, чье имя теперь стало известно всем, имел глупость оставить на

месте преступления несколько отпечатков пальцев. И не придумал ничего лучше, чем сочинить историю о проклятии дурного глаза, наняв хорошего психиатра, который объяснил ему, как быстро и ловко изобразить невменяемость. Таким образом он и оказался здесь, в психиатрическом отделении. И если кто-то верит, что он действительно боится произнести любое имя хотя бы раз, не говоря уже о том, чтобы назвать его трижды, значит, ему нужно лечиться самому. Для пущей убедительности, коротышка иступленно кричал всякий раз, когда слышал, как кто-то называет любое имя. Из-за этого мы даже не могли обращаться к пациентам по именам, когда он находился рядом.

– Ну, и что вы обо всем этом думаете? – позже спросил я у доктора Шаца. – Парень – псих, или он удачно подвернулся фараонам?

Доктор Шац в задумчивости приложил ко рту ладонь и проговорил сквозь пальцы:

– Я думаю, у него психоз. Конечно, этому недостаточно доказательств, но его поведение убеждает меня. Это определенно психоз.

– А что насчет его истории о трижды произнесенных именах? Ладно, возможно, он спланировал все по пунктикам, прежде чем появился здесь. Те, кто мертвы, уже мертвы, и никто не узнает, умерли они просто так, или от того, что он трижды назвал их имена. Допустим, что этот шибздик мог перерезать Майклу горло. Но как быть с доктором Меррименом?

– Я же тебе объяснил, – устало сказал Шац, – Слабое сердце и, предположительно, желание умереть, инициированное внушением.

Я наспех протер пол, сунул швабру обратно в ведро и начал выжимать. Что-то не давало мне покоя, и я не хотел этого скрывать.

– Это всего лишь предположение, – сказал я. – Ну, а вдруг этот чудик действительно не врет, и люди умирают, если он произнесет их имя три раза?

– Почему бы тебе не попробовать самому, что из этого выйдет? – зло спросил Шац.

Я чуть не уронил ведро.

– Почему я? Вы психиатр. Вам и карты в руки.

– Потому что я знаю, что это чисто детское заблуждение. Мне не нужно никаких доказательств.

– Но это ведь, – возразил я, опираясь на швабру, – не научный подход, доктор.

– Ну и черт с ним, – раздраженно проворчал он. – Ладно, если это тебя беспокоит, так и быть, я попробую.

Однако всякий раз, когда я напоминаю ему об этом разговоре, у него постоянно находится какая-нибудь отговорка.

НЕ ПРИНИМАЙ ЭТО БЛИЗКО К СЕРДЦУ

Не знаю, как сейчас, но в те давние времена, когда мы были маленькими (разумеется, не настолько давние как Гражданская война!), дети, перепрыгнув через трещину в асфальте, имели обыкновение кричать: «Кто на трещину наступит, свою мамочку погубит!» И никто не наступал на трещины. Матерей уважали в те дни.

Какие детские глупости, сказали бы мы теперь. Но позвольте только психоаналитику услышать подобное сего дня, и он, нацепив пенсне, с умным видом пустится в рассуждения о «моделях компульсивного поведения», держа наготове старую кушетку. Потом к нему приводят какого-нибудь маленького Вилли, требуя вылечить малыша от невроза, потому что он, видите ли, настолько ненормален, что никто его терпеть не может!

Но правы ли мы, когда считаем, что навешивая ярлыки «одержимости», даем ответ? Что, если для подобных суеверий существуют веские основания? Кто-нибудь из окружающих готов рискнуть здоровьем своей матери?

Некоторые мужчины, входя в обувной магазин, ведут себя так нерешительно и кротко, будто чувствуют за собой какую-то вину. Отчасти это могло бы объяснить, почему Элиот Гранди более двадцати пяти лет оставался главным продавцом в магазине мужской обуви «Футфиттер».

У этого маленького суетливого человечка в сверкающих очках и с седыми волосами, зачесанными строго назад, чтобы прикрыть пробивающуюся лысину, был удивительно сильный, авторитетный голос. Когда Гранди заявлял, что

клиент должен взять именно эту обувь, она оказывалась так хороша, что ее неизменно покупали.

Мистеру Кэхиллу нравилось наблюдать, как идет торговля у Гранди, особенно по субботам, которая оплачивалась по особой ставке.

Мистер Кэхилл стал управляющим магазина еще за два года до того, как здесь появился Гранди, но он не скрывал, что в мастерстве продаж и в подметки тому не годился.

– Смотрите туда, – в один прекрасный день сказал Кэхилл продавцу по имени Барнс, который, собственно говоря, никогда не хватал звезд с неба. – Вон тот джентльмен хочет туфли с накладками из кордовой кожи. Послушайте, как с этим справится Гранди...

– Они трут в носке, – тем временем жаловался клиент, немного пройдясь, чтобы опробовать обувь. – Не могли бы вы подложить мягкую подушечку?

– Я мог бы, – ответил Гранди своим удивительным голосом. – Но я не буду.

– Ха? – одновременно воскликнули клиент и Барнс, оба поразившись.

– Если этот тип просит, – шепнул Барнс мистеру Кэхиллу, – почему бы Гранди не постараться для него?

– Он знает, что делает, – ответил мистер Кэхилл. – Слушайте дальше.

– Я не понимаю, – озадаченно произнес покупатель. – Если вы включите подушечки в счет, я уплачу.

Со своего места Гранди резко подался вперед.

– Это не мой принцип. Ну-ка, присядьте.

Не успел еще заказчик плюхнуться на стул, как Гранди схватил его ногу за левую лодыжку, стремительно расшнуровал туфлю и приставил подошву к ступне клиента.

– Ну что же, давайте посмотрим, почему она кусается. Вы никогда не спрашивали себя об этом? Обувь не жмет без

причины, будьте уверены. Если это происходит, то лишь потому, что она не подходит к ноге.

– Правда? – клиент затаил дыхание.

– Форма носка слишком узкая для вас. Посмотрите, как идет эта линия. – Гранди замолчал и бросил на мужчину взгляд из-под блеснувших очков. – Ваши ноги не попадают в нее, не так ли?

– Да, пожалуй...

– А дубленая кожа груба и довольно тверда, сами видите. У вас ведь чувствительные ноги?

– Ну, да...

Мистер Кэхилл с улыбкой повернулся к Барнсу, не скрывая гордости за мастерство.

– Учитесь. Вот как надо любить свою работу.

Но это было только начало. Гранди дал клиенту возможность примерить другие, более подходящие туфли, и даже походить в них и признать, что они кажутся более удобными. Однако покупатель, несколько вызываяще, попросил снова примерить предыдущую пару.

– Я выбираю эти, – начал было он, однако заметил, как неодобрительно сжались губы Гранди. – Вы думаете, я должен взять те, с широким носком?

– Уверен, – заявил Гранди.

Клиент вздохнул.

– Ну, хорошо. Выглядят они паршиво, но, по крайней мере, отлично сидят на ногах.

– Это ведь самое главное, верно? – завертывая покупку, Гранди закончил сделку улыбкой одобрения.

– Думаю, да. Ну, разумеется! Почему я должен втискивать свои ноги в тесные башмаки...

– Если они неправильно подобраны, – поспешил заметить Гранди.

– Вот именно. С чего кто-то решил, что я должен ходить в узких туфлях? К черту их! Для меня комфорт на первом

месте! – воинственно произнес клиент, оправдывая решение, к которому его подвели.

– Будь я проклят, – сказал Барнс мистеру Кэхиллу.

– Вы только что наблюдали за работой мастера, Барнс, – произнес управляющий почти благоговейно. – Никогда не забывайте этого момента, и пусть он будет для вас хорошим уроком.

Но у мистера Кэхилла бывали и проблемы с Гранди. Это прекрасно, конечно, что есть продавец, не пропустивший ни одного рабочего дня, который никогда не опаздывает, который всегда держит в чистоте пол возле примерочного стула. «Убирайте обувь, как только вы сняли ее с клиента, – любил напоминать Гранди своим сильным голосом, – если будет грязно, покупатели сбегут от вас». Гранди был одержим порядком на складе. Он терпеть не мог (и это еще мягко сказано) когда там было что-то не так, и, приходя в ярость, заставлял клиентов ждать, пока не расставлял все так, как считал нужным.

Это была одна из тех самых проблем, которые беспокоили мистера Кэхилла. Он всегда считал, что клиент должен быть на первом месте. Гранди, со своей стороны, утверждал, что неорганизованность на складе грозит нарушить эффективность продаж.

– Как продавец может работать, если он не знает, где у него что лежит?

– Но ведь разобраться с полками можно и после того, как вы отпустите клиента, – напирал мистер Кэхилл.

– Я не могу так работать.

– Гранди. Вас ждет покупатель. Пожалуйста, вернитесь в зал и займитесь им. – Кэхиллу не раз приходилось произносить эти слова.

– Сэр, это приказ? – всякий раз иронически спрашивал Гранди.

– Приказ.

Гранди сперва неуверенно направлялся к выходу, затем, обернувшись, окидывал взглядом брошенные на произвол судьбы складские полки, затем и вовсе останавливался, разрываясь между желанием навести порядок и необходимостью выполнить приказ.

– Я приду через несколько минут, – обычно бормотал он.

– Идите.

Другой проблемой был отказ Гранди примерять в первую очередь правый ботинок или туфлю. Довольно часто клиенты обращаются к продавцу с подобной просьбой: «Моя правая нога больше левой. Я хотел бы начать с нее».

И другие продавцы, и мистер Кэхилл были счастливы угодить покупателю в столь малой просьбе.

– Но в коробке обувь лежит иначе, – упрямо заявлял Гранди. – Правый ботинок под папиросной бумагой. Значит, левый нужно доставать первым.

– Вы не потратите много времени, если будете доставать их в обратном порядке.

– Но я совсем не так учился продавать обувь, мистер Кэхилл: сначала берется левый ботинок, затем правый. Я не возражаю надеть их оба на клиента, но я не буду вынимать правый из коробки первым.

И он никогда не делал этого.

Случались и другие ситуации, когда Гранди проявлял упорство, и мистер Кэхилл иногда серьезно подумывал о том, чтобы избавиться от него. Но все эти моменты были всего лишь временными кризисами, и хотя привычка Гранди придерживаться своих твердо установленных правил всегда побеждала, мистер Кэхилл, немного остыв, понимал, что продавца такого масштаба как Гранди нельзя увольнять только за то, что он не хочет менять свои принципы. Если бы не Гранди, он вынужден был это признать, магазин лишился бы значительной доли выручки.

Illustrator: R. Farington

Но не только это влияло на его решение. Мистер Кэхилл старательно изучал Гранди все эти годы, поскольку убежден был, что любой менеджер, даже самый лучший, может нуждаться в его помощи; и он, понял, наконец, в чем корень проблем Гранди.

– Я отвезу вас домой, – сказал он однажды перед закрытием магазина. – Есть серьезный разговор.

Никто, наверное, не заметил бы паники на лице продавца, но только не мистер Кэхилл.

– Но я всегда езжу только на метро, – возразил Гранди.

– Вот. Это именно то, что я имею в виду, – сказал мистер Кэхилл. – У вас всегда так. Будто существует только один способ сделать что-либо. Ну же, садитесь в машину. Мне как раз по пути.

Гранди с ужасом огляделся, словно его окружила толпа вооруженных копов.

– Нет. Я думаю... Нет, спасибо. Я лучше на метро. Это... э-э... быстрее.

– Вы ведь только что никуда не торопились.

Мистер Кэхилл открыл дверь машины, однако Гранди не двинулся с места. Не обращая внимания на прохожих, мистер Кэхилл пытался настоять на своем:

– Я хочу помочь вам, Гранди. И я думаю, что смогу. Я учился психологии. Это помогло мне кое-чего добиться в жизни. Я знаю, что заставляет человека двигаться вперед. Вы не двигаетесь, Гранди. Вы с завидным упорством застреваете на полпути.

– Я не жалуюсь, – ответил Гранди. – Если вы не удовлетворены моей работой...

– Нет, нет. Дело вовсе не в этом. Вы... Понимаете, вам недостает гибкости. Вы действуете так, словно произойдет что-то ужасное, если изменить своим привычкам.

– Ничего не получится, если делать неправильно, – упрямо сказал Гранди.

– Получится. Возможно даже лучше. Но вы боитесь что-либо изменить. Ну, вот, как вы думаете, что произойдет, если вы сначала примерите правый ботинок? Покупатель умрет? Или вы? Пол провалится? Что?

– Я опаздываю, – ответил Гранди. – Я должен вернуться домой. У меня дела...

Он поспешил к метро.

Мистер Кэхилл с угрюмым видом полез в машину, расстроенный тем, что проиграл.

Но проникательный анализ мистера Кэхилла заставил Гранди серьезно взволноваться. Нисколько не утратив умения влиять на клиентов, он все чаще задумывался над тем, что неизменность его привычек могла быть просто результатом обучения. Мистер Кэхилл даже не подозревал, что Гранди попытался провести небольшой эксперимент: при шнуровке сначала продеть сквозь дырочки одну половину шнурка, затем проделать то же самое с другим концом, вместо того, чтобы кропотливо вести оба конца одновременно, от одного отверстия к противоположному, как он всегда делал, считая это лучшим, более консервативным способом, позволявшим сделать работу аккуратнее. Теперь же Гранди не был в этом так уверен.

Он не то что бы попытался сделать это. Он начал, или, скорее, даже только подумал о начале. Но руки его затряслись, и Гранди ощутил, как его сдавил внезапный ужас. Что-то страшное могло произойти, если бы он выполнил задуманное. Как будто стены и потолок грозили обрушиться на него, посмей он продолжить.

– Простите, я спешу, – напомнил о себе клиент, и Гранди, извинившись за паузу, стремительно зашнуровал обувь именно так, как это делал всегда.

Он пытался не задерживаться на складе, чтобы скорее обслужить покупателей; и даже когда его просили достать

сначала правый ботинок, тоже пытался это сделать. Но паника овладевала им всякий раз.

Он знал, что ничего не случится. Он знал это, он знал, он знал это!

Но никогда до сих пор Гранди не испытывал подобного страха, предчувствия, что произойдет катастрофа, если нарушить привычный порядок. Он ничего не стал рассказывать мистеру Кэхиллу, и перестал экспериментировать. И сразу ощутил невыразимую легкость. Так или иначе, это было гораздо безопаснее, чем добровольно нажать на спусковой механизм бомбы, которая могла уничтожить его самого, магазин, клиентов и мистера Кэхилла.

Мистер Кэхилл, однако, и сам не замечал мучительных попыток Гранди бороться с собой. Кэхилла гораздо больше беспокоило письмо от мистера Мансона, президента компании. Зная, что могут возникнуть проблемы с Гранди, управляющий пытался препятствовать возможной катастрофе.

— Знаете, — сказал как-то мистер Кэхилл немного небрежным тоном, сидя вместе с Гранди в подсобке магазина в послеобеденный час. — Больше половины людей в мире — женщины!

— Любой, кто ездит в метро, может сказать вам это, — ответил Гранди с присущей ему раздражительностью.

— Представьте, насколько это больше обуви, даже если каждой потребуется всего одна пара.

— И намного дольше по времени. Можно обслужить пятерых мужчин, прежде чем удастся что-то продать какой-нибудь дамочке.

— О, я бы не говорил так, — шутливо возразил мистер Кэхилл. — Это, конечно, займет немного больше времени. Но только подумайте, сколько дополнительных покупателей!

— Может, кому-то это интересно. Но не мне.

Мистер Кэхилл надеялся изменить отношение Гранди к этому вопросу, пытаясь хоть понемногу влиять на него во время каждого разговора. Но у него было слишком мало времени.

Когда в понедельник утром Гранди явился, как обычно, ровно на пять минут раньше и зашел на склад, чтобы оставить там свое пальто, мистер Кэхилл, напряженно затаив дыхание, ждал бури.

– Мистер Кэхилл?! – голос Гранди звучал с таким негодованием, какого мистеру Кэхиллу прежде не доводилось слышать. – Я могу спросить, что означает это... это святотатство?

Мистер Кэхилл глубоко вздохнул и, расправив спину, вошел в склад, посреди которого застыл Гранди, впившись взглядом в полки с узкими коробками.

– Что все это значит, мистер Кэхилл? – требовательно спросил Гранди. – Это ведь женская обувь, не так ли?

– Ну, да, – изобразил невинность управляющий. – Я думал, вы поняли из наших бесед, что...

– Так вот на что вы намекали! Превратить «Футфиттер» в проклятый женский магазин!

– Это была не моя идея, – ответил мистер Кэхилл. – Приказ из офиса.

– Хорошо. Им не заставить меня продавать женскую обувь. Я уйду, мистер Кэхилл. Прямо сейчас. Я найду другой обувной магазин, а если и тот начнет торговать женской обувью, пойду снова искать работу, и где-нибудь найду.

Он уже был снаружи, и со злобой разглядывал рекламу в витрине, вставленную в выходные, – которую не заметил только потому, что оформление крайне редко менялось, – когда мистер Кэхилл догнал его и схватил за руку.

– Гранди, это несправедливо по отношению к «Футфиттер», – не сдерживая возмущения, отчитывал управляющий. – Вы не дали уведомления об уходе. Вы не можете

бросить нас на произвол судьбы в такой день. Вы главный продавец, на кого еще мы можем полагаться, как не на вас?

– Ну... – нерешительно ответил Гранди, став похожим на одного из своих собственных бывших клиентов.

– Вы были верны «Футфиттеру» все эти годы. Я не могу поверить, что вы могли поступить так в самый решительный момент.

– Хорошо. – Гранди сдался. – Я выручу, но только потому, что не могу бросить клиентов мужчин.

Это была первая победа мистера Кэхилла, и он уже лучше знал, как действовать дальше.

Гранди вернулся на склад, чтобы переодеться, и что-то ворчал в адрес маленьких коробочек. В зале он встал в задних рядах, с неприязнью глядя, как в открывшийся магазин вливается толпа женщин, желающих купить что-нибудь и получить в подарок чулки или кошелек, обещанные владельцами магазина.

Естественно, он не предпринял бы никаких попыток помочь им, даже за отдельную плату. Мистер Кэхилл подозревал, что Гранди сдвинется с места, только если в зал войдет клиент мужского пола, а такой смелый едва ли найдется сейчас, пока магазин оккупирован женщинами, на все голоса требующими, чтобы их обслужили.

– Мистер Гранди, – с осторожностью произнес мистер Кэхилл. – Я хочу, чтобы вы хотя бы сегодня постарались. Мы не можем просто смотреть на эту толпу. А что, если сюда заглянет мистер Мансон и увидит, что вы стоите как истукан?

– Ну и что будет?

– Я знаю, теперь, когда вы решили оставить «Футфиттер», это вас не заботит, но подумайте о моей карьере, мистер Гранди. Вы прекрасно знаете, что может произойти.

– Это ваше дело, – ответил Гранди. – Я не сойду с места, пока сюда не войдет мужчина.

– Но их и не будет, пока у нас здесь столько дам! – мистер Кэхилл издал вопль отчаяния.

– Я это знаю.

– Так вы поможете мне или нет?

Гранди, только что смотревший на женщин, словно на орду инопланетных захватчиков, повернулся к мистеру Кэхиллу.

– Вы сами говорили, что я человек привычки. Мне нравится установленный порядок, несмотря на ваши идеи о том, почему я всегда поступаю так, а не иначе. Я прожил свою жизнь так, как был воспитан: делать определенные дела определенным образом, и я не хочу ломать себя ни для вас, ни для мистера Мансона, ни для кого-либо еще.

Он не упомянул, что пытался изменить свои привычки, и какой панический ужас при этом испытал. Да и что толку говорить. Мистер Кэхилл, будучи любителем психоанализа, сказал бы, что источник всех его проблем – соперничество с отцом или бунт против раннего приучения к туалету, или нашел бы еще какую-нибудь равнозначно нелепую и глупую причину.

– У вас компульсивное расстройство, – повысив голос, заметил мистер Кэхилл. – Навязчивое поведение невротика, который проявляет педантичность только потому, что боится последствий, если сделает что-то не так. Это все равно, что бросить вызов своим родителям и бояться, что тебя накажут.

– Глупости, – ответил Гранди словом, которое только что мелькнуло в его голове.

– Что, вы думаете, произойдет, если вы обслужите женщину?

Решительно настроенный Гранди начал терять самообладание. Он старался не думать о том, как чуть не пострадал от своих неудачных экспериментов.

– Я не знаю, – сдался он.

– Ну, а почему бы не узнать? Вы увидите, что это не так страшно.

Мистер Кэхилл схватил его за запястье и потянул к месту, где, сгорая от нетерпения, сидела полная женщина.

– Вот наш главный продавец, мадам. Он лично позаботится о вас.

– Ну, слава богу, хоть кто-то пожаловал, – заявила та капризным тоном. – Вы уверены? Что же он стоит, как истукан?

– Давайте, Гранди, – настойчиво зашептал мистер Кэхилл. – Она не съест вас.

– Я не боюсь ее или кого-либо еще, – заявил Гранди с достоинством, хотя на самом деле его трясло от дурного предчувствия и страха. Присев на соседний табурет, он тут же резко вскочил, едва его бросило в пот.

– Я... не могу!

– Конечно, можете, – убедительно возразил мистер Кэхилл. – Садитесь. Ну же. Вот и молодец. Теперь снимите с нее туфлю. Туфлю, мистер Гранди.

– Моя правая нога чуть больше по размеру, – сказала дама. – Я хочу начать примерку с нее.

Гранди с ужасом вытаращил глаза.

– Ваша... правая... нога?

– Вы слышали, что сказала леди? – произнес мистер Кэхилл. – Начинайте с правой ноги.

Гранди потянулся было исполнять, но тут же остановился.

– Нет!

– Боже мой! – в раздражении воскликнул мистер Кэхилл. – Если вы расстаетесь ради этой женщины и для начала примерите ей правую туфлю, мир от этого не исчезнет!

Но именно так и случилось.

Как только Гранди достал из коробки правую туфлю, магазин рухнул, город был стерт с лица земли, и планету разнесло на куски.

Было только одно мгновение, чтобы понять это, но зато он узнал, наконец, почему так боялся менять свои привычки.

У ФИНИШНОЙ ЧЕРТЫ

КОГДА Клокер Локк вошел в ресторан «Синяя лента» на 49-й Стрит, к западу от Бродвея, он сразу понял, что никто еще не рассказал Доку Хокинсу о его беде.

Док, завсегдатай пивных баров и давно не практикующий терапевт, автор ежедневной медицинской колонки в местном таблоиде, отмечал свое освобождение из лечебницы для алкоголиков, но гости, собравшиеся за дальним столиком, отнюдь не разделяли его веселья.

Проходя мимо торговцев ювелирными изделиями, которым всегда отводили столики, самые близкие к окнам, поскольку их бизнес, видите ли, нуждался в естественном дневном свете, Клокер слышал недовольный голос Дока:

– Да что с вами? С каких это пор у вас иммунитет к выпивке? Я же говорю, пойло с меня, разве не понятно? – надрывался тот. – Наливайте, наливайте, я жду вашего смеха и искрометного остроумия, или вы считаете, что, пока не появился Клокер, никакое веселье в этой палате не уместно?

Заметив, что гости повернули головы к выходу, Док тоже обернулся и увидел друга, после чего открыл рот и словно онемел, что было впервые на памяти Клокера.

– О, господи! – вымолвил Док после некоторой паузы. – Да наш Клокер настоящий оригинал!

Клокеру стало неловко. Он все еще не мог привыкнуть к своему новому деловому стилю: взамен яркой спортивной куртки, сласков и двухцветных замшевых башмаков на нем был костюм приглушенного серого тона и черные классические туфли; вместо расписного шейного платка, к кото-

рым он раньше питал страсть, теперь Клокер носил обычный галстук с мелким рисунком; а взамен эффектного хронографа – простые наручные часы.

Он знал, что по всем бродвейским понятиям выглядел странно и чужаковато. Док был прав: действительно, оригинал.

– ЗЕЛЬДЕ бы понравилось, – оправдываясь, утрумо сказал Клокер. Он занял свое место и подал знак официанту. – Она всегда хотела сделать из меня джентльмена.

- Хотела? – изумленно переспросил Док, – Да вы, дети мои, только-только поженились перед тем, как они взялись за моего зеленого змия. Только не вздумай сказать, что ты... пффф... уже того!

Клокер умоляюще посмотрел на остальных. Но все уткнули взгляды в рюмки или делали вид, что рассматривают узоры на салфетках.

Естественно, Док Хокинс отлично знал Клокера. Тот был игроком-издателем, если так можно назвать владельца и составителя небольшой брошюры, где давалась информация о выгодных вложениях на скачках. И Док, постоянно нуждавшийся в деньгах на выпивку, частенько обращался к нему за профессиональным советом. Док также был в курсе, что Клокер женился на Зельде, известной стриптизерше с 52-й Стрит. Единственное, чего он не знал, так это того, что случилось за время его бесславного лечения.

– Никто не хочет объяснить мне, что происходит? – потребовал Док.

– Это случилось сразу после того, как ты пытался заразиться бородавками от пожарного гидранта, и скорая приехала забрать тебя, – начал рассказывать Клокер. – Зельда слышит голоса. Это просто ужасно.

– Насколько ужасно?

– Она в Глендейльском Центре, ее держат в комнате с мягкими стенами. Я только что оттуда. Навещал ее.

Док одним залпом проглотил свое горячее. Это говорило о том, что он либо расстроен, либо доволен, других вариантов не было. Сейчас, разумеется, он был серьезно расстроен.

– Психиатры уже поставили диагноз? – спросил он.

– Я выучил его наизусть. Кататонический синдром. Ранняя деменция, так они называют слабоумие. Их главный сказал мне, что это безнадежно.

– Скверно, – сказал Док. – Очень скверно. В таких случаях ничего хорошего ждать не приходится.

– Возможно, они не смогут помочь ей, – резко произнес Клокер, – но я сумею.

– Люди не лошади, – напомнил ему Док.

В их разговор вмешался Ловкач Сэм, безрукий феномен, выступавший с блошиным цирком, он потягивал пиво, потому что вросший ноготь на пальце ноги не позволял Сэму держать рюмку. Теперь, когда Клокер поведал свою мрачную историю, он не постеснялся высказаться и делал это с жаром:

– Если ты не забыл, Док, наш Клокер башковитый парень! Вспомни, кто угадал, что Колдун скиснет на третьем круге? Клокер – единственный из всех. И это лишь один пример...

– Да, Зельда была моим воплощением страсти, – оборвал его Арнольд Уилсон Уайл, процентщик, по которому давно плакала тюрьма за неуплату алиментов. – А как ее шикарное тело двигалось под музыку. Знаешь, Клокер, я, может быть, больше всех жалею о ее печальном положении, но ты ей уже ничем не поможешь. Лучше позаботься о своих друзьях. Не посоветуешь хорошую лошадку, а? Мой адвокат собирается выставить счет, и мне позарез нужна верная ставка.

Клокер ударил кулаком по столу.

– Эти горе-доктора и понятия не имеют, что случилось с Зельдой. А вот я знаю!

– Знаешь? – икнув, спросил Док.

– Ну, почти. Я так близко подобрался к разгадке, словно вот-вот услышу щелчок камеры у финишной черты.

Сидевший рядом Баттонхол, который был, наверное, самым преданным подписчиком Клокера, схватил Дока за лацкан и повис на нем.

– Угадать победителя – целая наука, – прогудел он, щедро дохнув перегаром. – Клокер, может быть, и не разбирается в людях, но он ученый малый и свое дело знает. Давай, скажи ему, Клокер!

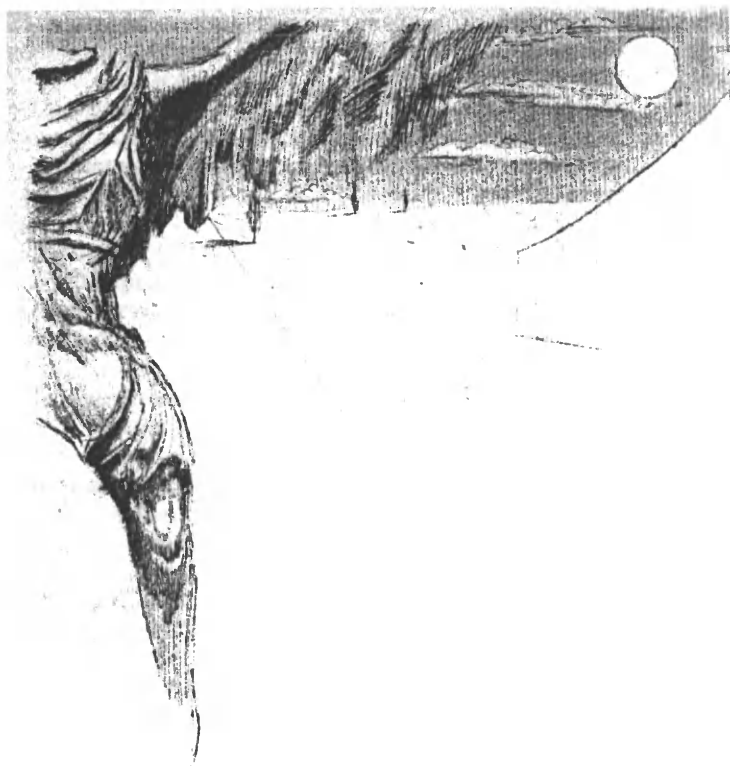
ДОК Хокинс в задумчивости повертел стакан, на дне которого бегали капли спиртного.

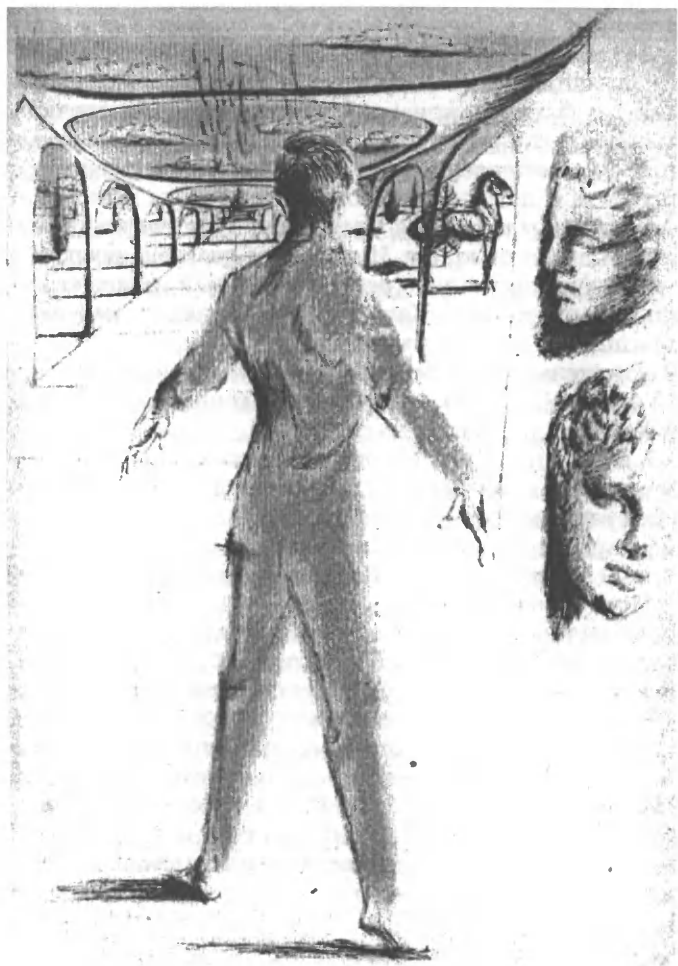
– Было бы интересно послушать, – произнес он с иронией бульварного писаки, ясно понимая, что для Клокера было бы лучше не строить никаких иллюзий. – Наверное, можно было бы накропать статейку в какой-нибудь психиатрический журнал.

– Тогда слушай, – Клокер вытащил графики, напоминающие те, с которыми он работал, когда делал выборки для скачек. – У Зельды кататония, этот синдром считается одним из самых ярких проявлений шизофрении. До того как Зельда стала раздеваться за деньги, она была танцовщицей, и теперь она постоянно выполняет какие-то танцевальные па, днями напролет.

Док покосился на официанта, который сменил ему стакан.

– Стереотипные движения характерны для кататонии, – подтвердил он. – Это происходит из-за подавления или нарушения двигательной деятельности. В большинстве случаев больные будто возвращаются в детство.

– Она танцует весь день, да, Клокер? – спросил парень, которого все звали Нефтяной Карман, он был родом из Оклахомы, настоящий индеец чероки; имея доход от нескольких скважин, он славился своим шоу неоседланных ангелочков. Держа стакан текилы в одной руке, дольку лимона с солью в другой, он поинтересовался: – И все еще хорошо танцует?

– В том-то и дело, – ответил Клокер. – Она выполняет эти танцевальные шаги, как на репетиции, по десять, а то и по пятнадцать часов кряду. И при этом разговаривает, как будто дает уроки какому-то ребенку, который не может выполнять их правильно. Как будто вспоминает, как сама учила танцы, когда была малышкой.

– Зажигательной малышкой, – довольно подметил Арнольд Уилсон Уайл, – Зельда такая же гениальная самоучка, как Хейфец¹, игравший на свадьбах.

– А я до сих пор не отказался бы взять ее в свое шоу, – проворчал Нефтяной Карман, – У нее талия, как у пчелки. И лучшей танцовщицы не сыскать.

– Тебе придется долго ждать, несмотря на то, что рассказывает наш молодой друг, – подметил Док, сочувствуя Клокеру. – Продолжай, старина.

Клокер начал раскладывать свои листки. Для этого потребовался целиком стол. Пришлось убирать выпивку. Проще всех было Ловкачу Сэму, он поставил свое пиво на пол, так что мог легко до него дотянуться ногой.

– Здесь все, что я получил из разных источников, лично или по почте, – сказал Клокер. – Я обращался в разные места, говорил с врачами и пациентами, здесь у нас, и переписывался с теми лечебницами, куда не мог попасть лично. Я решил свести всю информацию воедино и составил что-то вроде списка фаворитов.

¹ Хейфец, Яша (Иосиф Робертович; 1901, Россия —1987, США) – один из величайших скрипачей 20-го века.

Баттонхол снова потянул Дока за лацкан.

– Это же все ненаучно, я полагаю? – с вызовом спросил он.

– Дурная работа, – согласился Док, терпеливо снося выходки Баттонхола. – Это все было сделано еще полвека назад. Но давайте послушаем человека.

– ВО-ПЕРВЫХ, – начал Клокер, – сумасшедших мужчин всегда больше, чем женщин.

– У женщин по своей природе более устойчивая психика, возможно, потому что у них более стабильный наследственный фактор, – пояснил Док.

– Далее. Шансов чокнуться у интеллектуала гораздо больше, чем у какого-нибудь тупоголового работяги.

– Интеллектуальная деятельность усиливает вероятность конфликта в психике.

– Безумие реже встречается в сельской местности, чем в городах, и практически отсутствует у дикарей. Я имею в виду настоящих дикарей, – Клокер повернулся к Ловкачу Сэму, – а не отдельных уличных коммерсантов.

– Намек понял, – кивнул тот.

– Сложная цивилизация создает основу для психической нестабильности, – возразил Док.

– Когда кататоники выходят из своего состояния, они многого не помнят, а порой, вообще ничего, – продолжал выкладывать Клокер, глядя на свои графики.

Док пьяно мотнул косматой седой головой:

– Защитная амнезия.

– Я видел сотни таких умственных калек. Они постоянно чем-то заняты, как одержимые, все время, даже если от них ничего не требуется, но они не вели себя так раньше, когда были обычными людьми.

– Разумеется. Дело в чрезмерной концентрации психической энергии.

– И они не получают за эту работу ни одного дерьмового цента!..

ДОК отставил наполовину опустошенный стакан.

– Не понял.

– Я же говорю, они работают как лошади, – сказал Клокер. – А между тем, любой, кто чем-то занят, должен быть уверен в том, что его труд будет вознагражден. Не обязательно это должны быть деньги, хотя для Зельды это был единственный вид оплаты, когда она работала. Верно, Арнольд?

– Ну, да, – с удивлением отреагировал Арнольд Уилсон Уайл. – Я как-то не думал о таких вещах. Но Зельда, танцующая по десять-пятнадцать часов в день, и задаром – это не Зельда.

– Если хотите знать, ей нравится ее занятие, – заявил Клокер. – То же самое я наблюдал и у других кататоников. И что они с этого имеют?

Обескураженный Док совсем отодвинул выпивку, будто перед ним встала неразрешимая медицинская загадка.

– Я вообще не понимаю, к чему ты клонишь?

– Насчет других не скажу, но я хорошо знаю Зельду, – снова оживился Арнольд Уилсон Уайл, – Если кто и заслуживает вознаграждения, так это она. И если Клокер говорит, что то же самое с другими, я верю ему на слово. Чего им даром пыжиться, если им не платят?

– Они вполне удовлетворены той эмоциональной разрядкой, которую получают, – пытался втолковать им Док.

– Кто, Зельда? – вспыхнул Клокер. – Если бы ты предложил ей такую сделку, бьюсь об заклад, она бы умерла от смеха.

– Я как-то предлагал ей ведущую роль, – проворчал Нефтяной Карман. – Хотел организовать для нее отдельное шоу, сделал бы всевозможную рекламу. А она мне говорит:

чем тратить деньги на всякую ерунду, лучше мне их отдай. Не, Зельда не умеет просчитывать удачные ходы.

Док Хокинс привлек внимание официанта, показав ему пять пальцев, вместо трех, как обычно.

– Давайте не будем препираться. Продолжай, – сказал он Клокеру.

КЛОКЕР снова посмотрел на свои расчеты.

– Я старался ничего не упустить, даже самой мелочи. Это как бег с препятствиями, только я сам был вместо лошади. И я пришел к выводу, что все эти бедолаги главным образом занимаются тем, чем занимались и раньше, зарабатывая себе на жизнь: рисуют картины, продают обувь, проводят лабораторные эксперименты, шьют одежду, танцуют, как Зельда. Часами. Только в воздухе!

– В воздухе? – вмешался Ловкач Сэм. – Летают, что ли?

– Воображаемые действия, – пояснил ему Док. – У них ничего нет в руках. Одни только галлюцинации. Мнимые видения.

– Типа языка глухонемых? – предположил Нефтяной Карман.

– Не торопись, Вождь, – сказал Клокер, успевая прежде, чем Док Хокинс попытался бы отвергнуть прозвучавшую мысль. – Ответ находится прямо перед носом. Вот Баттонхол говорит, что у меня чутье на скачки. Он прав. Я собираю ту информацию, что дают мне сборщики ставок, и просчитываю все вероятности. Точно так же и здесь, – он ткнул пальцем в графики, – у всех этих горемык есть что-то общее. Не их возраст, не работа, не пол, или то, какая у них, извините, половая ориентация. Тут другое. Они преподают!

Озадаченный Баттонхол, продолжая держать Дока за лацкан, будто отрезвел на секунду и немного ослабил хват-

ку. Ловкач Сэм большим пальцем ноги задумчиво почесал затылок.

– Преподают? – спросил он. – Кому, Клокер? Ты же сказал, что их держат в одиночках.

– Да, держат. И я не знаю, кому именно они преподают. Но я пытаюсь это выяснить.

Док воинственно отпихнул листы с графиками, чтобы освободить место для своих крепких локтей. Он наклонился вперед и с негодованием уставился на Клокера.

– Твоя теория достойна воскресного приложения к газетке, для которой я пишу. Не все кататоники чем-то одержимо заняты, как ты это называешь. А что ты скажешь о тех, кто впадает в ступор и стоит неподвижно, или о тех, кто бревном лежит в кровати?

– Я думаю, ты сам легко сможешь это объяснить, – парировал Клокер. – Попробуй как-нибудь, как это сделал я. Это именно занятия, говорю вам!

Он свернул бумаги и спрятал их обратно во внутренний карман своего костюма. Мука тоски и одиночества вновь овладела им.

– Я чертовски скучаю по ней. Я собираюсь спасти ее, Док. Неужели ты не понимаешь?

Док Хокинс, немного смягчившись, водрузил свою тяжелую руку на плечо Клокера.

– Конечно, понимаю, мой мальчик. Но на что ты рассчитываешь, если даже врачи не могут ничего поделать?

– Но как же Зельда? Она делала первые шаги в танцах, когда ей было, возможно, лет пять, и она только пошла в танцевальную школу.

– Вероятно, эти движения имеют для нее символическое значение, – сказал Док, не скрывая сожаления. – Я считаю, что в ее душе произошел какой-то внутренний надлом, что-то вроде неосознанного протеста ее психики.

– Такое впечатление, что она может делать эти движения даже с завязанными глазами, даже на коленях, если ей связать ноги, – не слушая, упрямо гнул свое Клокер. – Но они как будто не понимают ее.

Он высвободил Дока от хватки Баттонхола и обнял обоих.

– Я говорю вам, она именно преподает, будто пытается что-то втолковать какому-то болвану, который никак не может научиться.

– Да кому она может преподавать? – фыркнул Док. – Психиатрам? Медсестрам? А может, тебе? Ну, сам подумай, Клокер, она выполняет эти движения, но ведь ей все равно, одна она или нет? Да она и не может знать, есть ли кто-то рядом. Разве это не так?

– Да, так, – с неохотой кивнул Клокер, – Вот это меня и убивает.

Нефтяной Карман проворчал недовольно:

– Белые люди не верят в духов. А индейцы верят. Возможно, Зельда говорит с духами.

– Я думал об этом, – признался Клокер, с горечью глядя на лицо краснокожего друга. – Духи – это я могу понять. Призраки. Привидения. Но, если Зельда и другие кататоники учат призраков, то эти призраки – самые отъявленные тупицы на свете. Они заставляют ее и остальных бесконечно повторять свои движения, или шить, или продавать обувь, снова и снова. Если бы у них была хоть чуточка мозгов, они бы научились всему в мгновение ока.

– Может, они такие же поддатые, как мы, и не въезжают? – предположил Нефтяной Карман, с воодушевлением отнесшийся к тому, что его гипотеза близка Клокеру.

– Может быть, – посмотрел на него Клокер с некоторой убежденностью. – Если мы не видим их, так может быть, им тоже нужно постараться, чтобы увидеть или понять нас.

Нефтяной Карман заинтересованно придвинул ближе свой стул.

— Одна старая скво по имени Сухая Земля Без Дождей — то, что вы называете «старая дева», — все время слышит духов. Она постоянно передает нам, что они говорят. Но никто не слушает.

— Почему это? — любопытствовал Клокер.

— Она глухая, слепая. Не слышит гром. Ей хоть под ухо стреляй. Спрашивается, как она может видеть и слышать духов? А ведь только и делает, что бубнит, бубнит, бубнит, как заведенная.

Клокер, задумавшись, нахмурился.

— Кататоники не видят и не слышат нас, но они уверены, как ты говоришь, будто с кем-то общаются.

Док Хокинс поднялся, немного покачиваясь на ногах, и положил деньги на поднос.

— Я хотел посоветоваться с тобой, Клокер, — недовольно сказал он, — насчет ближайших скачек. У меня после лечения еще осталось немного денег, и я хотел разумно ими распорядиться. Но я вижу, что у тебя от переживаний поехала крыша. После того, что ты тут наплел, я прежде крепко подумаю, чем рискнуть хотя бы десятью центами и просить твоего совета.

— Я и не ждал, что ты поверишь мне, — с отчаянием ответил Клокер. — На вас, докторишек, лучше не рассчитывать.

— А я ничего не имею против твоих гаданий с психами, — объявил Арнольд Уилсон Уайл, — но мне больше нравится твое умение вычислить победителя еще перед стартом. Ну, так как насчет подсказки с хорошей лошадкой, если, конечно, есть подходящий вариант.

— Извини, я был слишком занят, пытался помочь Зельде, — ответил Клокер.

Друзья начали расходиться. Док Хокинс только ненадолго задержался в баре, прихватив еще бутылочку с собой —

промыть мозги, перед тем как засесть за свои заброшенные газетные колонки.

Ловкач Сэм ловко напяливал ботинки, тоже собираясь уходить.

– Да брось ты это все, Клокер. Я не спорю, ты ученый малый...

– Это я сказал, – напомнил о себе Баттонхол. Он схватил Ловкача Сэма за ворот, чтобы подняться со стула. – Если кто и знает, что такое верный прыг-скок, так это Клокер.

Нефтяной Карман, пьяно шурясь, проводил их обоих взглядом.

– Врачи уверены, что духов нет, – сказал он. – Я заболел в резервации и пошел к доктору. Он дал мне лекарство. Мне стало еще хуже. Шаман видит, что злые духи делают меня больным. Достает свой бубен. Танцует. Злые духи уходят. Я поправляюсь.

– Я уже не знаю, черт возьми, что думать, – с неохотой признался Клокер. – Если бы это помогло Зельде, я перерезал бы себе горло, сам бы стал призраком и заставил бы всех этих духов освободить ее.

– Если ты призрак, а она жива, не слишком-то удобно заниматься любовью.

– Тогда что мне делать? Нанять посредника?

– Выписать шамана из Резервации. Он изгонит злых духов.

Клокер оттолкнулся от стола.

– Может, я и поступлю так, если не придумаю что-то более стоящее, чем вызывать сюда колдуна из самой Оклахомы.

– Вернешь Зельду, я оплачу расходы и сделаю ей шоу.

– Ты слишком добр, старина, не надо никаких шаманов. Сначала я попробую сам.

ВЕРНУВШИСЬ в гостиничный номер, и с нетерпением ожидая следующего утра, когда он снова сможет навестить Зельду, Клокер ни о чем другом не мог и думать. Несмотря на то, что он уже неделями не занимался своим вестником, изучая кататоников, Клокер интуитивно чувствовал, что эти старания не должны пропасть даром.

Большую часть ночи он провел, расхаживая по комнате и дымя напропалую, стараясь не смотреть на баночки и расчески, лежавшие на столике с зеркалом. Но все здесь напоминало о ней: случайно не замеченные на полу булавки, нейлоновые чулки, оставшиеся на перекладине душа, тюбик ее зубной пасты. Он спрятал духи в комод, но запах как будто преследовал его, и создавалось впечатление, что Зельда незримо находится рядом.

Как только взошло солнце, он поспешил на улицу и взял такси. Ему следовало явиться в приемные часы, но он не мог вынести томительного ожидания. Только находясь с нею в одном здании – почти рядом – Клокер чувствовал себя более-менее сносно.

Когда ему, наконец, разрешили войти в комнату Зельды, он сел в углу, молча наблюдая, ловя каждый ее жест и оброненное слово. Ее движения, несмотря на их раздражающее примитивное однообразие, стоили того, чтобы не сводить с нее глаз: у Зельды были шикарные черные волосы, ниспадавшие до покатых плеч, большие голубые глаза, чувственные пухлые губы и изумительная фигура. Ее одаренное от природы красотой тело, казалось, излучает страсть, однако взгляд оставался безучастно далеким.

Клокер терпел, сколько мог, наконец, не выдержал:

– Черт побери, Зельда, да сколько времени им нужно, чтобы выучить эти движения?

Она не отвечала. Не видела, не слышала, не чувствовала его. Даже когда он поцеловал ее в шею, в ее любимое место, она не отдернулась, внезапно испугавшись щекотки, как это всегда бывало.

Он вынул портативный фонограф, с которым ему разрешили пройти к ней. Словно на что-то надеясь, включил три ее любимых мелодии: фрагмент балета, ритмичный танец и ее самый любимый мотив, с которым она чаще всего выступала на сцене. Но ни одна композиция не привлекла ее внимания.

– Легче достучаться до мертвеца, – с тоской пробормотал Клокер.

Он потряс Зельду. Но, даже потеряв равновесие, она бы продолжала выстукивать ногами простейший ритм.

– Послушай, малышка, – сказал он. Его голос звучал напряженно и сердито. – Я не знаю, кто заставляет тебя все это делать, но скажи им: если они завладели тобой, то пусть заберут и меня тоже.

Независимо от того, чего он ждал, призрачные фигуры не явились на этот призыв, и сквозняк замогильного холода ни откуда не подул. Ничего не случилось. Она продолжала двигаться: раз-два-три, раз-два-три.

Он сел на ее кровать. Возможно «они» выбирали людей так же, как он выбирал лошадей, с той лишь разницей, что он выбирал, чтобы выиграть, а «они» – чтобы наблюдать.

Наблюдать? Ну, да. Зельда, вероятно показывала «им», как танцевать, и обучала их азам шоу-бизнеса. «Они», видно, выбрали ее специально, поскольку знали, что никто не сможет отдать всего себя с такой преданностью делу, как Зельда.

У КЛОКЕРА сложился план, о котором он не стал рассказывать Доку, потому что это была совершенно безумная за-

тея. Но, во всяком случае, он на нее очень рассчитывал. Недели без жены казались ему адом одиночества, но не для Зельды, она, вероятно, даже не подозревала о его ужасной потере. Он готов был согласиться, что план его безумен, но других вариантов попросту не видел. Существовал лишь один способ установить, кто управлял ею, и чего «они» добиваются. Впрочем, Клокер не знал, чем это ему поможет, кроме того, существовала вероятность, что его застукают, но в данную минуту это его беспокоило меньше всего.

Главный замысел состоял в том, чтобы заинтересовать «их» теми знаниями, в которых он хорошо разбирался: чтобы они захотели узнать от него как можно больше о скачках и игре на тотализаторе. После этого... Ну, следует хотя бы с чего-то начать, а там уже видно будет.

Клокер вплотную приблизился к автоматической машине для танцев, в которую превратилась его жена. Он заговорил с ней, очень громко, детально рассказывая все, что знал: как выбрать победителя на основе данных от конезаводчиков, результатов прошлых выступлений и опытности жокеев, оперируя состоянием беговой дорожки и погодными условиями – говорил обо всем, что имело смысл в его сложной работе, которая очень походила на невероятно запутанную сеть нитей, из которых следовало выбрать единственно нужную. Он порой рисковал, но игра стоила свеч. Сейчас же он только боялся, что хрипота остановит его прежде, чем он сумеет достучаться до «них».

Санитар, проходивший мимо палаты, заинтересованно заглянул.

– Да ты, Клокер, никак тоже намерился попасть в этот загородный клуб? – грубо пошутил он.

Клокер смущенно заулыбался.

– Э-э... работаю над одной теорией, – ответил он и начал собирать вещи, быть может, с излишней поспешностью, чего не хотел показывать, после чего поцеловал Зельду и, не

получив никакого ответа с ее стороны, удалился до следующего дня.

Он продолжал приходить каждое утро. Он уже готов был сдаться, как вдруг в какой-то момент его ослепило невероятное ощущение нереальности. Он старательно подавил волнение и начал рассказывать о скачках еще более громко. Казалось, мир уплывал из-под ног. Он, возможно, сумел бы воспарить, если бы захотел. Но не стал этого делать. Неопределенные и далекие, искаженные, не совсем бессмысленные, но в то же время непонятные голоса постепенно проникали в его сознание.

А потом, в один прекрасный день, он не заметил, как вошел санитар, чтобы сказать ему об окончании приемного времени. Клокер как раз объяснял основные принципы скачек... подробно, с огромным терпением, снова и снова... и вдруг совершенно утратил контакт с реальностью.

ЭТО оказалось так просто, что Клокер был разочарован. Вначале голоса заспорили о нем, осторожно и разумно, каждый выдвигая свои доводы о том, стоит или не стоит вмешиваться, пока один из них не принял решение. Этот голос, который Клокер продолжал слышать, – тихий, спокойный – то исчезал, то становился более сильным, как будто на него влияло большое расстояние или какие-то помехи, что заставило Клокера вспомнить об игрушечном детекторном приемнике, который когда-то давно подарил ему отец.

Затем нереальность исчезла, и на смену ей вдруг явился иной мир.

Клокер очутился где-то очень далеко. Он знал, что это не Земля, поскольку ничто вокруг не походило на то, что он видел раньше, за исключением, пожалуй, посещения Всемирной выставки. Он видел невысокие, красивые здания, впечатляющие своей архитектурой, и в то же время окра-

шенные в мягкие пастельные тона. Он стоял в огромном сквере, покрытом плотным ковром зелени, с тенистыми деревьями и классическими скульптурами вдоль аллей. Сотни людей стояли рядом с ним, и все они выглядели ошеломленными и напуганными. Клокер же не ощущал ничего, кроме восторга от того, что очутился где-то. Он и понятия не имел, где находится, ему было все равно. Главное, что он там, где Зельда.

– Как я сюда попал? – обратился к нему маленький человек в бифокальных очках и в безрукавке с кучей воткнутых в нее булавок и швейных иголок. – Я не могу тратить время для поездок на отдых. Миссис Джейкобс завтра должна явиться на примерку, и она точно убьет меня, если ее платье не будет готово.

– Не убьет, – сказал Клокер, – Это вам больше не грозит.

– Хотите сказать, что мы мертвы? – раздался испуганный возглас. Это была полнотелая женщина в цветастом халате, с обесцвеченными волосами и щедро нанесенной на губы красной помадой. Она посмотрела вокруг и с явным одобрением подметила: – Эй, а здесь не так уж и плохо! Я всегда говорила, что не хуже и не лучше других и уж чего-то заслуживаю. Ну, а как тебе тут, нравится, дорогуша?

– Не спрашивайте меня, – уклонился Клокер. – Я думаю, это чья-то попытка завладеть нашим вниманием, но вы не мертвы. Это одно я могу сказать точно.

Женщина, казалось, была разочарована.

Некоторые люди в толпе жаловались, что у них остались семьи, в то время как другие волновались по поводу брошенных дел. Однако все замолчали, когда какой-то мужчина взобрался на мраморный постамент, используя его в качестве трибуны. Он был высок, осанист, в строгой одежде и с длинной белой бородой.

– Пожалуйста, почувствуйте себя непринужденно, – его голос был глубоким и успокаивающим, словно у какого-

нибудь диктора, читающего анонс радиопередач. – Вам ничего не грозит. Вы в совершенной безопасности.

– Ты уверен, что мы не мертвы, голубчик? – спросила женщина в цветастом халате. – Разве это не...

– Нет, – сказал Клокер. – Тогда бы у него был нимб над головой, верно?

– Да, пожалуй, – недоверчиво кивнула она.

Человек с белой бородой продолжал.

– Если вы внимательно прослушаете вводную лекцию, вы поймете, где вы и почему здесь. Разрешите представить вам Джеральда Хардинга. Доктор Хардинг отвечает за этот призывной пункт. Дамы и господа. Доктор Хардинг!

МНОГИЕ из собравшихся зааплодировали по привычке... словно были в аудитории или в студии какого-нибудь телешоу. Остальные, включая Клокера, в ожидании наблюдали, как престарелый человек в белом лабораторном халате, очках с тяжелой оправой и гладкими розовыми щеками, похожий на какого-нибудь доброго врача, рекламирующего жидкость для полоскания рта, поднялся на трибуну и посмотрел на толпу. Он заложил руки за спину, покачался немного с пятки на носок, и благодушно улыбнулся.

– Спасибо, мистер Кэлхун, – сказал он бородатому человеку, который переместился на мраморную скамью. – Друзья, и я полагаю, что скоро вы расцените нас именно друзьями, я знаю, что вы озадачены всем этим. – Он взмахнул рукой, показывая вокруг. – Позвольте мне объяснить. Вы были выбраны, да, именно тщательно проверены и выбраны, чтобы помочь нам, вероятно, в самый сложный для нас момент. Я вижу, что вы хотите знать, для чего вы отобраны, и по какой причине. Я буду краток. Вы больше узнаете, когда мы все вместе начнем сотрудничать в этом обширном и благородном эксперименте.

Женщина в цветастом халате выглядела чрезвычайно польщенной. Коротышка-портной кивал, демонстрируя, будто он все прекрасно понимает. Оглядев остальную толпу, Клокер заметил, что он единственный, кто на самом деле хотя бы не делает вид, что понимает истинный смысл речи. Это был чей-то план. И все эти люди для прибыли сюда ради какой-то цели.

Он пожалел, что нет рядом Дока Хокинса и Нефтяного Кармана. Док, несомненно, принял бы все за иллюзию и объяснил бы ее подсознательным влиянием пережитых в детстве травм. Приятель-индеец, со своей стороны, так или иначе, наверняка попытался бы найти что-то общее между мистером Кэлхуном, доктором Хардингом и духами своего племени. Клокер чувствовал, что вероятная позиция Нефтяного Кармана ему ближе.

Впрочем, он мог и пребывать в закоулках собственной психики, в то время как у индейца возникли бы свои видения, более подходящие для его понимания. Так духи или вымысел? Независимо от того, кем являлись эти двое, выглядели они столь же реально, как все люди, с которыми когда-либо общался Клокер, однако могли оказаться как проявлением сверхъестественного, так и порождениями безумия.

Клокер в предвкушении ждал ответа. Точно он знал лишь одно: чтобы понять, свидетель он феноменальных событий, или сошел с ума, нужны решающие доводы и аргументы. Поэтому он внимательно наблюдал и слушал, словно пытливый зритель, пытающийся разгадать трюк умелого фокусника.

— Вы, возможно, испытываете что-то вроде шока, — продолжал доктор Хардинг с легкой, сочувствующей улыбкой. — Уверен, что сумею развеять все ваши сомнения. Позвольте мне прибегнуть к самым простым объяснениям. Вы знаете, что во Вселенной существуют миллиарды звезд, и что у

звезд бывает множество планет, это так же естественно, как для кошки иметь котят. Многие из этих планет населены. Некоторые формы жизни разумны, даже очень, в то время как на других этого не наблюдается. Почти во всех случаях доминирующая форма жизни очень отличается от... от вашей.

Клокер почувствовал раздражение, нервно ожидая чего-то конкретного, а не пустой болтовни.

— Вы спросите, почему я говорю «вашей», а не «нашей»? — спросил доктор Хардинг. — Потому что, друзья мои, мистер Кэлхун и я — мы оба — не с вашей планеты, и даже не из Солнечной системы. Не волнуйтесь, пожалуйста! — призвал он, подняв руки, когда толпа недоуменно загудела. — Наши имена вовсе не Кэлхун и не Хардинг. Мы назвали так лишь потому, что наши собственные имена настолько чужеродны для вас, что мы даже не способны воспроизвести их на вашем языке. И выглядим мы совсем не так, как вы нас видите сейчас, в облике обычных людей, кем мы, конечно, не являемся. Наш истинный облик... э-э-э... скажем так, недоступен для человеческих глаз.

ДА ВЫ ЧТО!— без почтения подумал Клокер. Может быть, стоит перейти к делу...

— Я не думаю, что сейчас время для подробных объяснений, — поспешил объявить доктор Хардинг, предвосхищая возможные вопросы. — Мы — обитатели планеты, находящейся в 10 000 световых лет от Земли. Вы можете быть уверены в нашем бескорыстии и дружелюбии. Вы спросите, как мы преодолели такое огромное расстояние? Правда в том, что мы «не здесь». И вы тоже. То, что вы можете назвать словом «здесь», является проекцией мысли, гипотетической точкой в пространстве, местом, которое существует только за счет ментальной силы. И мы, и вы — не более

чем телепатические образы. На самом деле наши тела находятся на наших собственных планетах.

– Все это очень запутанно, – пожаловался человек, похожий на банкира. – Вы хоть понимаете, к чему он клонит?

– Пока нет, – ответил Клокер и добавил, с долей цинизма: – Наверное, хочет всучить нам подарки к Рождеству.

Человек, похожий на банкира, метнул на Клокера презрительный взгляд и отодвинулся. Клокер пожал плечами. Его больше беспокоило странное отсутствие усталости, а еще нежелание стоять и слушать скучную лекцию. Где-то в глубине души ему хотелось все бросить и кинуться на поиски Зельды, чему мешал этот ненужный доклад. Однако владевшие им эмоции были не настолько сильны, чтобы повлиять на его решимость.

Поэтому он продолжал стоять и, постепенно теряя терпение, слушать доктора Хардинга.

– Наша цивилизация значительно старше вашей. В течение многих ваших столетий мы исследовали Вселенную. И физически, и телепатически. Так мы обнаружили вашу планету. Мы пытались установить контакт, но возникли серьезные трудности. Это было во время вашего Средневековья, и я с горечью должен признать, что те люди, с которыми мы вступили в контакт, по большей части были сожжены на кострах инквизиции. – Он с сожалением покачал головой. – Хотя ваша цивилизация с тех пор намного продвинулась вперед, контакт до сих пор все еще затруднен. Ему в равной степени препятствуют ложные знания и невежество. Вы поймете, в какой-то момент, почему это очень печально.

– Вот оно, – сказал Клокер тем, кто стоял рядом. – Он готов, наконец, показать свое жало.

– Побойтесь бога, разве можно говорить так о достойном, приличном джентльмене! – возмутилась женщина в халате.

– Даже слепой бы заметил, что он говорит искренне, – согласился с ней портной. – Подумать только, я участвую в глобальном эксперименте! Вот Молли удивится, когда узнает.

– Она не узнает. Держу пари, что она больше удивлена прямо в эту минуту, – заверил его Клокер.

– Человеческое тело – невероятно сложный организм, – говорил доктор Хардинг. Его голос остановил перебранку, и соседи Клокера вновь повернули к трибуне свои заинтересованные лица. – Мы поняли это, когда попытались взять под контроль отдельных людей для установления контакта. Миллиарды нейронных связей, тысячи разных функций – не будет преувеличением, если я сравню наши усилия с действиями обезьяны, оказавшейся перед пультом электростанции. Под нашим руководством, к примеру, некоторые писатели создали книги, идеи в которых, к сожалению, были сильно искажены. Не более успешными были наши попытки установить контакт с художниками. Частью виной тому были помехи межзвездного пространства, но главная причина неудачи в том, что мы не могли проложить себе путь сквозь лабиринт, которым является разум и тело человека.

ТОЛПА, казалось, прониклась к оратору симпатией. Один Клокер испытывал скуку и томление, скорее желая отправиться на поиски Зельды и чувствуя, что начинает закипать. Почему он должен торчать здесь, как эти болваны?

– Я не хочу вдаваться в длинную историю наших проблем. – Доктор Хардинг улыбнулся. – Если бы мы могли посетить вашу планету лично, не было бы таких трудностей. Но 10 000 световых лет – непреодолимый барьер для всего, кроме мысленных волн, которые распространяются с бесконечной скоростью. И это, как я уже говорил, очень печально, потому что человеческий род обречен.

— Обречен? — в недоумении воскликнул портной. — А как же Молли? Мои дети? Все мои клиенты?

— Ваши клиенты? — взвизгнула женщина в халате. — А как же я? Что должно произойти? Что случится?

Клокер с восхищением отметил подход доктора Хардинга. Подобную линию обычно практиковали политики, но у них не было такой же аудитории, такого контроля над зрителями, поневоле согнанных в выдуманное пространство. Неплохой старт со стороны этих галактических затейников, он принесет им космические дивиденды, независимо от того, чего они добиваются. Но Клокер решил, что это не должно отвлекать его от главной цели — заполучить Зельду.

— Я вижу, вы потрясены, — заметил доктор Хардинг. — Но разве мое заявление действительно так неожиданно для вас? Вы прекрасно знаете историю своей расы — бесконечные непрекращающиеся войны, каждая последующая все страшнее и разрушительнее. А сейчас человечество обладает властью глобального разрушения. Следующая война, безусловно, будет концом не только цивилизации, но человечества в целом, может быть, даже и всей планеты. Мы — мирная и альтруистичная цивилизация, мы могли бы помочь вам предотвратить катастрофу, но это потребовало бы нашей физической высадки на Землю, которая невозможна. Но, даже если бы она была возможна, нам попросту не хватило бы времени. Армагеддон приближается.

— Так почему же мы доставили вас сюда? — после паузы спросил сам себя доктор Хардинг. — Ответ прост. Человечество, несмотря на грубейшие ошибки и промахи, являет собой уникальный пример развития. Оно не должно исчезнуть, не оставив полного отчета о своих достижениях.

В толпе понимающе закивали. Клокер пожалел, что нельзя закурить и за сигареткой-другой обсудить услышан-

ное с Зельдой. До болезни она отличалась трезвостью мыслей и, наверное, могла бы вставить свой комментарий.

– Это и есть задача, над которой нам предстоит вместе работать, – убеждал доктор Хардинг. – У каждого из вас есть умение, талант, специальные знания, в которых мы нуждаемся для составления глобального хранилища информации. Ни одна сфера деятельности человека не должна остаться без внимания. Мы очень нуждаемся в вас. Ваши данные станут частью нетленного вселенского достояния, они будут существовать и в будущем, даже после гибели человечества.

ВИДИМО, сказанное произвело большое впечатление на женщину в халате.

– Они хотят сохранить то, что я могу им рассказать?

– И даже, как шить? – поинтересовался маленький портной с жилеткой, полной иголок, – Даже, как гладить и делать петлицы?

Человек, похожий на банкира, гордо поднял подбородок, на его пухлом лице возникла довольная улыбка.

– Я всегда знал, что в один прекрасный день меня по достоинству оценят, – самодовольно заявил он. – Я могу столько рассказать им о финансах, о чем идиоты в головном офисе даже понятия не имеют.

Мистер Кэлхун поднялся на трибуну и встал рядом с доктором Хардингом. Когда он вновь поднял руки, его низкий голос зазвучал с бесконечной добротой:

– Друзья, мы нуждаемся в вашей помощи, в вашем знании. Я уверен, вы не хотите, чтобы человеческий род исчез без следа, как будто его и не существовало. Я уверен, что вы с глубоким волнением осознаете, насколько важными могут показаться ваши знания тем, кто захочет воспользоваться ими в будущем. Только представьте, что значит оставить

свой личный отпечаток в вечности! – Он сделал паузу и наклонился вперед. – Вы поможете нам?

Лица людей осветились, руки взметнулись вверх, раздались крики согласия.

Восхищенный успехом ораторов, Клокер в то же время наблюдал за людьми, которым весьма польстила эта речь, так что они, исполненные счастья, готовы были безоглядно следовать за своими поводырями, к тем самым зданиям, как оказалось, расположенным, сообразно широте направлений человеческой деятельности.

Его путь лежал к светло-вишневой конструкции с указателем «СПОРТ и РАЗВЛЕЧЕНИЯ», рядом шла женщина в халате. Она неугомонно болтала и, казалось, была недовольна тем, что никто не удосужился раньше пригласить ее на собеседование, но уж теперь она не упустит своего шанса поделиться опытом последних двадцати лет жизни.

Клокер старался не вникать в ее трепотню, он пытался высмотреть здание, где, вероятно, могла находиться Зельда. Заметив указатель «ИСКУССТВА и ДОСУГ», он хотел направиться туда, но почувствовал, что некая сила заставила его держать курс неумолимо к месту своего назначения.

Беспомощно оглядываясь, он вынужден был подчиниться.

ОН попал в небольшое помещение, где его встретил, потечески тепло улыбаясь, мужчина с тонкими седыми волосами и удивительно добрыми глазами, несмотря на решительные скулы. Он представился как Эрик Барнс и, узнав у Клокера имя, возраст, профессию, выдал регистрационный номер, который, как он пояснил, будет значиться в центральном архиве его родной планеты в качестве индекса для мгновенного доступа.

– Теперь, – сказал Барнс, – нам нужно сделать следующее, мистер Локк. Мы готовим два вида бессрочного учета.

Один представляет собой микрозапись. Второй – удивительно точный слепок вашей памяти, на носителе гораздо более вечном, разумеется, чем ваш мозг.

– Согласен, – кивнул Клокер словно китайский болванчик.

– Словесный отчет для записи достаточно сложен, учитывая значительный объем чужеродных для нас понятий. Дублирование вашей интеллектуальной модели, однако, еще более хлопотно. Помимо искажений, неизбежных на расстоянии в 10 000 световых лет, на что могут оказать влияние области тяготения и радиации, само вещество, которое мы используем вместо клеток мозга, поглощает память достаточно медленно. – Барнс улыбнулся, давая понять, что беспокоиться не стоит. – Но зато вы можете быть уверены, что этот однажды сделанный слепок никогда не будет потерян или уничтожен!

– Я рад, – решительно сказал Клокер. – Просто безумно счастлив.

– Я знал, что так и будет. Что ж, давайте приступим. Вспервых, начнем с основного определения скачек.

Клокер объяснил. Барнс велел ему повторить то же самое еще раз.

– Нужно проверить прием и сохранение, – объяснил он.

Клокер повторил предложение еще несколько раз, после чего голос из устроства связи произнес:

– Увеличить мощность. Слабый исходный сигнал. Искажение волн. Исправить и продолжить.

Барнс отрегулировал старательно шкалы, и Клокер начал повторять фразы, добиваясь того темпа, который просил Барнс. Через некоторое время он начал произносить их на автомате, что дало ему возможность немного подумать.

У него не было никакого плана, как заполучить Зельду, это был чистой воды экспромт – попасть сюда. И здесь ему не нравилось. Больше всего его озадачила сама система, в

которой он оказался. Он знал, что не мог всего этого выдумать, поскольку существовали детали, которых не придумаешь даже в самом подробном кошмаре, а в существование духов, использующих научное оборудование, не поверил бы даже Нефтяной Карман.

Все остальные люди, казалось, поверили всему, что говорили эти странные личности, называвшие себя пришельцами. Но не Клокер. Он всегда с сомнением относился ко всему, чего не мог понять. Он не находил объяснения, но тем не менее, ему не требовались никакие доказательства, кроме собственного подозрения к любым, даже самым благородно звучащим начинаниям. Его жизненный опыт подсказывал, что в таких случаях в особенности следует искать подвох.

Не обладая всей информацией, он вынужден был смириться с происходящим, надеясь, что, в конечном счете, отыщет способ спасти Зельду и самого себя. Пока же, монотонно повторяя одно и то же, он задавался вопросом: что в этот момент происходит с ним там, на Земле. Наверное, лежит в кровати, поскольку ему не приходится выполнять физические движения, как Зельде, с ее бесконечными «раз-два-три».

Это заставило его вспомнить о Доке Хокинсе и психиатрах. Вот бы их сюда, мстительно пожелал он: чтобы они теперь сказали о своих теориях?

ЗАТЕМ, очевидно, наступил конец рабочего дня.

– Все замечательно, мы делаем успехи, – сказал ему Барнс. – Я знаю, как это утомительно, повторять одно и то же по многу раз, но расстояние – весьма серьезное препятствие. Я думаю, удивительно даже то, что мы можем преодолевать его. Только представьте – свет, который видят люди в данную минуту, наша звезда излучала, когда по Земле бродили мамонты, а человечество жило в пещерах. И

все же, с нашими ускорителями мысленных волн, мы способны общаться в режиме реального времени.

Обычная лесть, – подумал Клокер, внезапно почувствовав, что ему действительно хотелось бы верить, что он делает что-то важное.

– Но то, что вы делаете, это очень важно, – сказал Барнс, как если бы Клокер произнес свои мысли вслух.

В другой ситуации Клокер обязательно покраснел бы. Сейчас же он испытал тревогу и замешательство.

– Вы представляете масштаб и ценность этого проекта? – продолжал Барнс. – У нас есть самая подробная информация о человеческом обществе, которой не обладает ни один человек! Даже самые незначительные явления вашей цивилизации не остались без внимания. Ваша жизнь, моя жизнь, жизнь Зельды, за которой вы пришли сюда, желая спасти ее, – не настолько ценны, поскольку мы, в конечном счете, все умрем, но проект будет существовать вечно!

Клокер поднялся. Цепким взглядом он с тревогой уставился на Барнса.

– Так вы знаете, для чего я здесь?

– Чтобы добиться возвращения вашей жены. Еще я знаю, что вы добровольно попали под наш контроль. Это указано в вашем досье, которое направили мне из отдела Допусков.

– Тогда почему выпустили меня?

– Потому, мой дорогой друг...

– Я вам вовсе не друг. Я здесь по делу.

Барнс пожал плечами.

– Как хотите. Мыпустили вас, поскольку вы обладаете знанием, которое мы должны включить в наши архивы. Мы надеялись, что вы поймете степень оказанного доверия и масштаб ответственности. То же самое касается и остальных.

– И Зельды тоже?

– О, да, – настойчиво кивнул Барнс, – у меня есть подтверждение из отдела Статистики. Она чрезвычайно отзывчивая и очень убежденная в...

– Хватит! Вам меня не провести!

БАРНС решительно поднялся.

– Хотите поговорить с ней лично и убедиться? Это было бы логично.

Он вышли из здания. Через большую площадь он повел Клокера к крупному, но невысокому строению, которое Барнс назвал Центром Образования и Отдыха.

– Если нет каких-то особых задач, – сказал Барнс, – наши люди-партнеры трудятся по двенадцать или четырнадцать ваших часов, оставшееся время они тратят на себя. Для экстрасенсорной проекции сон не требуется, хотя это не относится к телу на Земле. А что, мистер Локк, как вы думаете, что они выбирают в качестве основного развлечения?

– Автоматы для игры в пинбол? – иронически усмехнулся Клокер. – Азартные игры?

– Лекции, – с гордостью доложил Барнс. – Они хотят узнать как можно больше о нашем проекте. Фактически, мы организовали это по их просьбе! О, это очень впечатляюще, мистер Локк. Цветные трехмерные фильмы, демонстрирующие большую часть наших знаний, миллионы синтетических копий памяти, каждая с запечатленными навечно воспоминаниями о навыках и ремеслах, профессиях и опыте, которого больше не будет...

– Хватит. Найдите мне Зельду, а затем исчезните. Я хочу поговорить с ней наедине.

Оказавшись в Центре, Барнс обратился в окошко, напоминающее что-то вроде театральной кассы. Он объяснил Клокеру, что посетители аудиторий и штатные сотрудники

обязаны отмечаться, перед тем как войти, на случай чрезвычайных ситуаций.

– Что за ситуации? – спросил Клокер.

– Вы слишком недоверчивы, – терпеливо ответил Барнс. – Например, повреждение в цепях нейронов синтетического дубликата мозга. Или, если фотонная буря вносит помехи в прием. Неприятности подобного рода.

– А в чем же чрезвычайность?

– Мы не можем ждать. Мы просим человека-партнера еще раз записать все, или озвучить то, что было потеряно. Никто не отказывается! Разве это не удивительно?

– Это будет лучше любого допроса с пристрастием, – процедил Клокер сквозь зубы. – Полицейские на Земле с радостью приняли бы ваш метод на вооружение.

ОНИ нашли Зельду в небольшом лекционном зале, где пышная женщина с другой планеты убеждала своих слушателей, что делая запись, нельзя ничего скрывать, даже подробностей личного характера.

– Потому что, – сказала она, – необходим полноценный психологический, культурный и социальный портрет.

Увидев Зельду, Клокер ринулся к ней, буквально схватил в охапку, выдернув ее со стула, и, крепко обнимая, расцеловал.

– Малышка! – сказал он, растерявшись от волнения. – Давай поскорее уберемся отсюда!

Она посмотрела на него, нисколько не удивившись.

– О, Клокер, привет. Обожди немного. Я хочу дослушать лекцию.

– Разве ты не рада видеть меня? – с болью спросил он. – Я схожу с ума, месяцы напролет стреляю каждый цент, лишь бы только найти тебя...

– Я тоже рада видеть тебя, милый, – сказала она, пытаясь через его плечо смотреть на докладчика. – Но это так важно...

Подошел Барнс, вежливо поклонился.

– Если вы не возражаете, миссис Зельда, я думаю, вы должны поговорить с вашим мужем.

– Но как же лекция? – обеспокоенно спросила она.

– Я могу позже дать вам копию в записи.

– Ну, хорошо, – с неохотой согласилась Зельда.

Барнс оставил их вдвоем на странно теплой каменной скамье посреди площади, с просьбой сообщить о возвращении на работу в положенное время. Зельда, вместо того, чтобы смотреть на Клокера, наблюдала за удаляющимся Барнсом. Ее глаза как будто источали тепло.

– Разве он не замечателен, Клокер? – спросила она. – Разве они все не прекрасны? Настоящие ученые, каждый из них посвящает этому потрясающему делу всю свою жизнь.

– И что же в этом потрясающего? – он почти прорычал.

Она повернулась, и некоторое время смотрела на него, словно не понимая.

– Они могли позволить Земле просто погибнуть. Могли ничего не делать. И все мы исчезли бы, словно нас, людей, никогда и не существовало. Мы не оставили бы после себя ничего, что имело бы смысл, – как динозавры. Разве это не заставляет тебя ужаснуться?

– Мне все равно. – Взяв ее за руку, он не почувствовал отклика. – О чем я волнуюсь, так это о нас, малышка. Кого волнует весь остальной мир, если этот мир должен исчезнуть?

– Меня волнует. И многих других тоже. Не все так эгоистичны, как некоторые. Не будем говорить, кто.

– Значит, я эгоистичен? Проклятье, а ведь ты права – да, я такой!

ОН притянул Зельду к себе и поцеловал в шею, в ее любимое место. И был раздосадован ее более чем сдержанной реакцией.

– Я эгоистичен, – сказал он, – потому что у меня жена, по которой я схожу с ума, и я хочу ее вернуть. Они оболванили тебя, детка. Разве ты не видишь этого? Ну, хоть сейчас вспомни, как мы с тобой мечтали завести собственное жилье, вспомни хотя бы тот дом, который я нашел на Риверсайд Драйв: семь больших комнат, три ванны, одна даже с душевой кабиной. Все, как ты хотела. Прямо с лужайки перед домом – вид на Гудзон и Джерси.

– Это все в прошлом, милый, – с достоинством, сдержанно ответила она. – Я должна помочь им в этом проекте. Это меньшее из того, что я могу сделать для истории.

– Да к черту историю! Что в ней проку для нас? – Он прикоснулся губами к ее уху и нежно подул, как когда-то, чтобы заставить ее извиваться в его руках от невыносимой щекотки. – Иди, и скажи им, что все кончено, девочка. Скажи им, что у тебя встреча со мной на Земле.

Она вырвалась и вскочила.

– Нет! Их работа – она и моя тоже. А, может, даже и больше. Они не держат здесь никого против его желания. Я остаюсь, Клокер, потому что я этого хочу.

Он рассерженно схватил ее и взял на руки.

– Ты возвращаешься со мной, я сказал! Если не хочешь, заставлю, понятно?

– Как? – спокойно спросила она.

Медленно и, словно обманувшись в своих ожиданиях, он вернул ее на землю.

– Попроси, чтобы они отпустили тебя, малышка. Нефтяной Карман сказал, что поставит для тебя мюзикл. Ты же всегда хотела славы и успеха...

– Больше нет. – Она поправила платье и пригладила волосы. – Что ж, мне пора. Любимый, я хочу дослушать ос-

тавшуюся часть лекции. Увидимся, если ты захочешь остаться.

Он сел и угрюмо наблюдал, как она, грациозно двигая бедрами, направляется к Центру. У нее всегда была соблазнительная походка: профессиональный навык. Однако он заметил другое – Зельду словно подменили, она стала более спокойной и безмятежной.

Клокер нашел ответ на вопрос: что кататоники получали за свою работу. Теперь было ясно – все дело в самой изощренной лести и гипнотическом воздействии. Вот и вся плата.

Но что эти скользкие пришельцы получали взамен?

КЛОКЕР вызвал Барнса, оставив сообщение в окошечке Центра. Тот вскоре явился, покинув лекцию для исследователей со своей планеты. Сейчас на его лице скорее читалось сдержанное любопытство, нежели отеческая доброта. Клокер вкратце, и не скрывая горечи, передал ему разговор с Зельдой, после чего спросил прямо: что они, пришельцы, рассчитывают получить с него.

– Мне кажется, вы и сами в состоянии ответить на это, – сказал Барнс. – Ведь вы тоже в некотором роде ученый. Вы определяете вероятности в забегах, основываясь на наследственности лошадей, результатах их предыдущих состязаний и многих других факторах. Чтобы оперировать такими сложными параметрами, нужны особые способности и мастерство. С той же затратой сил и энергии, разве вы не смогли бы заработать больше в каких-нибудь других областях?

– Я думаю, да, – сказал Клокер. – Но мне нравятся скачки.

– То-то и оно. Единственная форма выгоды, из тех, что приняты у людей, и которую мы разделяем – это стремление к знаниям. Вы используете свое умение, чтобы предсказать результат соревнования, которое вот-вот начнется.

Мы, в свою очередь, посвящаем наши записи этим гонкам, которых вот-вот не станет.

Клокер грубо схватил пришельца за ворот и придвинулся к его лицу.

– Думаете, я попадусь на этот крючок? Оставьте ваши рассказы кому-нибудь другому!

– Я не понимаю, – изумленно воскликнул Барнс.

– Слушайте, предположим, все так и есть. Допустим, вы те самые добродушные парни, которые действительно задумали все это из благих намерений, потому что вбили себе в голову, будто мы собираемся уничтожить сами себя.

– О, да, – мрачно кивнул Барнс. – Вы сомневаетесь в этом? Вы искренне верите, что ваше самоуничтожение можно предотвратить?

– Я уверен, что его можно остановить. Но у меня такое впечатление, что вы этого не хотите. Вы только лишь желаете подстраховаться, собирая отдельных людей, чтобы скоренько получить от них информацию, пока не случилось глобальное кровопролитие.

– А что еще мы можем сделать? Мы ученые, а не политики. Кроме того, мы неоднократно пытались распространить среди вас предупреждения, но нисколько в этом не преуспели.

Клокер ослабил хватку и выпустил Барнса.

– Отведите меня к вашему президенту или специальному уполномоченному, или кто там у вас заправляет этим сборищем. Возможно, мы сможем вместе что-нибудь придумать.

– У нас есть совет директоров, – ответил Барнс. И добавил с сомнением: – Но я не вижу...

– Вот только не надо. Просто отведите меня туда и позвольте мне с ними поговорить.

Вздохнув, Барнс покорно опустил плечи. Он повел Клокера в здание отдела Администрации. Там, в большой ком-

нате со стенами с витражами, за длинным и огромным столом, в тяжелых креслах заседали люди, казавшиеся столь же солидными и почтенными, как сама мебель. Клокеру подумалось, что эти пришельцы будто нарочно имели такой облик, – да еще вся декорация была им под стать, – только для того, чтобы произвести впечатление на клиента. Что-то подобное он встречал в некоторых букмекерских конторах, где умели мастерски жульничать.

МИСТЕР Кэлхун, тот тип с длинной белой бородой, оказался председателем совета. Увидев Клокера, он изобразил сожаление.

– Я опасался, что возникнет проблема, – сказал он. – Я голосовал против вас, и хочу, чтобы вы это знали. Мои коллеги, однако, посчитали, что вы, как наш первый добровольный партнер, могли бы подсказать новые методы, но теперь я вижу, что был прав.

– Но, что, если он знает, как предотвратить их исчезновение... – начал доктор Хардинг, тот, который принимал людей с приветственной речью.

– Он ничего в этом не смыслит, – решительным басом заявил тип с несколькими подбородками. – Человек – самое деструктивное доминантное существо, с каким мы когда-либо сталкивались. Он разграбил собственную планету, уничтожил множество низших видов, крайне важных для его собственного существования. Он угнетает, притесняет, он развращен и жесток – и это самый печальный факт во всей Вселенной.

– Поэтому его достижения, – возразил доктор Хардинг, – заслуживают особого признания!

Клокер не выдержал.

– Может быть, вы бросите трепать языком, и позволите мне вставить хотя бы словечко?

– Простите, – сказал мистер Кэлхун. – Пожалуйста, можете говорить, мистер Локк!

Клокер уперся в стол костяшками пальцев и наклонился к сидящим.

– Я должен верить вам на слово, хоть вы и не люди. И, возможно, вы не поверите мне. Я никогда ни о ком не заботился, кроме себя и Зельды. И тем не менее, я вправе называть себя человеком. Все, что я хочу – это жить и не мешать жить другим, и стараюсь следовать этому правилу. Таких как я, называют обыкновенными людьми. Многие из моих лучших друзей – обыкновенные люди. Задумайтесь об этом. Никто из них не хочет исчезнуть, и даже если это произойдет, в этом не будет нашей вины.

Некоторые из его слушателей сочувственно закивали, соглашаясь.

– Я почти ничего не читаю, кроме спортивных ведомостей, но я знаю, что можно сделать, – продолжал Клокер. – И это неправда, утверждать, что в любой стране все решают деньги. Мы хотели бы остановить войны ради будущего всех нас. Мы, маленькие люди, вынужденные воевать и умирать. Да и среди крупных шишек таких найдется немало. Но мы не можем ничего сделать в одиночку.

– Это лишь подтверждает нашу точку зрения, – сказал Кэлхун.

– Я говорю о тех, кто сейчас на Земле. Люди боятся, но они просто не знают, чем мы можем освободить себя от этой напасти. Но я и другие кататоники, мы могли бы рассказать им об этом. Я заметил, что у вас здесь собрались люди со всех континентов, и все меж собою прекрасно ладят, потому что у них есть чем заняться, и совершенно нет времени, чтобы ненавидеть друг друга. Это может случиться и на Земле. Если вы позволите нам вернуться, то увидите, как все изменится. И того, что было прежде, уже не будет.

Мистер Кэлхун и доктор Хардинг посмотрели друг на друга и перекинулись взглядами с остальными вокруг. Никто не был готов ответить.

Мистер Кэлхун, наконец, вздохнул и отодвинул свое тяжелое кресло, чтобы встать.

— Мистер Локк, пытаясь достичь взаимопонимания между народами, мы экспериментировали точно таким же образом, как вы предлагаете. Мы освобождали многих наших партнеров-людей, чтобы они сообщили о том вероятностном прогнозе, который выдвинула наша наука. К сожалению, барьер человеческой психики оказался сильнее нас.

— Да? — осторожно спросил Клокер. — Что за барьер?

— Защитная амнезия. Они целиком и полностью забыли все, что узнали здесь.

КЛОКЕР ощутил разочарование.

— Да, теперь я понимаю. Я разговаривал с некоторыми из этих «излеченных» — тех людей, от которых вы, вероятно, получили все, что хотели. Они ничего не помнили.

Но он не хотел сдаваться.

— Подумайте, должен быть выход. Возможно, если бы вы схватили всех этих политиков со всех стран и выдернули их сюда, они не смогли бы заставить нас воевать между собой.

— Взгляните на ваше прошлое, — с сожалением произнес доктор Хардинг, — и вы поймете, что мы и это пытались сделать. Не получилось. Всегда находятся другие люди, часто более бездумные, невежественные, глупые и порочные, готовые занять освободившееся место.

Клокер с вызовом обвел взглядом всех присутствующих, прежде чем заявить:

— Какой шанс у меня запомнить все?

— Вы наш первый доброволец, — ответил маленький тип на другой стороне стола. — Тут невозможно ничего утверждать заранее.

- Ну, хотя бы предположительно.
- У нас есть теория, что в отношении вас психологический барьер может не сработать. Конечно, вы понимаете, что это только теория.
- Я надеюсь, это не вся информация. Как ваш метод работает?
- Чтобы установить связь, как это ни прискорбно, нам фактически приходится взламывать человеческий разум. И освобождение из-под нашего контроля приводит к амнезии, которая является психологической защитой от тревожных воспоминаний.
- Я сам пришел сюда, не забывайте, – напомнил Клокер.
- Я не знал, куда отправлялся, но у меня была цель.
- Это еще неучтенный фактор, – возразил маленький человек. – Да, вы действительно подчинились добровольно, и у вас была цель, но готовы ли вы были к этому психологически? Мы не знаем. Мы допускаем, что могут быть какие-то нехарактерные проявления при потере контакта.
- Иными словами, есть шанс, что у меня не будет амнезии?
- Я бы скорее сказал, может не быть. Все-таки нельзя быть уверенным, пока опыт не состоялся.
- Тогда... – сказал Клокер. – Я хочу заключить с вами сделку. Мое требование вы знаете – это Зельда. Вы утверждаете, что копите ваши записи на тот случай, что мы уничтожим себя. Но вы так же говорите, что не хотели бы этого. Я верю вам. Я тоже этого не хочу, тем более что есть шанс, что мы вместе сможем предотвратить трагедию.
- Очень небольшой шанс, – заметил мистер Кэлхун.
- Возможно. Однако, это шанс. Теперь, если вы освободите меня, и я окажусь первым, у кого не будет амнезии, я смогу рассказать об это всему миру. Я мог бы привлечь других людей, ученых и достойных политиков, уговорить их добровольно прийти сюда, чтобы испытать то же, что и я.

Возможно, именно так у Земли появится шанс избежать катастрофы. Но даже если это не сработает, мне эта затея нравится больше, чем слушать радио, ожидая конца.

ДОКТОР Хардинг подышал на свои очки и в задумчивости вытер их; жест, очевидно, навевала роль, потому что он, казалось, прекрасно мог обходиться и без них.

– В этом есть смысл, мистер Локк. Но тогда мы лишимся вашего вклада в наши архивы.

– А что для вас важнее? – ждал ответа Клокер. – Получить мой отчет или использовать шанс на то, что мы спасем сами себя?

– Хотелось бы и то и другое, – сказал мистер Кэлхун. – Но мы не можем особо рассчитывать на ваш успех, в то время как знание мы расцениваем как важный социологический фактор. Поэтому ваше знание для нас очень желательно.

Остальные согласились.

– Послушайте, если ничего не выйдет, я вернусь, – в отчаянии предложил Клокер. – Вы и сами можете забрать меня в любой момент, когда захотите. Но если я добьюсь успеха, тогда вы отпустите Зельду.

– Ну что же, это разумное предложение, – согласился доктор Хардинг. – Я призываю голосовать.

Это не заняло много времени. К радости Клокера, компромиссное решение было принято.

– Мы снимем наш контроль, – сказал мистер Кэлхун, – в необходимое время. Если вы сможете создать соизмеримое противодействие тем настроениям, которые могут привести к самоуничтожению вашей расы –

соизмеримое

, заметьте, чтобы остановить человечество, которое сегодня похоже на леммингов, несущихся без оглядки к пропасти

ти. Если у вас получится, мы освободим вашу жену и полностью пересмотрим нашу политику. Если же вы, что представляется более вероятным...

– Я возвращаюсь сюда и продолжаю диктовать вам все, что знаю о скачках, – закончил за него Клокер. – Сколько времени вы мне дадите?

Доктор Хардинг водрузил свои руки на стол.

– Мы не хотим надеяться на удачу. Мы искренне желаем, чтобы вы осуществили вашу цель, и мы предоставим вам все возможности для этого. Ваша неудача будет неудачей и для нас тоже.

– Вы как будто заранее уверены, что меня прежде времени снимут с заезда? – сердито спросил Клокер. – Это все равно как я бы твердил жокею, что у него нет ни единого шанса и даже нет смысла идти в стойло за лошадью. Любой, кто объявляет себя благодетелем человечества, как вы утверждаете, на вашем месте пожелал бы мне удачи.

– Но мы желаем! – воскликнул мистер Кэлхун. Он искренне и тепло пожал руку Клокера. – Разве мы не согласились освободить вас? Разве это не доказывает нашу честность и беспокойство за вас? Если освобождение всех наших людей-партнеров спасло бы человечество, мы бы давно так и сделали. Но мы пробовали не раз, пытались снова и снова. И если использовать вашу собственную профессиональную терминологию, мы предпочитаем застраховать наши риски, и продолжить составлять наш антропологический отчет, до тех пор, пока вы не покажете нам другой путь... если у вас получится.

– Хорошо, хорошо, – согласился Клокер. – И на том спасибо.

Остальные члены правления по очереди пожали ему руку, желая удачи.

Барнс, будучи последним, сделал то же самое и добавил:

– Вы можете встретиться с вашей женой, перед тем, как отправиться. Если, конечно хотите.

– Хочу ли я? – спросил Клокер. – А для чего же, черт возьми, по-вашему, я здесь нахожусь?

ЗЕЛЬДУ привели к нему, и оставили их двоих в приятной тишине читального зала. Спокойная музыка лилась прямо из сияющих стен, которые давали достаточно света для чтения. Когда Зельда села рядом и позволила Клокеру взять себя за руки, прекрасное лицо ее раскраснелось от волнения.

– Они сказали мне, что ты уезжаешь, Клокер, милый, – она вздохнула.

– Я заключил сделку, детка. Если выгорит – хорошо. Все будет как раньше, даже еще лучше.

– Мне не хочется расставаться с тобой. Это так не просто для меня, – добавила она, заметив надежду в его взгляде. – Я все еще люблю тебя, милый Клокер, но теперь немножко иначе. Раньше мне хотелось, чтобы мы были рядом каждую минуту. Теперь я люблю тебя, но без того ужасного голода чувств. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Просто это их способ воздействия на тебя. Я тоже под их контролем, только я понимаю, что происходит, а ты нет.

– Но этот проект – очень важная затея. Ведь мы останемся в истории! Не уходи, милый. Я чувствовала бы себя намного лучше, если бы знала, что ты рядом, и что ты готов сделать свой вклад, как они просят.

Клокер поцеловал ее в губы. Они были мягкими и теплыми, и ответили ему взаимностью, после чего она обвила руками его шею. Это больше напоминало ту Зельду, по которой он скучал.

– Они заставили тебя грустить, любимая, – сказал он, – Ты на крепком крючке. А я нет. Может быть, превратиться в

сноску в их архиве более важно, чем сделать хоть что-то, чтобы спасти наши души, но я так не думаю. Если я могу это как-то решить, я это сделаю.

– Но что?

– Еще не знаю, – ответил он. – Надеюсь, что пойму, когда они меня освободят.

Она потерлась щекой о его подбородок.

– Милый, я хочу, чтобы ты и я стали сносками. Пусть тебе покажется, что это ужасно плохо, но я хочу.

– Это не то, что по-настоящему имеет значение, детка. Разве ты не понимаешь? У тебя и у всех нас, у человечества, есть возможность не превратиться в архивы дурацкого хранилища. Как только мы найдем решение, всегда можно будет вернуться сюда и сделать свой отчет, если он так много значит для тебя.

– О, да, много значит!

Он встал и притянул ее к себе, чтобы как можно крепче обнять.

– Ты действительно все еще хочешь быть моей женой, малышка?

– Конечно! Только я надеялась, что мы можем остаться здесь.

– Нет, это невозможно. Однако мне достаточно того, что я услышал. Остальное – мелочи.

Клокер поцеловал ее снова, и в шею тоже, почувствовав, как она слегка задрожала от удовольствия, после чего он вернулся в отдел Администрации, где должно было состояться его освобождение.

ПРОБУЖДЕНИЕ оказалось не таким уж сложным – он просто открыл глаза и почувствовал легкий туман в голове и тяжесть, которая быстро исчезала. Клокер увидел, что он лежит в белой палате, а вокруг его кровати стоят доктор, медсестра и санитар.

– Рефлексы в норме, – произнес доктор.

Он обратился к Клокеру.

– Вы видите и слышите нас? Вы понимаете, что я говорю?

– Конечно, – ответил Клокер. – Почему я не должен этого понимать?

– В самом деле, – озадаченно произнес доктор. – Как вы себя чувствуете?

Клокер задумался. Он немного испытывал жажду и от хорошего стейка не отказался бы, но в остальном не чувствовал ни боли, ни беспорядка в организме. Он вспомнил, что не ощущал голода или желания пить в течение долгого времени, и это в свою очередь заставило его вспомнить о том, как он отправился на поиски Зельды через границы реальности.

В его воспоминаниях отсутствовали какие-либо проблемы!

И у него не было защитной амнезии!

– Знаете, на что это похоже? – нетерпеливо воскликнул он, обращаясь к доктору. – Огромная территория, где люди собраны со всех континентов и рассказывают этим пришельцам о своей работе или досуге.

Он нахмурился.

– Я только что вспомнил один забавный факт. Удивительно, что я не замечал его в свое время. Все говорят на одном и том же языке. Возможно, это потому, что наш разум использует единый язык.

Он отмахнулся от этой мысли.

– Те существа, что заправляют всем этим делом, собирают у нас подробнейшую информацию для тех, кто захочет узнать о людях через непостижимое количество лет. Это из-за нас, людей, им придется прикрыть эту лавочку и отправиться восвояси.

Доктор наклонился и пристально посмотрел на него.

– Это то, чему вы верите сейчас, или... пока были в беспамятстве?

Клокеру хотелось выложить все, что он помнил, но он вовремя заставил себя остановиться. Уж слишком внимательно доктор уставился на него. Наверное, стоило пока поостеречься рассказывать свою историю. Требовалось время, чтобы все обдумать. А для этого нужно сначала выбраться из больницы и поменьше болтать.

– Вы шутите? – спросил он, используя ту же усмешку, с которой встречал незадачливых клиентов, когда его предсказания, бывало, не подтверждались. – Разумеется, когда я чуть не выпал из седла.

Он заметил, что доктор, медсестра и санитар несколько расслабились.

– Я ДОЛЖЕН написать книгу, – продолжая улыбаться, заявил Клокер. – Подумать только, какие эксцентричные идеи могут возникнуть в голове! А кстати, как я себя вел?

– Неплохо, – ответил санитар. – Когда я увидел, как вы без умолку разговариваете в комнате вашей жены, я решил, что это заразно и грешным делом решил поискать другую работу. Но доктор сказал, что у меня слишком устойчивая психика, чтобы сойти с ума.

– То есть, я не создал вам никаких проблем?

– Не-а. Все, что вы делали, так это трепались о своих безумных скачках. Я почерпнул довольно много интересного. Черт, да вы просто дока в этих делах, любой бы захотел вас послушать, денежки никому не помешают!

– Я рад, что хоть кому-то оказался полезен, – и Клокер обратился к доктору: – Когда я смогу выйти отсюда?

– Сначала вам нужно будет пройти ряд тестов.

– Ну, так тащите их сюда, – уверенно потребовал Клокер.

Тесты оказались достаточно хитроумными, чтобы из них стало понятно, верит ли он все еще в свои видения. Но, как

только Клокер догадался об этом, пройти их оказалось пустячным делом.

– Ну, что? – спросил он, покончив с вопросами.

– Вы в порядке, – резюмировал доктор. – Только постарайтесь не волноваться так о вашей жене, избегайте переутомлений и побольше отдыхайте...

Перед тем как покинуть больницу, Клокер должен был увидеть Зельду. Ей, очевидно, удалось сделать запись начального этапа обучения, потому что теперь она перешла к балетным движениям, которыми она овладела, должно быть, годам к десяти.

Он поцеловал ее в безразличные губы, зная, что сознание Зельды и душа ее пребывают где-то далеко в пространстве, и она не могла ни чувствовать, ни слышать его. Он ощутил неимоверно глубокую тоску, доброе искреннее желание оказаться с ней рядом – все те эмоции, которые недоступны были людям, находящимся под контролем.

– Я вызволю тебя, моя родная, – сказал он. – Я ведь тебе не говорил, но тот большой дом на Риверсайд Драйв все еще продается. У нас будет время пожить в нем вместе, и мы не станем лишь отдельными сносками в истории. Увидимся... как только я покончу со всем этим.

Идя по коридору, он слышал легкий перестук ее ног в балетках, и этот ритм продолжал стучать в его голове всю дорогу от больницы до города.

КЛОКЕР убедился, что финансовое состояние его было довольно плачевным, к тому же он давно не собирал информацию для своего листка. Да, впрочем, это его не волновало. Были проблемы посущественнее.

Он старательно изучил газеты, прежде чем дать себе время подумать. Новости были скверными, как обычно. Стоило ему закрыть глаза, и он мог представить себя сгорающим в эпицентре ядерного взрыва, видеть города и де-

ревни, исчезающие в ослепительном, все уничтожающем пламени. Насколько он сейчас понимал, Барнс, Хардинг и все остальные работали недостаточно быстро: мир исчезнет прежде, чем они сумеют составить хотя бы половину наменного архива.

Первое, что он должен был сделать – это снова выпустить свой бюллетень. Однако, главное, что ему действительно было необходимо – это написать историю пережитого опыта, все как есть, и отправить в журнал.

Когда он, наконец, начал работу над информационным листком, ему пришлось сократить данные о скачках до нескольких колонок, а остальную часть заполнить прокламациями с воззваниями.

– И вы что, хотите в таком виде отправить это в печать? – спросил наборщик, глядя на копию, которую ему дал Клокер. – Вы уверены?

– Уверен, разумеется, уверен. Готовьте к выпуску и постарайтесь напечатать пораньше. Я удваиваю тираж.

– Удваиваете?

– Именно так.

Когда издание поступило в продажу, Клокер ошивался поблизости от крупных киосков на Бродвее, наблюдая, как его клиенты покупают выпуск и пробегают по нему взглядом, но с таким изумленным видом, как будто все ипподромы в стране сгорели дотла одновременно.

Здесь его и нашел Док Хокинс.

– Клокер, мой мальчик! Ты даже не представляешь, как мы все волновались за тебя. Но я рад видеть, что у тебя все в порядке.

– Спасибо, – рассеянно сказал Клокер. – Мне жаль, что я не могу сказать того же о тебе и обо всем человечестве.

Доктор рассмеялся.

– Нет необходимости беспокоиться за нас. Мы уж как-нибудь, помаленьку.

– Ты так думаешь? Ха!

– Ну, если конец света близок, так давай встретим его в «Синей ленте». Я думаю, наши парни все еще там.

Так и оказалось, и друзья приветствовали Клокера с весельем и выпивкой. Они были весьма тактичны и если намекали на изменения в его издании, то старались высказывать их как можно дипломатичнее.

– Это все равно, что первый блин комом, вот и все, – успокоил его Арнольд Уилсон Уайл. – Пройдет немного времени, и все станет как прежде.

– Я этого не хочу, – раскипятился Клокер. – Вся проблема в том, что это единственный способ заставить людей читать то, что я действительно хочу им сказать.

– Мне пришлось потратить несколько минут, прежде чем я нашел таблицу с лошадьми, – вставил Нефтяной Карман. – Я, значит, смотрю, хочу сделать ставку, а тут вдруг эти лозунги вызывают у меня такое волнение, что я уже не могу сделать верный выбор. Хотел поставить на Индейца... а он, падаль, проиграл. Давай-ка бросай свои штучки, делай газету, как обычно, пускай другие думают про мир во всем мире.

Баттонхол по обыкновению схватил Клокера за лацкан.

– Все верно, старина. Пока всякая падаль в чести, кого заботит, что происходит вокруг?

– Возможно, я выбрал слишком легким путь, – напряженно произнес Клокер. – Я и напечатал-то не все, что хотел, только небольшую часть. А все остальное...

ОНИ молчали, пока он рассказывал, и, ошеломленные, внимательно дослушали его историю до конца.

– И ты докторам это тоже? – спросил Док Хокинс.

– Думаешь, я совсем рехнулся? – вырвалось у Клокера. – Они бы сразу усадили меня в комнату с мягкими стенами.

– Не позволяй этим мыслям одолеть тебя, – сказал Док. – Следует ожидать, что часть галлюцинаций еще сохранится на некоторое время, но постепенно ты избавишься от них. Я верю в твою способность различать выдуманное и реальное.

– Но все это было на самом деле! Если уж вы, парни, не верите мне, то кто поверит? Да ты пойми, ведь только так я могу вернуть Зельду!

– Конечно, конечно, – торопливо сказал Док. – Мы обязательно обсудим это, только в другой раз. Мне правда нужно бежать, я сегодня еще даже не приступал к своей колонке.

– Ну, а что ты скажешь, Ловкач? – с вызовом повернулся Клокер.

Ловкач Сэм, держа одну ногу на столе, с карандашом между пальцами, рассеянно рисовал на бумажной салфетке.

– У всех нас водятся подобные мысли, Клокер. Я во сне вижу себя с руками, и даже когда просыпаюсь, все еще не могу поверить, что их на самом деле нет. Я думаю, Док прав, когда говорит, что ты, рано или поздно, поймешь, где истина, а где вымысел, и это больше не смутит твой разум.

– Хорошо, – произнес Клокер, воинственно уставившись на Нефтяного Кармана. – Значит, и ты тоже считаешь, что моя история – фантазии чокнутого?

– Может быть, это матерые злые духи, может быть, добрые, – флегматично ответил тот. – Индейские духи, хотя... почему бы и не белые.

– Но я же говорю вам – они не духи. Они даже не люди. Они – с других миров, с другого края Вселенной...

Нефтяной Карман покачал головой.

– Индейские духи могут быть весьма хитрыми, Клокер. А если они не духи, то какой в этом здравый смысл?

– Послушай, разве ты не видишь, в каком мы все дерьме? – Клокер повернулся к остальным. – Иначе говоря, если вдруг вы упадете и случайно вывихнете сустав, то ни за что не станете его вправлять? Разве вы не хотите прекратить весь этот бардак?

– С удовольствием, мой мальчик, если бы мы могли, – сказал Док. – Однако что могут сделать отдельные люди или даже группы людей.

– Но, черт возьми, с чего-то же нужно начать? Сначала один, затем двое, и так далее, не успеешь оглянуться, и уже команда, политическая партия, целая страна...

– Другие страны? – спросил Баттонхол. – Ну, допустим, твоей истории поверят в Америке. И что дальше? Как убедить весь остальной мир присоединиться?

– Мы научим их, – в отчаянии объяснил Клокер. – Мы начнем здесь и будем распространять свои идеи повсюду. Не обязательно доносить их до каждого. Мистер Кэлхун сказал, что мне достаточно убедить хотя бы нескольких человек и дать понять им, что все возможно, и после этого я смогу забрать Зельду.

Док встал и обвел всех взглядом.

– Клокер, я полагаю, что говорю от имени каждого. Я заявляю, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь тебе.

– И, значит, расскажете другим людям? – с нетерпением спросил Клокер.

– Ну, это будет довольноно...

– Тогда забудь об этом. Иди и строчи свою колонку. Увидимся, болваны... когда ядерный гриб расплывется над нашими головами!

Он выскочил из-за стола и затопал к выходу, пылая от гнева, даже позабыв оплатить счет, что было совершенно для него нетипично.

КЛОКЕР потерпел фиаско с со своим изданием, настолько ужасное, что затраты на печать даже не окупились: люди отказывались брать его листок. Тогда он изготовил плакаты и нанял людей в качестве ходячей рекламы, чтобы они ходили по городу с лозунгами напоказ. Он и сам выступал с резкими заявлениями на площади Колумба, где вся его аудитория разбежалась, посчитав его за какого-то очередного религиозного фанатика; он выступал на Юнион-Сквер, откуда его прогнали на Уолл-Стрит, а затем на Таймс-Сквер, где полиция требовала от него не мешать движению. Он послушно следовал, туда, куда ему указывали, выкрикивая свои призывы, и вспоминал, как он сам когда-то с насмешливым изумлением слушал тех, кто кричал о близости Судного Дня. Сейчас ему хотелось знать – возможно, они тоже были когда-то кататониками, отпущенными пришельцами. Но, как бы там ни было, никто не обращал серьезного внимания на их призывы, впрочем, как и на его воззвания.

Следующим шагом, по логике, должно было стать обращение с открытыми письмами к главам стран, к ООН, к аудитории виднейших газет. Но только некоторые из его писем были напечатаны. Да и те, в таблоиде Дока, который не придумал ничего лучше, как снабжать их комментариями читателей:

«...С чего этот сопляк решил, что все мы будем уничтожены? Если уж что-нибудь и случится, то только не в Бруклине!...»

«...Когда я была молодой девушкой, приблизительно пятьдесят лет назад, у меня был подобный опыт, как у мистера Локка. Но мое объяснение этому довольно простое: люди, которых я видела, были моими предками. Новооткрытые друзья мистера Локка, я уверена – точно такие же предки. В потустороннем мире все знают и ничего не скрывают, и те духи, с которыми я нахожусь в постоянном обще-

нии, уверяют меня, что человечеству не грозит никакая опасность, кроме зла от воздействия табака и алкоголя и непочтительности молодежи к старшему поколению...»

«...Гнать его в шею! Этому парню одна дорога – в Россию. Он или болван или красный, и то же самое я утверждаю в своей книге. Читайте...»

«...Он не рассказал нам ничего нового. Все мы знаем, кто наш главный враг. Единственный способ защитить нас – это иметь ДВЕ ПУШКИ ПРОТИВ ОДНОЙ...»

«...Этот ваш персонаж, Локк, пытается всучить нам идею, будто все мы должны рехнуться, чтобы спасти мир?..»

Опустошенный и разгромленный, Клокер перебирал скопившуюся почту. Среди вежливо неопределенных заявлений из посольств и ООН, ему попался чек за статью, которую он отправил в журнал. Сумма показалась на удивление приличной.

Часть денег он использовал на объявления по радио, часть потратил на заметки в провинциальных изданиях. Городским жителям, как он убедился, претила навязчивость любых призывов, и ему следовало переключиться на менее привередливую сельскую и провинциальную аудиторию. Тем не менее, ответы на его воззвания тоже не радовали – тамошние жители сходились на том, что будут даже рады, если большие города, включая столицу, постигнет участь уничтожения, отчего всем станет только лучше.

Журнал вышел в тот же самый день, когда Клокер попытался войти в здание ООН, чтобы толкнуть речь. Однако спокойные, уверенные действия охраны вынудили его добровольно отказаться от этого замысла.

Он вернулся, подавленный, в свой отель. И просидел там безвылазно несколько дней, наугад выбирая номера из телефонного справочника, но все отказывались его слушать, будь то офисные работники, домохозяйки или горничные.

Либо ссылались на занятость, либо хозяев не было дома, либо они ждали важных звонков.

И вдруг пришло письмо с теплым приглашением от редактора журнала, который купил его статью.

Окрыленный, впервые с того дня, как его выпустили из лечебницы, Клокер взял такси и поспешил на встречу. Очувтившись в солидном здании, он показал приглашение учтивому и симпатичному администратору, после чего его сопроводили в весьма богатый офис, где в кабинете с огромным столом из красного дерева его встретил улыбающийся человек. Они пожали друг другу руки.

– Мистер Локк, – сказал редактор, – я рад сообщить вам, что ваш рассказ вызвал у нас замечательный отклик читателей.

– Статья, – поправил Клокер.

Редактор улыбнулся.

– Вы пишете их так много, что не можете вспомнить, что вы продали нам? Это было около...

– Я помню, – перебил Клокер. – Но это был не рассказ. Это была статья. Это действительно...

– Хорошо, хорошо. Но первое, чему должен научиться писатель – не относиться к своим идеям слишком серьезно. Это очень опасно, особенно в отношении таких произведений, как ваше.

– Но все это было взаправду!

– Разумеется, особенно в тот момент, когда вы писали об этом.

Редактор достал груду конвертов и через стол придвинул их Клокеру.

– Вот некоторые из писем, которые пришли к нам. Я полагаю, вам должно быть приятно видеть такую реакцию.

Клокер пробежался по ним взглядом, с тревогой осознавая, что в этой куче нет ни одного письма, до автора которо-

го он сумел бы по-настоящему достучаться. Он отложил их и безучастно посмотрел на редактора.

– Вы не понимаете? – спросил редактор и с важным тоном добавил:

– Вы – просто находка.

– Новый Марк Твен или Джонатан Свифт. Юморист.

– Сатирик, – поправил редактор. Он водрузил локти на стол и придвинулся к Клокеру. – Такое количество писем говорит о перспективности вашего таланта. Мы хотели бы обсудить с вами серию рассказов...

– Статей.

– Независимо от того, как вы их называете, мы готовы...

– Вы когда-нибудь пытались бросить все? – внезапно спросил Клокер.

РЕДАКТОР откинулся на спинку кресла, с улыбкой недоумения на лице.

– Нет, – ответил он.

– Вы должны попробовать, хотя бы ненадолго, – Клокер поднялся со стула и направился к двери. – Это именно то, о чем я хотел сказать в своей статье. Мы должны пойти в лечебницы и попытаться добровольно войти в тот мир, чтобы пришельцы могли показать нам, к чему мы катимся.

– Вы думаете, что от этого станет лучше?

– Почему бы и нет? – спросил Клокер, открывая дверь. – Ну, а насчет серии...

– У меня есть ваш адрес, и я дам вам знать, как только мы все решим. Я позвоню вам.

Клокер закрыл за собой дверь, покинул солидное здание и вызвал такси. Всю долгую поездку он смотрел на жалкие островки зелени между домами, на скучно однообразные кварталы пригородов, редкие лужайки и куски леса, которым пока еще дозволено было жить.

Он доехал до Глендейльского Медицинского Центра, расплатился с водителем и, войдя в здание, подошел к окошку регистратуры. Медсестра встретила его с улыбкой.

– А мы все интересовались, когда же вы навестите свою жену? – сказала она. – Куда-то уезжали?

– Что-то вроде того, – ответил он, ощутив, насколько слабы его эмоции по сравнению с тем, когда он находился под контролем пришельцев. – С этого момента я буду видеться с ней чаще. Я хочу вернуться в свою палату.

– Но ведь вы совершенно здоровы!

– Это как посмотреть. Дайте мне десять минут, и любой мозгоправ будет рад выделить для меня уютную мягкую комнату.

Сунув руки в карманы, Клокер направился к лифту, поднялся наверх и направился по коридору в свою палату. Он прошел мимо комнаты Зельды, но даже не остановился. Он хотел видеть настоящую Зельду, а не танцующий автомат.

Он вошел и закрыл дверь.

– ДА, вы были правы, а я нет, – сказал Клокер совету директоров. – Передайте Барнсу, что я поведаю ему оставшуюся часть информации о скачках. Только позвольте мне время от времени видеться с Зельдой, и у вас не будет со мной никаких проблем.

– Значит, вы убеждены, что потерпели неудачу? – спросил мистер Кэлхун.

– Я не тупой. Я знаю, что проиграл. И я готов платить по счетам.

Мистер Кэлхун расправил плечи.

– И мы тоже, мистер Локк. Естественно, у вас нет возможности понять, сумели вы добиться чего-либо или нет. Но мы это знаем. Результат превзошел все ожидания. Из-за вашего эксперимента мы с удовольствием пересмотрим нашу политику.

– Что? – Клокер изумленно озирался, глядя на пришельцев, сидевших в своих удобных креслах. – Вы не шутите?

– В больницах значительно выросли посещения катато-ников, – объяснил доктор Хардинг. – Когда посетители приходят к нашим людям-партнерам, они следуют тем указаниям, которые вы дали в своей статье. Конечно, не всем это удастся, а только тем, кто действительно соперечивает своим близким, настолько сильно, что желают оказаться с ними рядом, как вы захотели быть вместе с женой.

– Мы приняли четырех добровольцев, – добавил мистер Кэлхун.

Клокер будто онемел от удивления, и даже не знал, что сказать.

– И теперь, – продолжал доктор Хардинг, – мы создаем отдел Информации, чтобы научить добровольцев тому опыту, который был получен в общении с вами. Мы уверены, что в скором времени нам придется увеличить штат сотрудников, поскольку число людей-партнеров будет увеличиваться в геометрической прогрессии, после того, как состоится первый выпуск, и они продолжат ту работу, которую вы так превосходно начали.

– Так, значит, у меня все-таки получилось? – недоверчиво прохрипел Клокер.

– Возможно, это убедит вас, – улыбнулся мистер Кэлхун.

Он дал кому-то знак. Дверь открылась, и вошла Зельда.

– Привет, – сказала она Клокеру. – Я очень рада, что ты вернулся. Я так скучала по тебе.

– Не так, как я скучал, родная! Не дай бог кому-нибудь пережить.

Мистер Кэлхун положил руки на их плечи.

– В любое время, когда захотите, мистер Локк, вы и ваша жена, вольны уйти.

Клокер взял Зельду за руки и нежно, с уверенностью посмотрел на нее.

– Мы в долгу перед ними, детка, – сказал он. – Давай поможем им записать наши знания, прежде чем уйдем отсюда. Ведь это то, чего ты хочешь?

– О, да, любимый! И еще я хочу быть с тобой.

– Тогда начнем прямо сейчас, – ответил он. – Чем быстрее мы это сделаем, тем скорее вернемся.

СТАРИКИ УМИРАЮТ БОГАТЫМИ

– ЭТО ОПЯТЬ вы, Уэлдон. – Судебный медик устало вздохнул.

Я вежливо кивнул и в предвкушении удачи обвел взглядом захудалую комнатку. Возможно, на сей раз, я получу ответ. Схожее чувство всегда посещало меня в таких местах: вот и сейчас я буквально ощущал безысходное отчаяние старости, запертой в комнате с единственным шатким стулом, покосившимся комодом, свисающей с потолка тусклой лампой и металлической кроватью с облупившейся краской.

На кровати лежала женщина, старуха с седыми волосами, настолько тонкими, что сквозь них просвечивала кожа, туго обтягивающая череп. Ее изможденная плоть высохла до такой степени, что была похожа на складчатый пергамент. Судмедэксперт обращался с умершей без почтения, как будто с куском говядины, на который он должен поставить федеральный штамп качества. При этом он не переставал ворчать на меня и на сержанта Лу Пэйпа.

– Когда вы прекратите таскать за собой Уэлдона, сержант? – с раздражением бросил эксперт. – Черт бы побрал этого актеришку с его болезненным любопытством!

Впервые Лу резко выступил в мою защиту:

– Мистер Уэлдон – мой друг! Я, между прочим, тоже был актером до того, как стал полицейским. К тому же, он – последователь Станиславского.

– Красный, что ли? – спросил стоявший в дверях патрульный коп, который только что вызвал труповозку.

Я позволил Лу Пейпу вместо меня объяснить смысл системы Станиславского, а сам устроился на стуле и попытался применить ее на практике.

Станиславский был великим дореволюционным русским режиссером, идея его состояла в том, что актеры должны думать и чувствовать, как их персонажи, словно они на деле были ими, – только тогда это выйдет правдоподобно. По Станиславскому, необходимо знать о персонаже все, что предшествовало его появлению на сцене: где и когда он родился; его отношения с родителями; образование, детство, юность, зрелость; отношения к мужчинам и женщинам, сексу, деньгам, успеху; случались ли некие неординарные события. Сама же игра – всего лишь развитие истории жизни, воссозданной актером.

Причем же здесь умершая старуха, спросите вы? Ну, я имел счастье оплешиветь к 25 годам, и с тех пор играл только стариков. Они выходили у меня очень правдоподобно. Я отлично умел изображать шаркающую походку, сутулиться, говорить высоким надтреснутым голосом, но особенно важно мне было знать, что у стариков происходит в душе – именно поэтому я уговорил Лу Пейпа во всех случаях, подобных этому, звать меня, чтобы я мог прочувствовать старческую немощь. Мне нужно было понять этих стариков – понять, что же заставляло их так поступать с собой.

Пережить причину, приведшую их к такому концу.

Например, у этой старухи на пяти банковских счетах лежало 32 000 долларов... и она умерла от голода.

О таких случаях можно узнать из новостей, их бывает не меньше дюжины в год, и вы, возможно, даже задавались вопросом, кем были они, эти старики и почему так кончили. Но прочтя заметку, через некоторое время вы благополучно о ней забывали. Мой же интерес был профессиональным: я играю стариков на сцене, а, следовательно, должен знать о них все, что только возможно.

Galaxy

SCIENCE FICTION

MARCH 1953

35¢

ANC

THE OLD DIE RICH by H. L. GOLD

Во всяком случае, именно так было вначале. Но чем больше я занимался этими случаями, тем меньше смысла видел в них, пока, в итоге, моя задумка не превратилась в навязчивую идею.

Представьте себе стариков, у которых находят по несколько десятков тысяч долларов на банковских счетах, припрятанных в нижнем белье, зашитых в матрацах, и, все же они мрут себя голодом до смерти. Если бы я сумел понять их, я мог бы написать пьесу или сценарий, и сделал бы на этом имя, возможно, даже заключил бы выгодный контракт в Голливуде – если бы знал, что двигало этими стариками.

Вот почему я сидел в этой комнате на осиротевшем стуле, пытаюсь воссоздать образ старухи, которая умерла, вместо того, чтобы потратить на еду хотя бы один единственный цент из ее тридцати двух тысяч долларов.

НЕДОЕДАНИЕ, вызванное старческим слабоумием, – так назвал причину смерти эксперт, заполняя свидетельство.

– И никакой в этом нет тайны, Уэлдон, – сказал он, повернувшись ко мне. – Они голодают потому, что раскупо- рить свою кубышку боятся больше, чем смерти.

Я представил себя слабеющим от голода, и понял, что не смог бы отказаться от еды, каких бы денег она ни стоила. Мне даже стало не по себе.

– Вы мне это постоянно твердите, – ответил я, выйдя из образа.

– И все еще надеюсь убедить, чтобы больше с вами не встречаться. Каковы мои шансы, Уэлдон?

– Только если я поверю в то, что вы правы. Пока я так не считаю.

Презрительно пожав плечами, судмедэксперт велел патрульному копу и вызванной бригаде уносить тело старухи. С ними он и уехал на труповозке, даже не попрощавшись с нами. Впрочем, он никогда этого не делал.

Меня несколько не заботило стандартное медицинское заключение. Проникнуть внутрь характера было более важно. Этому могла помочь обстановка: она казалась угнетающей, и заключала в себе чувство безысходного отчаяния и бессмысленности смерти.

Пока я был занят собой, Лу Пейп терпеливо ждал, наблюдая за улицей сквозь грязные стекла.

Вообразив, что мои суставы лет на тридцать старше меня, что они стерты и болят, одновременно я старался представить себя человеком, разрывающимся между голодом и нежеланием потратить хоть немного денег.

Я работал без малого полчаса, с максимально глубокой концентрацией, какая только возможна в системе Станиславского. В итоге я сдался.

— Эксперт неправ, Лу, — вздохнул я. — Все-таки здесь что-то не так.

Лу отвернулся от окна. Все это время он стоял неподвижно, даже не кашлянул и ничем не скрипнул, чтобы не помешать мне.

— Он лучше знает, Марк.

— Но он не знает стариков!

— Что ты хочешь понять? — поинтересовался он с готовностью помочь мне найти решение. Когда-то он сам изучал Станиславского, и до сих пор бы играл на сцене, если бы не шаткость положения, заставившая его уйти в полицию. — Разве старым маразматикам деньги не могут казаться более важными, чем еда?

— Могут, — согласился я. — В какой-то степени. Если это недоедание. Но настоящая голодная смерть — едва ли.

— Почему нет?

– Вы с экспертом, что, всерьез считаете, будто это так легко – отказаться от еды? Ты не сравнивай, одно дело покупать дешевый черствый хлеб, кости для супа по пять центов за фунт, или старые овощи, от которых зеленщик только рад будет избавиться. Любой, кого это устроит, без забот проживет до следующего дня. Но, Лу, голод – это дьявольски мощный инстинкт! Я могу понять нежелание потратить даже несколько центов. Но я не могу понять, как можно совсем отказаться от еды.

Лу достал сигарету: он не закурил до сих пор, чтобы не отвлекать меня.

– Возможно, они ослабевают настолько, что уже не в состоянии выбраться из дома даже за старым хлебом, костями и увядшей зеленью?

– Это не объяснение.

Я поднялся с шаткого стула, мои кости и вправду затекли от долгого сидения в одной позе.

– Ты знаешь, сколько может прожить человек, прежде чем умрет от голода? – спросил я.

– Ну, это зависит от возраста, здоровья, образа жизни...

– Да ну тебя! – сказал я. – Потребуются недели!

– Ну, недели, так недели. В чем проблема-то? Если она есть.

Я тоже закурил – трубку, которую предпочитал теперь сигаретам: старики в основном дымят трубками, хотя, возможно, в следующем поколении будет иначе. Тех, кто курит сигареты, сегодня большинство, и они придерживались бы прежней традиции, если бы доктора не твердили, что это вредит здоровью.

– Лу, ты когда-нибудь пробовал голодать неделями? – спросил я.

– Нет, конечно. А ты?

– В некотором роде. Всякий раз, когда ты брал меня с собой, я пытался примерить ситуацию на себя. Ну, вот пред-

ставь, тебя лишили тысяч долларов, и ты умираешь от голода. Допустим, тебе и в голову не приходит стиснуть что-нибудь в продуктовой лавке, выпить-закусить за чужой счет или съесть миску супа, не заплатив. Представь, что ты лежишь в своей комнате и медленно подышаешь от голода.

Лу вынул окурок изо рта и задумчиво стряхнул пепел. Острый мрачный взгляд говорил о том, что своим вопросом я поставил его в тупик. Он так и не нашел, что ответить.

– А ведь есть благотворительность, – продолжал я. – для тех, у кого нет никаких возможностей обеспечить себя. Если не платят пенсию, можно просить милостыню, покланчить у соседей.

– Но мы ведь знаем, что все эти люди – отшельники, – сказал он. – Они ни с кем не общались.

– Даже когда начинали реально голодать?

– Все это так, Марк, но ты неправильно рассуждаешь, – сказал он задумчиво. – Дело в том, что им и не нужно вступать ни с кем в контакт: ведь другие люди помнят о них. Кто-то зашел бы проверить хотя бы раз в неделю – управляющий, домовладелец, соседи.

– Твоими словами, их нашли бы прежде, чем они умерли?

– Ну, да, выходит так, – согласился он с неохотой. – Хм, ни у кого из них не было друзей, а родственники, как правило, такие дальние, что едва знают этих стариков, и понятия не имеют, живы они или нет. Возможно, именно это и сбивает нас с толку? Даже друзья и родственники не сразу бросятся на поиски, если человек пропал на некоторое время.

Он поднял взгляд и посмотрел на меня.

– Но что это доказывает, Марк?

– То, что во всех этих случаях что-то не чисто. И я хочу выяснить, что именно.

Я ЗАСТАВИЛ его отвезти меня в департамент, где Лу позволил мне взглянуть на банковские книжки умершей старухи.

— А она чертовски хорошо заботилась о них, — заметил я.
— Они выглядят почти новыми.

— Разве ты не трясся бы над самыми важными для тебя вещами? — спросил Лу. — Ты же помнишь, какие приличные суммы у них оставались. И у этой тоже.

Я пристально вгляделся в дату последнего прихода. 23 апреля 1907 года, сто пятьдесят долларов. Я не верил своим глазам — чернила одного со мной возраста. А ведь даже не выцвели. Я сказал об этом Лу.

— Вероятно, нечасто ее открывали, — ответил он. — К тому же, я полагаю, они не таскали с собой постоянно банковские книжки или деньги.

— И какой из этого вывод? Я соглашусь, что они могли быть психически неуравновешенными по жизни... но вряд ли они страдали от малярии.

— Они были скрягами, Марк. Вот мой вывод.

— Забавно, — сказал я, наблюдая за тем, как он курит. Лу словно хотел до конца насладиться каждой затяжкой, втягивая дым и выпуская его облаками разных форм, от колец до тоненьких струек. Он мог бы сниматься в рекламе сигарет на телевидении. — Вижу, тебе самому не дают покоя эти истории, Лу.

Он на секунду удивился, затем осторожно раздавил окурок и уставился на меня.

— Да? С чего ты взял?

— Тебя бы тоже пугала вероятность нищеты. Ты же понимаешь — все неплохо, пока есть хотя бы какая-то паршивая работа. Но стоит ее лишиться, и ты сначала будешь экономить на всем, затем придется отказаться от еды и, наконец, закончить жизнь от голода в дешевой комнатухе.

— Я? Я никогда не побоялся бы все потерять!

– Даже в возрасте семидесяти или восьмидесяти лет?

– Особенно в таком! Я бы предпочел распрощаться со свободой и заранее бы побеспокоился о местечке в доме для престарелых.

Мне хотелось усмехнуться, но я этого не сделал. Он подтвердил мою догадку. Лу не меньше моего заботили все эти случаи со стариками.

– Скажи, Лу. Если бы кто-то ухаживал за тобой, не позволяя умереть, как бы ты отблагодарил его, если бы страдал от старческого слабоумия?

Чувствуя, как он ищет решение, я догадался, что он прибегнул к помощи системы Станиславского.

Лу покачал головой:

– Только по завещанию. Иначе никак.

– Это можно считать мотивом?

ОН прислонился к металлическому шкафу для документов.

– Брось, Марк. Если хочешь знать, у нас уходит чертова уйма времени, чтобы отыскать их родственников и передать им деньги, потому что эти старики не оставляют завещаний. Иногда родственники находятся, но и те весьма удивляются, когда узнают, что им досталось наследство от какого-то старика «седьмая вода на киселе», которого они даже не помнят. А все другие так и невостребованные состояния в конечном итоге отходят государству.

– Ну, это было всего лишь предположение.

Я открыл самую старую банковскую книжку.

– Лу, а кто-нибудь проверял чернила на подлинность?

– Зачем? Мы проверяли банковские записи. Они настоящие, если это то, на что ты намекаешь.

– Я еще не знаю, на что я намекаю, – заметил я. – Но я хотел бы провести независимую экспертизу, это не займет много времени.

– Слушай, Марк! Я готов многое сделать для тебя, но это уже перебор...

Я позволил ему объяснить, почему он не может позволить мне взять книжку, а затем ждал, пока Лу, скрепя сердце, решит, где и как можно провести экспертизу. Все еще ворча, он помог мне выбрать химика из телефонного справочника и сопроводил меня в лабораторию.

– Не думай, ничего личного, – сказал он по дороге. – Дело касается интересов штата, к тому же я расписался за нее и несу ответственность!

– Конечно, конечно, – сказал я, успокаивая его. – Если тебе не интересно, ты можешь даже подождать снаружи.

Он одарил меня одной из тех белозубых улыбок, обычно имеющих успех в женской аудитории.

– Не дожدهшься, я хочу посмотреть, как ты сядешь в лужу.

Я передал банковскую книжку химику, и мы стали ждать отчета. Когда он был готов, все стало еще более запутанным.

ЧЕРНИЛА оказались аналогичными тем, что использовались полвека назад. Услышав это, Лу Пейп ткнул меня в ребра. Но когда химик сказал, что согласно степени окисления, запись кажется относительно свежей, в пределах от нескольких месяцев до нескольких лет, Лу получил от меня свой тычок обратно. Он не хотел сдаваться и спросил, не мог ли это быть результат необычно заботливого хранения? Химик заметил, что забота заботе рознь: возможно, такой результат можно было бы получить в воздухонепроницаемой камере, наполненной инертным газом, или вовсе в ва-

кууме. Но, поскольку документы таким способом не хранились, Лу был основательно сбит с толку, и я это чувствовал.

Он забрал книжку, и мы вышли на улицу.

– Теперь ты понял, что я имел в виду? – спокойно спросил я, не собираясь давить на него.

– Да, здесь что-то есть, только я не могу понять, что. А ты?

– К сожалению, тоже. В этом не больше смысла, чем во всех подобных случаях вместе взятых.

– И что ты намерен делать дальше?

– Чтоб мне провалиться, если я знаю. В городе тысячи стариков. Единицы из них выбирают такой конец. Но я должен попытаться найти их прежде, чем они это сделают.

– Даже если так, никто о них не знает, Марк, и нет никакой возможности отличить их от остальных, кто оказался без средств.

– Трудный случай, да? – сказал я, раздраженно набивая трубку. – Жаль, я не любитель решать серьезные задачи. Терпеть их не могу.

Лу должен был вернуться к своему дежурству. Мне же некуда было спешить, и нечем заняться, за исключением попытки все-таки распутать образовавшийся клубок. Лу направился в департамент, а я пошел в парк, где долго сидел, греясь на скупом солнышке и пытаюсь вообразить себя полоумным стариком, который скорее умрет от голода, чем потратится на еду.

Естественно, я ни к чему не пришел. Существует множество способов предотвратить голодную смерть, и столько же шансов, чтобы тебя нашли до того, как станет поздно.

И все же эти свежие чернила полувековой давности...

Я СТАЛ завсегдатаем банков, надеясь, что замечу кого-нибудь со старой депозитной книжкой, в которой окажется запись со свежими чернилами. Лу оказал мне помощь: он

убедил охранников и кассиров, что я вовсе не гангстер, подыскивающий местечко для ограбления, и даже поручил кассирам обращать особое внимание на необычно темные чернила в старых документах.

Я потратил на это целый месяц, несмотря на то, что было несколько предложений, от которых пришлось отказаться, и одна радио и две телепостановки, которые могли бы поддерживать меня материально. Но я был даже рад, что не получил эти роли, они помешали бы моей затее.

Так, на исходе месяца, однажды ночью я возвращался в свои две комнаты в театральной гостинице, уставший и раздраженный очередной неудачей, и вдруг увидел, что меня поджидает Лу. Я думал, он опять начнет капать мне на мозги и отговаривать; он делал это постоянно в течение этих недель, всякий раз, когда мы встречались. Сейчас же у меня не было сил, чтобы спорить. Но Лу вел себя сдержанно, как подобает копу, хотя я чувствовал, что он буквально жаждет силком затаскать меня в свой автомобиль, чтобы я отправился с ним.

— Весь день тебя ищу, Марк! Мы нашли одного старика доходягу, он в бессознательном состоянии, очень сильно истощен. В подкладке его пиджака мы обнаружили семнадцать тысяч долларов наличными!

— Он жив? — потрясенный спросил я, всю усталость как рукой сняло.

— Едва-едва. Ему делают внутривенные инъекции, чтобы вытащить с того света. Но сомневаюсь, что он выкарабкается.

— Ради Бога, едем туда, пока он не скончался!

В считанные минуты мы домчались до городской больницы и поднялись в палату. Там на кровати я увидел худого старика, его казавшаяся бумажной кожа едва обтягивала череп и тело, он походил на живой скелет из представлений в канун Дня всех святых, и дрожал, как будто ему было хо-

лодно. Я подозревал, что виной тому не холод. Санитары ввели ему сердечный стимулятор, вот старика и потрясывало, как старую колымагу на гравийной дороге.

– Кто вы? – я фактически кричал, схватив его тощую руку. – Что с вами случилось?

С закрытыми глазами и открытым ртом, он продолжал дрожать.

– А, черт! – с недовольством воскликнул я. – Он в коме!

– Он может заговорить, – сказал Лу. – Я все устроил так, что тебе разрешат остаться здесь и ждать, когда это произойдет.

– То есть я смогу услышать его безумный бред, ты это имеешь в виду?

Лу взял стул и поставил рядом с кроватью.

– Чего ты дергаешься? Он первый живой, которого ты видишь. Ты же об этом мечтал! – он был раздражен не хуже любого режиссера. – Может быть, из его бреда тебе удастся выудить такие факты биографии, какие ты никогда не получил бы от него в сознании!

ОН, конечно, был прав. Старик мог поведать мне не только факты своей жизни, но и какие-то желания, сокровенные мечты, обиды, которые сидят глубоко внутри. Разумеется, в тот момент я и не думал о последствиях. Я был рядом с тем, кто мог рассказать мне все, что я хотел знать... только он не мог говорить.

Лу направился к двери.

– Удачи! – сказал он и вышел.

Я сел, уставившись на старика, отчаянно желая, чтобы он заговорил. Вероятно, каждому знакомо это чувство. Вы думаете о чем-то непрерывно, становитесь все более напряженным: «Говори, черт бы тебя подрал, говори!» – пока не замечаете, что каждый мускул в вашем теле – кулак, и ваши челюсти ноют от боли, потому что вы со всей силы стиснули

зубы. Быть может, я преувеличиваю, но время от времени мне казалось, что все выглядело именно так.

Старик, вроде, начал приходить в себя. Он открыл глаза и поводил ими, не замечая чего-либо конкретного, как будто все еще пребывал где-то далеко-далеко, и видел то, чего никто, кроме него, не мог видеть.

Я наклонился вперед, придя в еще большее нетерпение. Но старик молчал. Он смотрел сквозь меня куда-то в потолок. Когда он снова закрыл глаза, я резко отпрянул, испытывая жесточайшее разочарование. И вдруг он заговорил.

Он говорил о нескольких женщинах, хотя, допускаю, что это могли быть девочки из его детства, которые доставляли ему много проблем. Про любимый игрушечный поезд и гоночный автомобиль. Говорил про тесты, которые должен был пройти, чтобы его не уволили, после чего снова возвращался к обожаемым игрушкам. Он рассказывал, что ненавидел своего отца и мать, слишком занятых церковной благотворительностью, чтобы обращать внимание на сына. Была у него сестра, она умерла, когда он был ребенком. Отчасти он даже радовался, что она умерла, и надеялся, что хоть теперь мать заметит его, но в то же время его захлестывало чувство вины за то, что он рад горю. И снова он перепрыгивал на разговор о своей работе, с которой его кто-то хотел прогнать.

Внутривенное питание по каплям стекало в его вену. Речь становилась все более бессвязной. Прошло десять или пятнадцать минут, и он уснул. Я почувствовал себя настолько разочарованным, что готов был разбудить его силой, если бы это дало результат. Закурив, я мог бы расслабиться, но это было запрещено, а выйти из палаты я не смел, опасаясь, что именно в этот момент он снова придет в себя.

– РАЗОРЕН! – внезапно завопил старик, порываясь сесть.

Я мягко прижал его, но он продолжал надрываться:

– Старый, нищий, некуда податься, я никому не нужен, не могу зарабатывать на жизнь, читаю объявления каждый день, нет никакой работы для стариков!..

Он бормотал о неделях, месяцах, годах – я даже не знаю – страха и отчаяния. И наконец, он вспомнил о чем-то, что заставило его лицо расплыться в улыбке счастья.

– Объявление... Опыт не требуется. Высокая зарплата...

Его лицо вдруг потемнело и скривилось от ужаса. К своему бреду он еще добавил: «– Эль Греко!» – или что-то вроде того, и вдруг начал задыхаться.

Я позвал медсестру, та побежала за доктором. Я в ужасе смотрел, как старик то резко вдыхал полной грудью, как рыба, хватая воздух ртом, то его дыхание замирало вовсе. Мне не хотелось на это смотреть, но я надеялся, что он еще хоть что-нибудь скажет.

Этого не случилось. Его затуманенные глаза закатились, спазмы дыхания прекратились. Медсестра вернулась с доктором. Тот прощупал пульс и покачал головой. Медсестра закрыла простыней лицо старика.

Я вышел из палаты, чувствуя себя опустошенным, и понимая, что не почерпнул ничего нового для себя: все как обычно – ненависть и любовь, страх и крушение надежд. Он упомянул про объявление, но я не мог знать, было оно подано недавно, или несколько лет назад. Еще это имя, которое звучало как «Эль Греко». Был такой испанский живописец четыреста лет назад. Может, старик вспомнил его картину, которую где-то видел?

Если он говорил о настоящем времени, то объявление, наверное, дало ему возможность поправить дела. Но что с этими 17 000 долларов, которые нашлись под подкладкой? Старик ни словом не обмолвился о них. Разумеется, если он

не выжил из ума, то не мог считать себя бедным с такой суммой. Но, как видно, считал.

Все это никак не складывалось меж собой. Его ужас был в том, что он старик и, к тому же, безработный. Но если бы у него были деньги, он, так или иначе, нашел бы им применение.

Итак, объявление, давшее надежду, и этот непонятный Эль Греко. Может быть, греческий ресторан, возле которого он попрошайничал?

Но как сюда вписываются 17 000 баксов?

Лу Пейпа уже воротило от моих вопросов, и он не желал ничего обсуждать. Только устало посмотрел на меня и сказал:

– Да не вникай ты во все это, Марк. Старик говорил в лихорадке. Как можно доверять каким-то цифрам, если имеешь дело с безумием или бредом?

– Но ты признаешь, что во всех этих случаях много непонятного?

– Конечно. Точно так же как непонятен мир вокруг нас. Почему эти старики должны быть каким-то исключением?

Я не мог его винить. Он брал меня на расследования из одолжения, доставляя кучу проблем самому себе. Теперь он был сыт по горло. Вдобавок он, должно быть, считал, что я гублю самого себя, вместо того, чтобы решать свои финансовые проблемы или, что еще хуже, пытаюсь таким образом убежать от действительности. Он сказал, что будет рад видеть меня в любое время и окажет любую помощь, если она мне понадобится, но только не с этими историями. Перед тем как уйти, Лу посоветовал мне выбросить их из головы.

На самом деле, я и сам не знал, чем он мог бы мне помочь. Я больше не нуждался в нем, поскольку решил заняться объявлениями и просматривал их каждый день, полагая, что найду какую-нибудь связь со сказанным в бреде. Я потратил больше времени, чем мне хотелось, выбирая

только сообщения, подходящие для стариков, лишь бы найти нужный след.

Одно из объявлений привело меня в старый, построенный из песчаника пятиэтажный дом в районе восточных 80-х улиц. Здесь оказалось много посетителей, мужчин и женщин, все престарелые, все остро нуждались в деньгах и ждали своей очереди. Мое лицо было испещрено морщинами, нанесенными с помощью грима, одет я был в поношенный летний костюм, на ногах – старые туфли. Я выглядел ни лучше, ни хуже остальных.

Наконец, я подошел к женщине, проводившей собеседование. Она сидела за простым офисным столом в дальнем помещении первого этажа, за стопками заявлений, лежавших перед ней, и с шариковой ручкой в решительной тонкой руке. Свет играл золотом в ее рыжих волосах, радужки ее глаз были настолько бледно-голубыми, что если бы она играла на сцене, они сливались бы цветом с белками глаз. Ее можно было бы назвать красивой, но все портило выражение суровой решимости на лице. Она резко улыбнулась, точно так же резко отключила улыбку, осмотрев меня с беспристрастностью рентгеновского аппарата, от туфель до лысины, точно так же, как смотрела на остальных. Но что за кожа была у нее! Если она так же прекрасна по всему ее телу, тонкому, с гордой осанкой и ладными формами, ей не было бы отбоя от предложений на сцене!

– Имя, адрес, предыдущие должности, номер социального страхования? – спрашивала она четким глубоким голосом с великолепной дикцией. Она записывала все то время, пока я рассказывал о себе. Затем спросила, кто мог бы за меня поручиться, и я упомянул сержанта Лу Пейпа.

– Прекрасно, – сказала она. – Мы найдем вас, если посчитаем нужным. Не звоните нам, с вами свяжутся.

Я околачивался рядом, чтобы узнать, возьмут ли кого-нибудь. Остался только один, старик, стоявший за два чело- века передо мной, у него не было ни номера социального страхования, ни рекомендаций, ни даже родственников или друзей, у которых она могла бы справиться о нем.

Черт! Разумеется, это было именно то, что она искала! Во всех случаях голодной смерти люди оказывались без соци- ального обеспечения, рекомендаций, не имели друзей или родственников, или те о них напрочь забыли.

Я допустил грубую ошибку, но откуда мог знать, что так получится?

Однако у меня была возможность все исправить.

ПОД покровом ночи я стоял на углу и наблюдал за огня- ми в доме из песчаника. Свет на первых двух этажах погас, но остались зажженными окна на третьем и четвертом. Не успели закончить за день... или продолжают работать?

Я подошел к соседнему дому и долго жал на дверной звонок, пока какой-то мужчина не соизволил выглянуть, чтобы узнать, кто там. Улучив момент, я прокрался в дверь и мгновенно устремился на чердак. Там я перебрался с од- ного здания на другое и очутился на пожарной лестнице.

Это было нелегко, хотя и не так сложно, насколько мож- но себе представить. Я всего на год моложе Лу Пейпа, при том, что способен профессионально сыграть его дедушку. У меня все еще есть мускулы в запасе, и я воспользовался ими, чтобы спуститься по пожарной лестнице на задней стороне дома.

В комнате на четвертом этаже я увидел что-то вроде ка- бины из проволочной сетки и какой-то странный аппарат под кожухом. Людей не было.

Я заглянул в окно третьего этажа и увидел ту рыжеволо- сую девушку. Она вышла из ванной, одетая в махровый ку- пальный халат с полотенцем на голове, завязанным в тюр-

бан. Она скинула с себя одежду и стала натираться кремом. Я смог убедиться, что у нее действительно была великолепная кожа.

Я видел, как она развернулась и подошла к дамской сумочке, стоявшей фактически напротив меня. В следующий миг дамочка направила в мою сторону револьвер. Она открыла окно.

– Добро пожаловать, – произнесла она уверенным голосом. – Мистер Уэлдон, не так ли?

У нее не дрогнет рука, – не к месту подумал я. Как бы меня не нашли по частям где-нибудь между Далласом и Северной Каролиной.

– Я догадывалась, что ваше любопытство не ограничится объявлением о найме.

– Человеку моего возраста остается только подсматривать за симпатичными девушками, – ответил я, изобразив надломленным голосом сожаление, и по-старчески захихикал.

Она жестом велела мне перебраться в комнату. Пролезая внутрь, я заметил мигающие красные огоньки над окном. Они перестали мигать, когда я очутился в комнате. Бесшумная сигнализация.

Она пренебрежительно окинула меня своими бледно-голубыми глазами.

– Человек вашего возраста может оказаться с любой симпатичной девушкой, какую он захочет. Вы не старик.

– А вы пользуетесь краской для волос, – парировал я.

Она игнорировала мой выпад.

– Я давала объявление строго для стариков. Почему вы откликнулись на него?

Все произошло так внезапно, что у меня не было шанса воспользоваться методом Станиславского, чтобы почувствовать себя старым в присутствии красивой обнаженной

женщины. Я даже не уверен, сработало бы это – она казалась совершенством.

– Мне очень нужна работа, ужасно нужна, – насупившись, ответил я, понимая, что это дешевая отговорка.

ОНА усмехнулась с еще большим презрением.

– У вас была работа, мистер Уэлдон. Вы были очень заняты, пытаясь узнать, почему больные слабоумные старики морят себя голодом до смерти.

– Откуда вы знаете? – спросил я, пораженный.

– Небольшое собственное расследование. Я также знаю, что вы не сказали вашему другу сержанту Пейпу, что собирались прийти сюда этим вечером.

Это верно. Я не чувствовал достаточной уверенности в том, что обнаружил, и не стал сообщать ему. И, глядя на револьвер в ее твердой руке, теперь жалел об этом.

– Но вам удалось разузнать, что это здание принадлежит мне, и что зовут меня Мэй Робертс, и что я дочь покойного доктора Энтони Робертса, физика, – продолжила она. – Хотите, чтобы я уже сама еще что-нибудь рассказала вам о себе?

– Я знаю уже достаточно. Меня больше интересует, как вы связаны с голодными смертями. Если бы вы не имели к ним отношения, вы бы не узнали о моем расследовании.

– Это очевидно, правда? – свободной рукой она достала из сумочки сигарету и зажигалку. Огромное зеркало позволяло мне видеть ее с обеих сторон, однако в данный момент ее прекрасное тело заботило меня меньше, чем револьвер. Я думал, как выхватить его. Но между нами было довольно приличное расстояние, и даже воспользовавшись зажигалкой, она не сводила с меня взгляда.

– Я не боюсь профессиональных детективов, мистер Уэлдон. Они предпочитают иметь дела только с фактами,

но никто из них не отличается гибкостью ума. Мне не нравятся любители. Они слишком часто ломают голову. Они мыслят шире. И в результате, – ее бледные глаза холодно блеснули, красивый рот стал суровым, – у них оказывается больше шансов приблизиться к истине.

Мне тоже захотелось курить, но я не решился потянуться за трубкой, лежавшей в пиджаке.

– Может быть, я и близок к истине, мисс Робертс, но я не знаю всех дьявольских подробностей. Я до сих пор не понимаю, как вы связаны с полоумными стариками и почему они голодали, имея деньги. Вы можете отпустить меня, ведь у меня нет ничего на вас.

Она мельком взглянула на свое тело и впервые по-настоящему рассмеялась.

– Скорее, нет ничего на мне? К сожалению, вы знаете, где меня искать, и можете уговорить сержанта Пейпа явиться с ордером на обыск. Конечно, ему нечего будет предъявить, но это доставит некоторое беспокойство. А мне этого не нужно.

– И что же делать?

– Вы хотите знать о моей связи с больными стариками. Я объясню ее вам.

– Как?

Она опасно взмахнула револьвером.

– Развернитесь к стене и стойте так, пока я буду одеваться. Только попробуйте повернуться, прежде чем я скажу, и я вас пристрелю. Попытка ограбления, незаконное проникновение в чужой дом, сами понимаете. Возникнут небольшие неудобства, в связи с расследованием... но это будет сущая ерунда, по сравнению с неудобствами для вас.

Я УТКНУЛСЯ лицом в стену, ощущая в животе плотный, болезненный комок страха. Пока я только лишь знал, что старые люди, как-то связанные с ней, умерли от голода. Я

не был стар, но это ничуть не утешало. Она казалась самой хладнокровной, расчетливой, смертельно опасной женщиной, которую я когда-либо встречал. Этого одного было достаточно, чтобы напугать меня до чертиков. И главная проблема состояла в том, что эта дамочка способна на все.

Я слышал шорохи одежды за спиной, хотел сделать выпад с оборотом и наброситься на нее, воспользоваться тем, что она могла в этот момент возиться с пояском для чулок или надевать бюстгальтер, чему явно помешал бы револьвер. Но это казалось равносильным самоубийству, и я тут же передумал. С какой-нибудь другой женщиной этот трюк бы прошел, но не с ней.

– Все, – сказала она, наконец.

Я повернулся. Она была одета в рабочий комбинезон, который выгодно подчеркивал изгибы ее тела. Рыжие волосы были спрятаны под косынкой, что делало ее похожей на фабричных работниц времен войны. Опасность исходила бы от нее и без оружия в руке и строгого выражения лица. Сейчас же казалось, будто она собирается принести в исполнение смертельный приговор.

– Откройте дверь, поверните направо и поднимайтесь вверх, – сказала она, взмахнув оружием.

И я подчинился. Это была самая опасная, самая длинная, и в то же время самая короткая прогулка в моей жизни. Она приказала мне открыть дверь на четвертом этаже, и мы оказались в комнате, в которую я заглядывал с пожарной лестницы. Сетчатая кабина походила на пыточную камеру с таинственным аппаратом, от действия которого, мне, вероятно, предстояло испытать неслыханные муки.

– Вы собираетесь сделать со мной то, что сделали со стариком, нанятым сегодня?

Я ждал, надеясь получить ответ.

Она щелкнула выключателем, после чего запустились моторы, и раздался пронзительный, угрожающий вой.

Проволочная сетка странным образом начала размываться, как это происходит с вибрирующими зубцами камертона.

— Вы стали досадной неприятностью, Уэлдон! — сказала она, перекиривая гул двигателей. — Я никогда не думала, что вы сможете зайти так далеко. Но раз вы здесь, мы оба можем извлечь из этого пользу.

— Пользу? — переспросил я. — Мы оба?

Она открыла ящик рабочего стола и вытащила стопку конвертов, перетянутых резинкой. Положила их на край стола.

— Вы предпочитаете наличные деньги, банковские счета или и то, и другое вместе?

Мое сердце забилося сильнее.

Так вот откуда взялись эти деньги!

— ХОТИТЕ сказать, что вы филантроп? — спросил я.

— Бизнес — и есть филантропия, в некотором смысле, — спокойно ответила она. — Вы нуждаетесь в деньгах, я нуждаюсь в ваших услугах. В этом смысле мы выгодны друг другу. Я полагаю, а вы скоро в этом убедитесь, что польза, которую я окажу вам, будет довольно существенной. Не могли бы вы взять конверты со стола?

Я взял стопку и взглянул на верхний конверт.

— 15 мая 1931 года, — прочел я вслух и подозрительно посмотрел на нее. — Что это значит?

— Я не думаю, что должна объяснять. По крайней мере, я не делала этого раньше, не вижу смысла и сейчас. Я предполагаю, что вас устроят и наличные деньги, и банковские счета. Все верно?

— Ну, да. Только...

— Мы обсудим это позже.

Она окинула взглядом стенные полки, изучая бирки лежавших там свертков. Выбрала какой-то один и бросила его мне.

– Пожалуйста, откройте и достаньте то, там лежит.

Я разорвал бечевку. В свертке обнаружился дешевый деловой костюм, черная обувь, рубашка, галстук и шляпа с узкими полями.

– Это что, одежда для моих похорон?

– Я хочу, чтобы вы это надели, – сказала она. – Если хотите, могу и приказать.

Я посмотрел на револьвер, затем на одежду, искал место, где мог бы переодеться. Но никаких закутков не было.

Она улыбнулась.

– До сих пор вас не заботила моя стыдливость. Не понимаю, почему я должна вести себя иначе. Одевайтесь!

Я повиновался, с тревогой перебирая в уме один вариант за другим, и все они в конечном итоге заканчивались моей смертью. Одежда, в которую я переоделся, была явно не по размеру. Тут и подгонка не помогла бы: обувь слишком груба и тесна, чересчур накрахмаленный воротник сдавливал шею, серый пиджак оказался слишком узким в плечах, а брюки коротковаты. Я пожалел, что не было зеркала – хотелось взглянуть на себя. Наверное, похож на старомодного брокера с Уолл-стрит.

– Отлично, – сказала она. – Положите конверты во внутренний карман. Вы найдете инструкции относительно каждого вашего шага. Старательно следуйте им.

– Я не понимаю, – запротестовал я.

– Поймете. А сейчас идите в клетку. Используйте конверты в том порядке, как они разложены.

– Но, что все это значит?

– Я могу сказать вам только одно, мистер Уэлдон: даже не пытайтесь убежать. Это невозможно. На все ваши остальные вопросы получите ответ, если будете следовать инструкциям в конвертах.

Она была вооружена. Я вошел в сетчатую кабину, не зная, что меня ждет, но еще больше боялся противиться ей. Мне не хотелось закончить свою жизнь от голода, независимо от того, сколько денег она дала бы мне, но и получить пулю я тоже не жаждал.

Она закрыла сетку ворот и нажала на какой-то переключатель. Двигатели взвыли, еще быстрее ускоряясь. Сетчатая кабина завибрировала с такой силой, что почти совсем растворилась в воздухе, как будто вовсе не существовало препятствия между мной и моей вооруженной нанимательницей.

Затем она исчезла.

А я вдруг понял, что стою у здания банка. Был солнечный день, и пахло весной.

МОЙ страх мгновенно испарился. Я каким-то чудом избежал беды! Но, когда способность рассуждать вернулась, мысли полезли со всех сторон.

Был день, а не ночь. Я стоял на улице, а не в ее доме из песчаника.

Даже время года изменилось!

Ошеломленный, я разглядывал проходящих мимо людей. Они казались похожими на персонажей старого кино: женщины в длинных платьях, в шляпках, похожих на цветочные горшки, на лицах чересчур яркие пятна румян и губной помады; мужчины в жестких соломенных шляпах, в костюмах с узкими плечами, в грубой черной или коричневой обуви – такая же одежда была на мне.

Затем грохот уличного движения привлек мое внимание. И я увидел вокруг автомобиля с квадратными формами, трубами огромных радиаторов...

На мгновение я испытал всплеск ужаса. Потом вспомнил сетчатую клетку и гул моторов. Мэй Робертс, вероятно, подвергла меня электрошоку, после чего где-то продержала

под замком, достаточно долго, чтобы сменилось время года, или перевезла меня на Юг, где выставила на улицу посреди дня.

Однако передо мной был Нью-Йорк. Я определенно узнавал его, хотя некоторые здания изменились, а люди одеты более бедно.

Что это – сценическая постановка? Гипноз?

Ну, конечно! Она меня загипнотизировала.

Кроме того, человек, находящийся под гипнозом, об этом совершенно не подозревает.

Совсем запутавшись, я вытащил связку конвертов, затем положил их обратно в карман. У меня, как предполагалось, были и наличные деньги, и банковский счет, и я находился рядом с банком. Она, очевидно, хотела, чтобы я зашел в него. Я так и сделал. Оказавшись внутри, я вручил верхний конверт кассиру.

Он вынул из него сто пятьдесят долларов и посмотрел на меня так, будто этого было достаточно, чтобы купить и продать банк. Спросил, открыт ли у меня счет у них. Я не знал. Он отвел меня к чиновнику банка, человеку с тесным воротником, как у Гувера, и усиками Джона Гилберта. Тот принял меня с такой сердечностью, какой я никогда не встречал.

Я вышел на улицу, пляясь на банковскую книжку, которую мне только что вручили. Мой пульс участился, дыхание сбилось, в голове как будто кто-то выплясывал странный танец.

На месте даты я увидел: «15 мая 1931 года».

Я НЕ ЗНАЛ, чего я больше испугался – оказаться в затруднительном положении в самые худшие годы Великой депрессии, или вернуться обратно в дом из песчаника. Одновременно я вспомнил, что в эти времена был ребенком, и сегодня наверняка должен находиться на занятиях в школе

в правой части пригорода. Но вдруг, не успел я моргнуть, как все вокруг изменилось, и я оказался рядом с другим банком, в совсем другом районе.

Теперь на конверте значилось 29 мая все того же 1931 года. Я внес наличные в размере 75 долларов, затем 100 долларов в другом месте через несколько дней, и так далее, тратя на все про все по несколько минут, и перепрыгивая вперед от нескольких дней до месяца.

Время от времени, в пачке мне попадались почтовые конверты с обратным адресом. Они предназначались различным фондовым брокерам, и когда я осмелился распечатать один из них, прежде чем бросить в почтовый ящик, то обнаружил, что это заказ на покупку нескольких сотен акций компании безалкогольных напитков на имя Энтони Робертса. Я не помнил, когда эти акции стоили так дешево. В последний раз, когда я изучал курсы, цена была выше минимум раз в пять. Я и сам пытался делать деньги на бирже, но лучше всего мне это удавалось делать для Мэй Робертс.

Несколько раз я задерживался на час или около того. Однажды ночью я попал в роскошный подпольный бар, с двумя конвертами, в которых предписано было сделать ставки, согласно указаниям. Было 21 июня 1932 года, и мне следовало поставить на Джека Шарки, который боролся за титул чемпиона в супертяжелом весе против Макса Шмелинга.

Все, кто находился в баре – три женщины, несколько барменов и клиенты-мужчины, в том числе двое полицейских, – с молчаливой сосредоточенностью толпились возле радио. Приветливый типчик принимал ставки. Он одарил меня понимающей улыбкой, когда я внес деньги на Шарки.

– О, как приятно иметь дело с человеком, который хочет, чтобы победил американец, – сказал он, – пусть даже к черту облажаться, да?

– Ага, – ответил я и криво улыбнулся в ответ.

Большая часть ставок шла на Шмелинга, и я подумал, не допустила ли Мэй Робертс ошибку. Я не помнил, кто победил.

– Знаете, – заявил я, – Джей-Пи Морган как-то сказал: не стоит недооценивать Америку.

– А я не поставил бы и вшивого бакса, – заявил пьяный парень, которому едва удавалось держаться на ногах. – Паршивая трава не растет на затоптанной дороге, нет никакой работы, никакого будущего, ничего!

– Мы выкарабкаемся, все будет О.К., – уверенно сказал я ему.

Он фыркнул в свое пойло.

– Не в этой жизни, приятель. Только чудо может поставить эту страну на ноги. А я не верю в чудеса. – Его нахмуренное лицо очутилось напротив моего, от него веяло перепаром и воинственностью. – А ты?

– Заткнись, Гас! – бросил один из барменов. – Бой начинается.

Я ПЕРЕЖИЛ несколько опасных моментов, слушая радио и потягивая дешевое виски. Бой длился все пятнадцать раундов. Шарки победил, а я довел себя почти до такого же состояния, в каком пребывал Гас, который отключился на середине боя. Все, что я запомнил, так это как приветливый типчик сунул мне в руку толстый рулон, сказав: «– К счастью для меня, большинство парней недооценивает Америку», – а я, выползая из дверей, пытался рассовать деньги по правильным конвертам, как вдруг снова все изменилось, и я опять очутился рядом с банком.

«Бог мой, что за чудесная опохмелка!» – подумал я, ощутив себя трезвым как стеклышко, и способным внести следующий депозит.

Были и другие конверты со ставками и взносами, например, на «Поющий Лес» на скачках 1933 года в Белмонт Парке, или на Макса Бэра против Примо Карнери, а затем на «Кавалькаду» в дерби Черчилль Даунс в 1934 году, на Джеймса Брэддока против Бэра в 1935, или сумасшедший выигрыш с «угадыванием» победителей сразу двух заездов: «Ваноа» и «Аракай» в Тропикал Парке, и так далее, на протяжении последующих лет. Как прыгающий по воде камушек, я оказывался тут и там, от нескольких минут до часу. Я рассовывал конверты для Мэй Робертс и для себя по разным карманам, отдельно от банковских книжек. Карманы уже выпирали, депозиты и начисленные проценты росли как на дрожжах.

Все это было так захватывающе, что, только очутившись в начале октября 1938 года – в общей сложности затратив, как мне казалось, четыре или пять часов – я, наконец, понял, для чего ей нужен. Я не заикивался на том факте, что являюсь путешественником во времени, или на том, как ей это удалось, хотя, надо признать, ощущение было в каком-то смысле жутким, вроде путешествия в мир мертвецов. Ведь мои отец и мать в 1938-м были еще живы. Если бы я мог освободиться от той силы, что заставляла меня совершать прыжки во времени, я мог бы навестить их.

Эта мысль захватила меня с такой силой, что я попал в тиски между этим отчаянным желанием и страхом. Я ужасно хотел увидеть их снова, и не смел. Я не мог...

Но почему нет?

Может быть, машина времени охватывает только область вокруг различных банков, подпольных клубов, баров, ипподромов. Если бы я сумел каким-то образом выйти из этой зоны, то, возможно, и не вернусь в то место, откуда Мэй Робертс отправила меня.

Теперь я, разумеется, понимал свою роль: я вносил вклады и выигрывал ставки точно так же, как это делали «сла-

боумные старики». Чернила на их банковских книжках выглядели свежими, потому что они были свежими. Если так продолжится и дальше, я вернусь в свое собственное время всего через несколько часов, имея при себе что-то около 15 000 долларов, или больше, в виде вкладов с процентами и наличности.

Если бы мне было около семидесяти, она могла забросить меня в начало столетия с той же суммой, тогда и 30 000 долларов не стали бы пределом.

«Понял все, наконец?»

Да, теперь я знал все детали.

И я был до смерти напуган.

Старики умерли от голода, вне зависимости от того, сколько денег имели при себе или в банках. И тут не важно, причиной ли этому путешествие во времени, или что-то еще. Я не собирался оказаться мертвым в своем отеле, и чтобы Лу Пейп осыпал проклятьями мой труп, думая, что его друг, оказывается, скрывал от него огромное состояние, каким-то невероятным образом скопленное аж с самого 1931 года. Он бы посчитал, что я раньше срока впал в ма-разм и со своей точки зрения был бы, конечно, прав, не зная истины.

ВМЕСТО того чтобы внести вклад в октябре 1938 года, я остановил старое потрепанное такси и велел водителю гнать прочь. Когда я показал ему 10 баксов, он вдавил педаль газа в пол. В 1938 году 10 долларов казались бешеной суммой.

Мы отъехали примерно милю от банка, и водитель посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

– Далеко ехать, мистер?

У меня были так крепко стиснуты зубы, что потребовалось усилие, чтобы разжать их, прежде чем я сумел ответить.

- Как можно дальше.
- За нами гонятся копы?
- Нет, но кто-то, возможно. Не удивляйтесь ничему, независимо от того, что происходит.
- Хотите сказать, я могу получить пулю? – испугался он, замедляя ход.
- Нет, никакая опасность тебе не грозит, приятель, – ответил я. – Расслабься, и поехали дальше.

Я спрашивал себя: могла ли она еще достать меня, если я достаточно далеко от банка? Однако несправедливо было бы лишить водителя награды, если бы я снова исчез. К тому же он нажал на педаль еще сильнее, чем прежде.

Мы, должно быть, проехали около трех миль, как я вдруг в одно мгновение очутился возле того первого банка, в котором побывал в 1931 году.

Не знаю, что подумал таксист, когда я исчез из его тачки. Он, вероятно, подумал, что я, открыв дверь, незаметно выскочил. Возможно, он даже вернулся назад в поисках тела, размазанного по асфальту.

Но это безнадежная затея. Я уже был на неделю впереди.

Сдавшись, я покорно оформил депозит. Тот самый, который я пропустил в начале октября.

Выходит, не существовало никакого способа сбежать от этой куколки с красивым жестоким лицом, великолепным жарким телом и планами относительно меня, которые, все до единого, вели к смерти. Я больше не пытался бежать. Продолжал вносить вклады, отправлять заказы по почте брокерам, и делать ставки, которые не могли не принести успеха, поскольку уже были известны.

Я даже не помню, что было последним – бокс или скачки. Я завалился в бар, где уже открыто продавали спиртные напитки, дождался неизбежного выигрыша, схватил заказанный гамбургер и направился к двери. Конверты, которые я должен был использовать, закончились, и меня про-

брала дрожь, когда я понял, что следующее место, где окажусь, будет сетчатая кабина и устройство с моторами. Так и случилось.

ОНА ждала напротив клетки, и я вручил ей пять банковских книжек и конверты, забытые наличностью, всего более 15 000 долларов, но все, о чем я мог думать, так это о том, что невероятно голоден, и что-то случилось с тем гамбургером за то время, пока я совершал последний прыжок во времени. Я, должно быть, упал и выронил его, потому что моя рука оказалась в пыли и грязи. Я отряхнул себя, скорее ощупал лицо и задрал рукава, чтобы взглянуть на свои руки.

– Хитро задумано, – сказал я. – Но я даже близко не чувствую истощения.

– С чего вы взяли, что оно будет? – спросила она.

– Потому что так было со всеми остальными.

Она замедлила скорость двигателей до холостого хода, и вибрация сетки уменьшилась. Я смотрел сквозь ячейки на Мэй.

Боже! – как она была прекрасна. Восхитительна настолько, насколько может быть совершенным ледяное изваяние! Ее лицо заслуживало и поцелуев, и пощечин, и снова поцелуев, и снова пощечин...

– У вас предвзятое мнение, мистер Уэлдон. Я – деловая женщина, а не монстр. Мне нравится думать, что во мне достаточно сострадания. Я могла бы нанимать только молодых людей, но старым сложнее найти работу. Вы сами убедились в том, что я даю им деньги, которые они никогда бы не заработали бы другим способом.

– И про себя не забываете тоже.

– Это деловой подход. Мне нужны деньги для работы.

– Старикам тоже нужны. Только они умирают, а вы нет.

Она открыла дверь и велела мне выходить.

– Я иногда совершаю ошибки. Время от времени попадают слишком старые мужчины и женщины, и они не выдерживают. Я стараюсь этого не допускать, но они настолько нуждаются в деньгах и работе, что не всегда говорят правду о своем возрасте и о состоянии здоровья.

– Вы могли бы нанимать тех, кто имеет страховку и рекомендации.

– Но те, у кого нет ничего, находятся в худшем положении! – Она сделала паузу. – Вы, вероятно, считаете, что мне нужны только деньги, а моя затея – просто средство для наживы. Это не так.

– Хотите сказать, что ваша затея вовсе не в том, чтобы сколотить себе состояние и избавиться от тех, кто помогал вам это осуществить?

– Я сказала, что мне нужны деньги для работы, мистер Уэлдон, и этот метод действует. Но есть и другие цели, гораздо важнее. То, через что вы прошли, – это начальная подготовка, если можно так сказать. Теперь вы знаете, что можно путешествовать во времени, и каково это. Первоначальный шок, таким образом, прошел, и вы теперь лучше готовы к тому, чтобы сделать для меня кое-что еще в другой эпохе.

– Что-то еще? – я озадаченно уставился на нее. – И что же вам нужно?

– Давайте сначала пообедаем. Вы, наверное, проголодались.

ОНА была права, и вернувшийся голод напомнил мне о случившемся:

– Я купил гамбургер непосредственно перед тем, как вы вернули меня. Я не знаю, что с ним случилось. Моя рука была испачкана, а гамбургера не оказалось, как будто я упал в грязь и выронил его.

Она встревоженно посмотрела на мою руку, наверное, испугавшись, как бы я не подхватил какую-нибудь заразу. Я понимал ее: никогда не знаешь, какие болезни можно подцепить, путешествуя по времени, сам читал много раз, что микробы способны мутировать в зависимости от условий. Например, сегодня многие штаммы бактерий становятся невосприимчивыми к антибиотикам. Я знал, что она беспокоилась вовсе не обо мне, но все равно было приятно.

– Наверное, это все объясняет, я полагаю, – сказала она. – Правда, сама я не путешествовала во времени, ведь кто-то в настоящем должен управлять средством перемещения, поэтому я не уверена, возможно или невозможно падение. Допускаю, что все было так, как вы сказали. Если рывок назад из прошлого был слишком сильным, вы действительно могли упасть, перед тем, как вернуться.

Она привела меня в богато украшенную столовую, где был накрыт стол для двоих. Еда ждала на столе, зазывая ароматами блюд. Никого из слуг не было. Она указала на стул, мы сели и начали есть. Поначалу я был немного взволнован и боялся: вдруг что-то подложено в еду, но та оказалась превосходной. Я проглотил немного в ожидании какого-нибудь эффекта, но ничего не случилось.

– Вы пытались вырваться от притяжения луча времени, не так ли, мистер Уэлдон? – спросила она.

Я не ответил.

– Вы ошибочно представляете принцип его работы. Управляющий луч охватывает не территорию, он покрывает эру. Вы могли отправиться в любую часть мира, луч все равно вернул бы вас. Я выражаюсь достаточно понятно?

Куда уж понятнее. Мне оставалось смириться.

– Полагаю, что вы уже сформировали мнение обо мне, – продолжала она. – Довольно нелестное, как я полагаю.

– Сука. Это самое невинное слово, которое я могу подобрать. Но умная. Только гений смог бы изобрести машину времени.

– Это не я изобрела. Мой отец, доктор Энтони Робертс, он все придумал. Путешественники, вроде вас, позволяют мне продолжать его дело. – Ее лицо неожиданно стало мягким и нежным. – Мой отец был замечательным человеком, великим человеком, но его признали сумасшедшим. Ему не давали преподавать и работать, как он хотел. Возможно, к лучшему, хотя, я уверена, ему было бы неприятно это услышать. Как бы там ни было, избыток свободного времени он потратил на свою машину. Он мог бы с ее помощью заставить человечество ответить за его унижение, но не сделал этого. Он использовал ее, чтобы помочь человечеству.

– Каким образом? – полюбопытствовал я.

– Это неважно, мистер Уэлдон. Вы решили ненавидеть меня, и считаете лгуньей. Что бы я вам не говорила, я уверена, это ничего не изменит.

ОНА была права в первой части своего утверждения: я не испытывал к ней ничего, кроме ненависти, и боялся ее; но она была неправа относительно второго пункта. Я вспомнил вдруг о Лу Пейпе: чтобы он подумал обо мне, если бы я скончался от голода, имея при себе 15 000 долларов, притом, что постоянно кланчил у него взаймы. Не зная, как я получил это состояние, он мог бы посчитать себя оскорбленным и решить, что я дурачил его все эти годы. Одним словом, у Лу не было бы достаточно информации, чтобы справедливо судить обо мне. Точно так же и у меня не было достаточно информации, чтобы судить о ней.

– Что я должен сделать? – осторожно спросил я.

– Все путешественники, кроме одного человека были направлены в прошлое для конкретных поручений: спасти

шедевры и реликвии, которые так или иначе были потеряны для человечества.

– Не потому ли, что они могут стоять бешенных бабок? – злобно сказал я.

– Вы уже видели, что я могу получить все деньги, какие захочу. В прошлом было достаточно потрясений: пожары, войны, революции, варварство. И я хотела, чтобы мои единомышленники спасали вещи, обреченные на исчезновение. О, это прекрасные вещи, мистер Уэлдон. Мир оказался бы намного беднее без них!

– Эль Греко, например? – спросил я, вспомнив бред старика, у которого нашли 17 000 долларов в подкладке.

– Эль Греко тоже. Отдельные картины, потерянные на протяжении веков. – Она стала более оживленной, словно ее подменили. – За исключением одного человека, о котором я говорила, я отправляла всех в прошлое – будущее слишком неопределенно для нас. И есть дополнительная причина, почему я с сомнением исследовала его только однажды. Но тот человек, который отправился туда, обнаружил нечто, что имело бы огромную ценность для всего мира.

– А с ним что случилось?

Мэй казалась опечаленной.

– Он был слишком стар. Его сил хватило лишь на то, чтобы рассказать мне о будущем, где есть то, в чем мы нуждаемся. Это металлический ящик, достаточно небольшой, переносных размеров. Но он может обеспечить энергией весь этот город, со всеми его предприятиями, осветить каждый дом и улицу!

– Да, звучит здорово. И что я получу, если доставлю его вам?

– Мы разделим прибыль, пополам, разумеется. Но вы должны понимать, что энергию мы будем продавать по максимально низкой цене, доступной каждому.

– Не возражаю. Какова же причина того, что вы не желаете иметь дела с будущим?

– Вы ничего не можете перенести из будущего в настоящее, поскольку этого еще не существует в действительности. Я не буду вдаваться в теорию, но это очевидно: ничто не может существовать до того, как оно появилось на свет. Вы не сможете принести ящик. Мне нужны только технические данные, чтобы создать такой же.

– Технические данные? Я актер, а не ученый.

– У вас будут чертежные принадлежности и непромокаемые блокноты, чтобы скопировать все до каждого дюйма.

Я НЕ МОГ составить о ней какое-то определенное мнение. Как я уже говорил, она была красива, что часто мешает мужчине оценить женщину, но я не мог забыть о голодных смертях. Те старики ничего не получили, кроме дистрофии, бесполезных денег и смерти. С другой стороны, возможно, она говорила искренне, про то, как хотела помочь тем, кто нуждался в помощи больше других, но некоторые из них скрывали свой возраст и состояние здоровья, потому что отчаянно нуждались. Ведь я знал только о тех, кто умер. Но теперь я понимал, что других было больше, скорее всего, гораздо больше, чем умерших – тех, кто прошел через испытание и мог наслаждаться своей скромной удачей.

Я обдумывал так же ее слова о спасении сокровищ прошлого и о желании обеспечить всех энергией. И она была совершенно права в том, что ей не составило бы труда нажить состояние, ведь путешествие во времени позволяло использовать всю выгоду из прошлого: инвестировать в акции, делать ставки на спортивные и азартные игры.

Но эти случаи голода...

– Какие вы мне даете гарантии? – потребовал я.

Она пришла в раздражение.

– Мне нужны данные от вас. Я вам буду нужна, чтобы запустить прибор в производство. Достаточно ли таких гарантий?

– Я не о том. Буду ли я жив после всего этого?

– Мистер Уэлдон, пожалуйста, включите логику. Я беру на себя риск. Я уже дала вам денег больше, чем вы когда-либо держали в руках. Считайте это частичной оплатой за будущие услуги. Главным образом, это испытание должно было дать вам опыт в путешествиях во времени.

– И чтобы доказать мне, что я не могу выйти из игры, – добавил я.

– Это неизбежный эффект действия машины. В противном случае, как бы я перемещала вас во времени? Если вы постараетесь поставить себя на мое место, то поймете, что я потеряю свои капиталовложения, если вы не вернетесь с данными. Я не могу забрать ваши деньги, сами понимаете.

– Не знаю, что и думать, – ответил я, весьма недовольный своим положением, ведь я не мог знать наперед, что меня ждет. – Я доставлю данные для вашего чудесного ящика, если это вообще возможно, а там поглядим.

Закончив трапезу, мы поднялись наверх, и я вошел в клетку.

Она замкнула контур. Двигатели завывли. Сетка начала размываться.

И я очутился в мире, которого никогда не знал.

Я ДОПУСКАЮ, что это можно было бы назвать городом: судя по количеству зданий. Но ни в одном городе никогда не было такого богатства зелени. Это не были улицы, просто усаженные деревьями, как Унтер-ден-Линден в Берлине, или островками кустарников, как на Парк-Авеню в Нью-Йорке. Трава, деревья и кусты росли вокруг всех зданий, отделенных друг от друга широкими лужайками. Все строения были сделаны из стекла, или из чего-то очень по-

хожего на стекло. Некоторые из окон не пропускали свет, но я не замечал защитных экранов или жалюзи. Какое-то поляризационное стекло или пластик?

Я ощущал тревогу, находясь здесь, но все равно это было захватывающее дух ощущение, все-таки я был в будущем, и был жив, хотя, как предполагалось, все мои современники давно покинули бранный мир.

Воздух казался свежим, как в провинции. Не было никакого смога, автомобили каплевидной формы двигались по гладкой как стекло дороге. Они были полностью сделаны из прозрачной пластмассы и двигались ровными рядами, скорее плавно, чем стремительно. Если бы я не увидел дирижабль над головой, то и не услышал бы его. Он летел тихо, изящный шар без крыльев, его как будто несло ветром с одного края неба на другой, притом, что никакой ветер не мог толкать его с такой скоростью.

Один автомобиль остановился рядом и кто-то крикнул:

— Мы здесь!

Несколько человек выскочили из машины и направились ко мне.

Я не раздумывал. Я побежал. Пересек газон и нырнул в ближайшее здание, где помчался через длинный коридор с гладкими стенами и ярко освещенный, без единой тени, пока не нашел дверь, которую смог открыть. Очутившись внутри, я захлопнул ее и запер. Потом, тяжело дыша, упал в мягкое кресло, которое вдруг приняло форму моего тела. Мне хотелось исколотить себя, тупоголового болвана, каким я оказался на поверку.

Зачем я бежал? Они не могли знать, кто я такой. Если бы в этом времени люди ходили в тогах или купальных костюмах, я, безусловно, выделялся бы на их фоне, но у них оказалась точно такая же одежда, как у нас — костюмы и рубашки, галстуки у мужчин и высокие каблуки у единственной женщины, что была с ними. Я испытал некоторое раз-

очарование, от того, что одежда практически не изменилась, но, с другой стороны, это было мне на пользу: так я мог быть менее заметным.

Но почему же кто-то крикнул: «— Мы здесь!». Если только...

Нет, они, должно быть, приняли меня за кого-то другого. Я не видел другого объяснения. А бежал потому, что это была естественная первая реакция: я ведь понимал, что находился здесь ради того, что можно назвать незаконной деятельностью, и если у меня выгорит, то некий несчастный изобретатель останется без причитающихся ему отчислений.

Я жалел о том, что не мог бежать дальше. Мало того, что выставил себя полным идиотом, так вдобавок вспотел и запыхался. Всю жизнь играя стариков, еще не так сложно спуститься вниз по пожарной лестнице, но трудно примерять на себя роль спринтера — никаких легких не хватит.

Я ПРОДОЛЖАЛ сидеть, восстанавливая дыхание, и пытался решить, что делать дальше. Идей насчет этого у меня было не больше, чем у какого-нибудь древнего египтянина, оказавшегося посреди Таймс-Сквер с инструкциями выкрасть мумию из музея Метрополитен. У меня не было никакой информации. Я не знал, города, и уж тем более понятия не имел, где можно раздобыть данные для Мэй Робертс.

Открыв дверь и, прежде чем выйти, я осмотрелся. Пройдя несколько пересечений с другими коридорами, наконец, отыскал внешнюю дверь. Я помедлил, мучительно пытаюсь собрать все свое мужество. Хотелось выскользнуть, двигаться украдкой или помчаться стрелой, но я заставил себя выйти, как подобает порядочному, ни в чем не замешанному гражданину. Только такую маскировку нельзя распознать. Все, что нужно делать — это вести себя так, будто я

принадлежу этому времени и этой местности, но кто бы еще знал, в чем разница?

Люди вокруг двигались неторопливо, словно им некуда спешить. Я придерживался их скорости, очень сожалея, что не было толпы, в которой можно затеряться.

Какой-то человек поравнялся со мной и вежливо спросил:

– Я прошу прощения. Вы ведь чужой в этом городе?

Я чуть было не остановился в испуге, но подумал, что это, вероятно, какая-нибудь бесплатная акция.

– Почему вы так решили? – спросил я, заставляя себя держать все тот же легкий темп.

– Я не узнал вас в лицо, и подумал...

– Это большой город, – с невозмутимостью ответил я, – Вы не можете знать всех.

– Если есть что-то, в чем я могу помочь вам...

Я сказал ему, что в помощи не нуждаюсь, и он отвалил. Здравый смысл подсказывал мне, что следует вначале осмотреться, прежде чем позволять рискованные действия. Я мог оказаться в полицейском государстве или в стране, находящейся в состоянии войны; кто их знает, возможно, здесь с подозрением относятся к чужакам. Они могли схватить меня по любой причине, от бродяжничества до шпионажа. Я мог быть арестован, замучен, казнен – один Бог ведал, что ожидало меня. Хотя все вокруг выглядело достаточно мирным, это еще ничего не доказывало.

Я продолжал идти, изучая то, в чем я не мог быть уверен, по абсолютно незнакомому городу, в то время как у меня не было никакого права находиться здесь живым. Я думал о той информации, которую Мэй хотела получить. Пока я мог спокойно прогуливаться, но что будет, когда она выдернет меня обратно, и при мне не окажется данных?

Что тогда? Возможно, те умершие от голода люди не справились с заданием! В этом случае она может застрелить

меня или отправить подыхать куда угодно, в любую точку времени, чтобы избавиться от улик.

Черт побери, я не знал, лучше она, или хуже, чем я думал о ней, но не собирался рисковать. Мне нужно было добыть ей то, что она ждала.

ВПЕРЕДИ был указатель. На нем я прочел: К ТОРГОВОМУ ЦЕНТРУ.

Стрелка показывала направление. На следующей развилке был другой знак, показывающий, куда идти дальше.

Так, следуя подсказкам, я очутился в центре города, который представлял собой огромную территорию с парком посередине и всевозможными магазинами по периметру. Из всех магазинов меня заинтересовал только один: ЭЛЕКТРОПРИБОРЫ.

Я вошел в него.

Обходительный молодой продавец встретил меня и вежливо поинтересовался, может ли он чем-нибудь помочь.

– Нет спасибо, я просто хотел бы немного осмотреться, – ответил я, по-идиотски нервно рассмеявшись, понимая, что выгляжу глупо.

Я, актер, а вел себя как неотесанный деревенщина. Мне стало стыдно за себя.

Он старался не показывать своего удивления, хотя это ему плохо удавалось. К моему счастью, продавец отвлекся на другого посетителя, который зашел в этот момент в магазин, и я мог спокойно осмотреться.

Не знаю, могу ли я верно передать свои чувства. Трудно описать то, чего никто никогда не видел, и невозможно даже сказать, что на что было похоже. Но я все же попробую.

Если придерживаться прежних сравнений, я бы снова прибегнул к образу уже упомянутого мною древнего египтянина, которому приказали стащить мумию из музея Метрополитен.

Бедный парень, естественно, понятия не имел бы ни о деньгах, ни о транспортной системе Нью-Йорка, ни о том, где находится музей, и как туда добраться, как ведут себя посетители, что делать, что говорить, какие нормы поведения, которые соблюдает любой обыватель, можно невольно нарушить, и так далее. Теперь добавьте вероятный риск оказаться в тюрьме или в сумасшедшем доме, если он допустит ошибку. Представив все это, вы, вероятно, поймете, что ощущал я. Здесь говорили по-английски, но это не имело большого значения: гораздо хуже было незнание того, что правильно, а что неправильно, и неизвестность последствий. В общем, поводов для паники было предостаточно.

Впрочем, и это мало добавляет ясности.

Для примера, возьмем электроприборы в том магазине — они способны наглядно продемонстрировать всю сложность ситуации, в которой я оказался.

Для людей того времени это были самые обычные изделия, как для нас тостеры, телевизоры и лампы. Но для меня они имели не больше смысла, чем наши приборы для древнего египтянина. Можете представить себе, как он пытался бы выяснить, что это за штуковины, и как они работают?

НАД некоторыми из приборов пришлось поломать голову. Взять, например, светильник, который можно было разместить в любой части стены — без винтов, без клея, без проводов — при этом он держался и горел, независимо от того, в каком месте стены находился. Что-то вроде бра... вероятно, это оно и было!

Затем я наткнулся на что-то, похожее на пепельницу с голубым электрическим мерцанием в основании чаши. Я раскурил трубку — до этого видел, что некоторые здесь курят, и теперь знал, что могу спокойно сделать то же самое —

и бросил в чашу спичку. Ее тут же не стало. Я сомневаюсь, что внутри было какое-то скрытое отделение.

Спичка исчезла. Я вытряхнул пепел из трубки, и он тоже исчез. Осмотревшись и убедившись, что меня никто не видит, я извлек из кармана несколько монет и высыпал на дно. Они пропали. Как будто и не бывало. Дезинтегратор? У меня не было ни малейшего понятия.

Следующей была небольшая коробка с зеркалами и тремя миниатюрными дисками на передней части каждого. Я повертел диски на одном из них – это походило на использование трех номеронабирателей одновременно – и вдруг в зеркале возникло лицо симпатичной девушки, выжидающе смотревшей на меня.

– Да? – спросила она.

– Я... э-э-э... ошибся номером, извините, – и, поспешно отодвинув коробку, я направился в другую часть магазина, поскольку не имел даже малейшего понятия, как выключить устройство.

То, что я искал, оказалось небольшой, окрашенной под металл коробкой размером с чемодан, с выемкой на крышке и небольшим регулятором на передней стенке. Я не знал, что это такое, до тех пор, пока не повернул регулятор. Внезапно свет в магазине засветился очень ярко, откуда-то прибежал продавец и вежливо отодвинул меня, чтобы выключить прибор.

– Мы же не хотим здесь все сжечь? – спокойно спросил он.

– Я просто хотел убедиться, действительно ли он работает, – сказал я, все еще немного дрожа, и осознавая, что меня могло убить хорошим разрядом тока.

– Но они всегда работают, – сказал продавец.

– Ах, всегда?

– Разумеется. Действуют элементарно, и нет никаких элементов, которые могли бы износиться, поэтому они ра-

ботают вечно, — он вдруг улыбнулся, как будто о чем-то догадавшись. — О, я понял, вы шутите! Ну, конечно — все знают о «Дюнапаке» еще с начальных классов. Хотите получить один?

— Нет, нет, старый достаточно хорош. Я просто... ну вы понимаете, хотел узнать, сильно ли отличаются новые модели от прежних?

— Но у нас не было никаких новых моделей с 2073 года, — ответил он. — Почему вы считаете, что они могли появиться?

— Я... не знаю, — пробормотал я. — Никогда нельзя быть уверенным.

— Можно, с «Дюнапаком», — сказал он и не оставил бы меня в покое, если бы мне не отказали нервы. Пробормотав что-то, я поспешил скорее убраться из магазина.

Вы спросите, почему? Он задал вопрос: хочу ли я «получить» «Дюнапак», а не купить. Я и представления не имел, что означает «получить» в их обществе. В качестве оплаты могло использоваться что угодно, вплоть до накопленных купонов какой-нибудь лотереи, или, может быть, отработанного количества трудодней — в этом случае он захотел бы узнать, где я работаю, какой у меня социальный капитал, или что-то в этом же духе, о чем я не имел понятия. Впрочем, это мог быть просто гипотетический разговор о предстоящей покупке.

Гадать я не хотел, но и подвергать себя еще большей опасности тоже. Моя грубая ошибка с проверкой работающего «Дюнапака» и о новых моделях едва ли казалась простительной.

Бог мой, сколько неизвестности и риска подстерегает нас в мире, о котором мы ничего не знаем. Можно сколько

удобно мечтать о том, чтобы очутиться в будущем, но на деле – та еще проблемка.

– Подожди, друг! – вдруг услышал я за спиной крик продавца.

Я оглянулся, надеясь, что сделал это с такой же небрежностью, как и пешеходы, обернувшиеся на него. Он быстро зашагал ко мне, с очень озабоченным выражением на лице. Я ускорил шаг, стараясь держать дистанцию и одновременно надеясь, что люди, которых я обгонял, посчитают, будто я просто опаздываю на встречу. Продавец не бежал за мной и не звал полицию, но я не мог быть уверен, что он не станет этого делать дальше.

Едва только зайдя за угол, я побежал, как угорелый. Увидел переулок в конце квартала и нырнул в него. Нашел дверь в подвал и спрятался там, вжавшись в стену, дрожа от напряжения и нехватки воздуха, как пловец, который слишком долго пробыл под водой.

Даже после того, как дыхание успокоилось, я не торопился покидать укрытие. Улица, возможно, была оцеплена – полиция, армия и морской флот вместе взятые могли поджидать меня, чтобы арестовать.

Что заставляло меня так думать? Да просто понимание того, насколько озадачился бы тот же самый древний египтянин, если бы его арестовали в метро за плевки – самое невинное занятие в его время! Я, возможно, сделал столь же невинный для себя проступок, который в этой эпохе могли посчитать за преступление. А разве в какие-либо времена незнание законов освобождало от ответственности?

Вместо того чтобы вернуться на улицу, я предпочел обследовать здание. Оно казалось странно тихим и пустым. Я не мог понять почему, пока не набрел на туалет, где увидел небольшие кабинки и умывальники, которые располага-

лись чуть выше моих коленей. Это была школа. Дети уже отучились, потому и пусто.

Мне казалось, будто внутри растаял ледяной стержень, державший меня в напряжении. Я сразу почувствовал легкость. Вероятно, не нашлось бы лучшего места в городе, где я мог спрятаться.

Начальная школа!

А ведь продавец сказал: «— Все знают о «Дюнапаке» еще с начальных классов».

БРОДЯ по школе, я испытывал жутковатое ощущение, как будто с детства привычная обстановка была искажена временем до почти полной неузнаваемости.

Не было никаких досок, больших учительских столов и привычных ученических парт, чернилниц, указок, глобусов или книг. Тем не менее, это была школа. Это я понял еще по приспособлениям в туалете, а теперь окончательно убедился, увидев небольшие стулья, аккуратно задвинутые под низкие, ярко окрашенные столы в классных комнатах. В большом удобном кресле, вероятно, сидел учитель, если он не ходил по классу.

Возле каждого стула, закрепленного за своим, отдельным столом, находилась коробка с экраном, с обеих сторон ее располагались проволочные катушки на небольших шпинделях. На катушках стояли крупные четкие цифры. Около кресла учителя находился ящик со множеством таких же катушек, а на внутренней стене, напротив огромных окон висел большой экран.

Задавшись целью узнать что-нибудь о «Дюнапаке», я вошел в одну из таких комнат и сел на стул учителя. Я ощущал себя подобно археологу, гадавшему о назначении странных реликвий, найденных в мертвом городе.

Кресло было похоже на самолетное, оно позволяло сидеть вертикально или откинувшись на спину. Возле подло-

котника располагался ряд кнопок. Я нажал наугад одну из них и нервно сжался, ожидая какого-нибудь подвоха.

Включились встроенные в потолок и стены светильники, в то время как комната стала постепенно затемняться. Я недоуменно огляделся, чтобы понять, что случилось, ведь все еще был день.

Окна, казалось, пришли в движение, будто задвигались, и солнечный свет постепенно угасал. Я усмехнулся, подумав, чтобы сказал бы на это древний египтянин. Я предположил, что окна представляли собой два листа поляризованного стекла, разделенных вакуумом, чтобы не пропускать холод и тепло, а освещение комнаты было синхронизировано с механизмом поляризации.

Уже что-то получалось. Теперь нетрудно будет выяснить и назначение остальных предметов.

Катушки в ящике рядом с учительским креслом могли содержать записи. Я искал, на чем можно было бы проиграть их, но рядом не было ничего похожего на проигрыватель. Я попытался снять катушку со шпинделя. Не получилось.

Ага! Провод исчезал под шпинделем в основании рамки, удерживая катушку на месте. Это означало, что катушки должны проигрываться прямо в этом положении. Но как включить воспроизведение?

Я ПОДРОБНО осмотрел приспособление. Все его части казались безликими – ни циферблата, ни переключателей или чего-то подобного. Я пробовал водить над ним руками, полагая, что это может быть похоже на терменвокс¹, пытал-

¹ Терменвокс – электромузыкальный инструмент, созданный в 1918 году русским изобретателем Львом Терменом. Игра на терменвоксе заключается в изменении музыкантом

ся произносить команды разным тоном – вдруг он настроен на голосовое управление. Но ничего не происходило.

Помните, как у Эдгара По: письмо лежало на самом видном месте, где его никто не догадался бы искать? Но ведь все эти вещи не были созданы для того, чтобы сбивать людей с толку, так же как и наши приборы. Однако тому, кто не разбирается, как включить пылесос или, скажем люстру на дальнем конце комнаты, пришлось бы действовать наугад.

Я ощупал каждый дюйм коробки, надеясь найти хоть что-то вроде выключателя, и, наконец, дотронулся до одного из шпинделей. Катушка сразу же начала вращаться с небольшой скоростью, и одновременно ожил экран на противоположной стене.

«– История освоения Солнечной системы, – заговорил низкий голос диктора, – является одной из самых смелых побед в длинном списке достижений человечества. Начиная с примитивных ракет, появившихся во время Второй мировой войны...»

Возникли кадры кинохроники: «Фау-1» и «Фау-2», их взрывы на стартовых комплексах и монтаж более поздних экспериментальных моделей. Мне хотелось посмотреть, чем, в конечном итоге, все закончилось, но я боялся потратить время впустую. В любой момент я мог услышать шаги охранника, сторожа, или тех, кто обслуживает здание.

Я снова нажал на шпиндель. Катушка остановилась и быстро, бесшумно начала перематываться назад, после чего выскочила. Я вставил другую катушку. На экране возникли умопомрачительные сцены подводных глубин.

расстояния от своих рук до антенн инструмента, за счёт чего изменяется частота звука.

«— С помощью энергетических экранов, — заговорил другой голос, — к 2027 году была составлена полная карта мирового океана...»

Я выключил запись. На следующих катушках оказались сведения по медицине, архитектуре, истории, географии таких мест, как внутренние области Южной Америки и Африки, в которых и по сей день остаются белые пятна. Я поражаюсь этим замечательным фильмам, потрясающей цветопередаче изображения и удивительной чистоте звука, но торопливо отключал их, как только понимал, что они не имеют отношения к тому, что я искал.

Это были курсы для детей, но все они содержали информацию, к которой наши ученые только подбирались... и я не имел возможности подробно с этим ознакомиться!

Я разочарованно выключил фильм по психологии, когда со стороны двери услышал женский голос.

— Могут ли я вам помочь?

Я РЕЗКО обернулся и вскочил, испуганно вытянувшись в струну. В дверях стояла молодая худенькая женщина невысокого роста. Судя по тому, как она смотрела на меня, внешне любезно, и все же заметно нервничая, мне показалось, что она готова закричать в любую секунду, чтобы позвать на помощь.

— Должно быть, я забрел сюда по ошибке, — сказал я, и, едва не сбив ее с ног, выбежал в коридор, пытаясь вспомнить тот путь, которым попал сюда.

— Но вы не понимаете! — крикнула она мне вслед. — Я действительно хочу помочь...

Ага, помочь, — думал я, отыскивая дверь на улицу. Задача прямо из того фильма по психологии: отвлечь пациента чем-нибудь, дождавшись прибытия бригады, которая

доставит его туда, где ему самое место. Любая из наших учительниц, обнаружив безумного старика, бешено листающего учебники в классной комнате средней школы, поступила бы точно так же, при условии, что испуг не лишил бы ее возможности здраво рассуждать.

Добравшись до входной двери, я остановился. Не было никакой возможности узнать, подала ли она сигнал тревоги, но совершенно очевидно, искать меня будут на улице, думая, что я попытаюсь найти новое укрытие.

Поэтому я громко хлопнул дверью, чтобы было отчетливо слышно. Затем отыскал вход в подвал и начал осторожно спускаться по ступенькам.

В подвале я рассчитывал спрятаться за какую-нибудь печь, угольный ящик или топливный бак, но ничего такого не нашел. Я не знаю, как они отапливали здания зимой и пользовались ли системой охлаждения. Вероятно, существовала некая атомная установка, предназначенная для всего города, которая перекачивала по трубам горячую воду или хладагент. Но все коммуникации, вероятно, были проложены внутри стен, потому что никаких труб я не заметил.

Я забился в самый темный угол, какой смог отыскать, и надеялся, что здесь меня искать не станут.

ПРОШЛО ВРЕМЯ, наступила ночь, и голод заставил меня покинуть школу, но выбираться пришлось осторожно, убедившись, что никого нет поблизости.

Улицы торгового центра были сравнительно безлюдны. Но вокруг не было ничего похожего на ресторан. Я был настолько голоден, что у меня кружилась голова, и я испытывал одно только желание – поесть. Однако внезапная шокирующая мысль заставила меня остановиться. От ужаса действительности меня бросило в пот.

И чем же я намерен расплатиться, даже если найду ресторан?

Наконец, я осознал страшную правду. Эта девица забрасывала стариков с разными поручениями во времени, как меня... и они умирали от голода, потому что не могли купить еду!

Нет, ерунда, это не серьезно. Я ведь сам говорил Лу Пейпу: любой, кто голоден, всегда найдет способ достать еду, хотя бы даже ограбить ларек или продовольственный магазин.

Да только...

До сих пор в этом городе я не видел ни одного ларька или продовольственного магазина.

К тому же...

Я вдруг вспомнил, как в прошлом людям отрубали руки за кражу буханки хлеба.

Эта цивилизация не выглядела так, будто здесь в ходу такие жестокости, особенно за то, что кто-то осмелится украть краюху хлеба. Но на первый взгляд этого не скажешь о большей части культур, где практикуют подобное варварство.

Я никогда не думал, что на мою долю выпадут подобные тяготы. Я невыносимо устал, был голоден и напуган. Потерянный, совершенно пропавший в этом чуждом для меня мире, где я мог быть убит, или умереть с голоду... И Бог знает, что ждало меня в моем собственном времени, если я вернусь обратно без информации.

Но даже если она у меня будет – это что-нибудь изменит?

Эта мысль вынудила меня принять решение. Что бы ни случилось сейчас, вряд ли это будет хуже того, что Мэй Робертс может сделать со мной. По крайней мере, я не собирался подыхать от голода.

Позволив нескольким людям пройти мимо, я остановил прохожего, сознательно сделав выбор именно на нем: он был средних лет, с доброжелательным лицом и невысокий

ростом, так что я мог бы хорошенько врезать ему и бежать, если бы он поднял шум.

– Послушай, друг, – сказал я ему. – Я тут шел по городу...

– Да? – откликнулся он радостно.

– И, кажется, заблудился...

Нет, он был не опасен. Я собирался добавить, что потерял свой бумажник, но все еще не знал, используют ли они в своем времени деньги. Он ждал с терпеливой, дружеской улыбкой, пока я не придумал, что сказать:

– Дело в том, что я не ел весь день, вы не могли бы мне помочь?

Он ответил самым невообразимо сердечным голосом:

– Я буду рад сделать все, что в моих силах, мистер Уэлдон.

МОИ глаза, казалось, вылезли на лоб.

– Вы... вы называли меня...

– Мистер Уэлдон, – повторил он, продолжая смотреть на меня с приветливой улыбкой. – Марк Уэлдон, верно? Из 20-го столетия?

Я хотел ответить, но мой язык онемел, словно на самой худшей премьере, которую я когда-либо переживал. Я кивнул, испуганно пытаясь понять, что происходит.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – сказал он успокаивающим тоном. – Вам совершенно ничего не угрожает. Мы предлагаем вам исключительное гостеприимство. Вы можете считать наше время своим временем.

– Вы знаете, кто я, – мой слабый голос все же вырвался наружу, – Значит, я напрасно убегал и прятался.

Он сочувственно пожал плечами.

– Всею городу было поручено помогать вам, но вы были в таком нервном состоянии, что мы боялись тревожить вас прямыми действиями. Едва мы предпринимали какие-то попытки, вы каждый раз исчезали. Мы не хотели давить

на вас, поэтому не преследовали. Предпочли подождать, когда вы обратитесь к нам по собственной воле.

Мне стало дурно от головокружения. Отчасти это было вызвано голодом, но только отчасти. В остальном причиной тому был страх и хаос в мыслях.

Они знали, кто я такой. Они ждали меня. Они, вероятно, даже знали о том, что я замыслил.

И они хотели помочь!

– Давайте пока не будем вдаваться в подробности, – сказал он. – Хотя мне очень хочется развеять ваши сомнения и страх. Но сначала вы должны поесть. А затем мы позовем других и...

Я отступил.

– Каких других? Откуда я знаю, что вы не настроены против меня, и что я не пожалею о последствиях?

– Перед тем, как обратиться ко мне, мистер Уэлдон, вы сначала должны были прийти к выводу, что мы представляем для вас меньшую угрозу, чем Мэй Робертс. Пожалуйста, поверьте мне, это так.

Так он знал и о ней тоже!

– Хорошо, я рискну, – безропотно согласился я. – Где тут у вас в городе можно поесть человеку?

ЭТО оказался приятный ресторан с мягким светом, льющимся из трехмерных полноцветных экранов на стенах, настолько реально передающих изображение, – сады, леса, равнины, – что создавалось впечатление, будто ты и вправду находишься на природе. Было неудивительно, что я нигде не мог найти ресторан, продовольственный магазин или ларек: по дороге сюда, я узнал, что еда поступает в дома по пневматическим трубам из городских гидропонных резервуаров, которые специализируются на сельском хозяйстве. Если же кто-то хотел перекусить вне дома, он мог

заскочить в ресторан, пристроенный в каждое здание. У всех городов была своя специализация. Этот предназначался для людей искусства. Мне это понравилось.

Меню в виде экрана располагалось на столе – с помощью кнопок можно было выбрать нужное блюдо. Голодным взглядом я смотрел на изображения, пытаясь решить, что я хочу больше всего. Я выбрал устрицы, луковый суп, грудку цесарки и самый вкусный на вид десерт, но мой приятный невысокий спутник с решительным сожалением покачал головой.

– Я боюсь, вы не сможете съесть ни один из этих продуктов, мистер Уэлдон, – сказал он печальным голосом. – Чуть позже мы объясним, почему.

Подожли официант и администратор, делая вид, что я не настолько уж интересен им, но у них это плохо получалось. И я не мог обвинять их. Я и сам не преминул бы поглазеть на того, кто явился из времен Джорджа Вашингтона – примерно так же и они воспринимали меня.

– Не могли бы вы организовать специальный набор для мистера Уэлдона и доставить сюда? – спросил коротышка.

– Каждый ресторан готов к этому, мистер Карр, – ответил администратор, – Блюда в пути. Они уже готовы, еще с того момента, как он прибыл к нам.

– Прекрасно, – ответил славный парень Карр. – Не хотелось бы долго ждать. Он очень голоден.

Я осмотрелся и впервые заметил, что никого, кроме нас, в ресторане нет. Даже в такой час всегда бывают поздние посетители. Их отсутствие беспокоило меня. Как бы это не оказался заговор...

Но нет. Раздался мелодичный звон, и официант с администратором поспешили к проему люка, откуда вытащили пару лотков, заставленных контейнерами.

– Ваш обед, мистер Уэлдон, – сказал администратор, поставив передо мной поднос.

Когда он снял крышки, я уставился на еду.

– Это, – сердито воскликнул я, – это какое-то издевательство над голодным человеком!

ОНИ все выглядели встревоженными.

– Обезвоженный картофель, тушенка и консервированные овощи, – сказал Карр, – Не очень аппетитно, я знаю, но боюсь, что это все, что мы можем предложить вам.

Я придвинул к себе блюдо с десертом.

– Сухофрукты! – с отвращением понял я.

– Должен согласиться, в некоторой степени чрезмерно высушенные, – скорбно кивнул администратор.

Я отпил белый напиток с едва заметным голубоватым оттенком и чуть не выплюнул его обратно в стакан.

– Порошковое молоко! Вы что, потребляете эту дрянь?

– Нет, наша диета вполне разнообразна, – в смущении ответил Карр, – Но мы, к сожалению, не можем дать вам ни один из тех продуктов, что едим сами.

– Ну и почему же, черт возьми?

– Пожалуйста, поешьте, мистер Уэлдон, – со всей серьезностью попросил Карр, – Вам еще многое предстоит узнать, но лучше всего, если вы займетесь этим на полный желудок.

Я был серьезно голоден, чтобы отказываться даже от такой еды, совершенно неприглядной на вид, а на вкус оказавшейся еще хуже.

Когда я впихнул в себя обед, Карр нажал несколько кнопок на экранном меню и тарелки ушли в отверстие по центру стола. После этого Карр показал мне на те сочные продукты, что содержались в меню.

– Учитывая ваш выбор, – сказал он, – вы бы предпочли их тому, что съели сейчас, мистер Уэлдон?

– Еще бы! – ответил я с досадой, что этого не случилось.

– И вы умерли бы как те несчастные старики, расследованием гибели которых вы занимались, – произнес голос у меня за спиной.

Я в изумлении обернулся. Пока я ел, несколько аляповато разодетых мужчин и женщин вошли сюда, прокраившись так тихо, словно кошки. Я в нерешительности посмотрел на Карра, затем снова повернулся к ним.

– Это одежда, которую мы обычно носим, – сказал Карр, – Мотив 18-го столетия, как вы можете убедиться: бриджи до колен и короткие рубашки, широкий галстук для мужчин, у женщин смело подчеркнутый лиф и пышные юбки в современном стиле с использованием натуральных материалов, ярких и блестящих, туфли на синтетических пряжках. Очень нарядно, красиво, очень удобно и полностью подходит для нашего времени.

– Но на всех, кого я видел, была такая же одежда, как на мне! – возразил я.

– Только для того, чтобы пощадить ваши чувства и не вызвать тревогу. Это была серьезная задача — должен признать, ваша мода слишком сильно менялась от десятилетия к десятилетию, особенно для женщин. Возникла даже проблема с выкройками, все эти фасоны давно вышли из употребления. Города текстильщиков и портных работали полных шесть месяцев, чтобы одеть жителей нашего города, включая, конечно же, и детей. Все должны были выглядеть, как ваши современники, потому что мы не могли знать, в каком районе города вы окажетесь, и куда соберетесь пойти.

– Имелась единственная разница, которую вы не заметили, – добавила красивая пожилая женщина, – Вы были единственным человеком в сером костюме. Как видите, у нас было полное описание того, во что вы одеты, так что

никто не мог перепутать вас с кем-то другим, поэтому мы с точностью знали обо всех ваших передвижениях.

– Для чего? – с возмущением спросил я. – Что все это значит?

ПРИДВИНУВ стулья, они расселись, цепляя меня взглядами, словно инквизиторы древних времен.

– Я Лео Бланделл, – сказал высокий человек в сиренево-золотом облачении. – Моя обязанность, как председателя Комиссии по Марку Уэлдону, должным образом исполнить предначертанное.

– Предначертанное?

– Ради уверенности, что последовательность событий не нарушится, я могу рассказать вам ровно столько, сколько вы должны знать.

– Я желаю хоть что-то понять!

– Очень хорошо, позвольте мне начать с того, что о большей части событий вы, несомненно, уже знаете. В некотором смысле, вы, скорее, жертва доктора Энтони Робертса, нежели его дочери. Робертс был блестящим физиком, но из-за эксцентричного поведения, он был высмеян за свои теории и за собственное высокомерие. Он представлял собою практически идеальный случай саморазрушения ученого, выбрав путь, когда человек сам препятствует своей карьере и рушит собственное счастье, а затем обвиняет весь мир в своей неудаче и страданиях. Однако вернемся к тому, что связывает вас. Он изобрел машину времени, и, к сожалению, тайна ее создания была утрачена, и с тех пор не открыта вновь. Он использовал ее в антиобщественных целях. Когда же Робертс умер, его дочь Мэй продолжила дело отца. Именно она отправила вас в наше время, чтобы узнать принцип действия «Дюнапака». Она совершенно безжалостная женщина.

- Вы уверены? – с беспокойством спросил я.
- Абсолютно уверен.
- Я знаю, что многие старики умерли после того, как она отправляла их на машине времени с разными поручениями. Но она говорила, что они скрывали свой возраст и состояние здоровья.
- Ничего другого она и не могла сказать, – не скрывая резкости, ответила женщина.
- Бланделл повернулся к ней и покачал головой.
- Позвольте мистеру Уэлдону рассказать о своих чувствах к ней, Рода. Они, очевидно, очень неоднозначны.
- Это верно, – признался я. – В первый раз, когда я ее увидел, обратившись по объявлению, мне показалось, что она слишком сурова, но я допускал, что это вполне объяснимо деловым подходом. Я имею в виду, что кандидатов было много, и она должна была отбросить личные пристрастия ради уверенности в правильности выбора. В следующий раз, – мне бы хотелось избежать подробностей, – я совершил ошибку, незаконно проникнув к ней в дом. Но я должен отдать должное тому, каким образом она обернула эту ситуацию в свою пользу.
- Продолжайте, – подбодрил меня Карр.
- Я не могу пожаловаться на сделку, которую она предложила мне. Несомненно, Мэй в первую очередь интересовали деньги, которыми я должен был ее обеспечить. Я все сделал, как она велела, и не остался внакладе – я стал богаче, чем когда-либо, хотя не могу сказать, что полагающаяся мне сумма досталась тяжелым трудом!
- А, кроме того, – сказал кто-то, – она предложила вам половину прибыли от «Дюнапака».

Я ОГЛЯНУЛСЯ, пытаясь найти в их лицах враждебность. Но ее не было. Это казалось удивительным. Я пожаловал из прошлого, чтобы ограбить их, а они совершенно спокойны.

Впрочем, это не было настоящим воровством. Я не лишил бы их «Дюнапака». Просто он оказался бы изобретен до того, как его создали.

– Ну, да, – согласился я. – Но я не могу назвать это благотворительностью. Она нуждалась во мне, чтобы получить информацию, а я нуждался в ней, чтобы получить долю от производства.

– И вдобавок она очень красивая женщина, – подчеркнул Бланделл.

– Да, – признал я с неохотой.

– Мистер Уэлдон, мы достаточно знаем о ней из тех заметок, которые дошли до нас в ее личных документах. У нее была банковская ячейка на вымышленное имя. Я не имею права называть его вам. Оно оставалось неизвестным долгие годы, а мы не желаем безответственно вмешиваться в прошлое.

Внимательно слушая его, я не выдержал:

– Так вот, каким образом вы узнали, кто я, как одет, и зачем прибыл! Вы даже знали, когда я прибуду!

– Верно, – сказал Бланделл.

– Что еще вы знаете?

– То, что вы подозревали ее, считали ответственной за гибель от голода множества стариков. Ваши подозрения оправданы, за тем исключением, что это именно ее отец посылал всех тех, кто был отправлен из 1947 года, то есть до того, как она вступила в права наследства после его смерти. Все, кроме двух людей были отправлены в прошлое. Конечно, Робертса весьма занимало будущее, но он не хотел тратить время впустую, очевидно понимая бесплодность жертв. Если прошлое он хорошо знал, то будущее оставалось для него совершенно неизвестным.

– Но она рискнула, – сказал я.

– Если вы называете преднамеренное убийство риском, то да. Один человек прибыл в 2094 год, более чем полвека

назад. Другим стали вы. Первый, как вы понимаете, скончался от дистрофии, после того, как был возвращен обратно в ваше время.

– А что случилось со мной? – спросил я с трепетом.

– Вам такая смерть не грозит. Мы более чем уверены в этом. Что же до других жертв, то, я полагаю, вам интересно будет знать, в чем состояли их поручения?

– Я-то знаю, но хотел бы услышать от вас.

– Они были отправлены в прошлое, чтобы покупать или красть всевозможные культурные сокровища: скульптуры, ювелирные шедевры, сказочно ценные рукописи и книги — все, что угодно, что представляет собой особую ценность и редкость.

– Это невозможно, – возразил я, – У нее было достаточно средств. Если бы ей захотелось еще больше денег, она могла отправить кого-то назад во времени, чтобы сделать ставку на нужного чемпиона или купить акции, ценные в наши дни. У нее же были все данные, ведь так? Она и ее отец работали по беспроигрышному варианту.

ОН пожал сиреневыми с золотом плечами.

– Большой частью накопленные сокровища были припрятаны для удовлетворения собственного тщеславия, а так же ради мести, в качестве компенсации, как они считали, травли доктора Робертса. Если возникали непредвиденные расходы, вроде замены дорогостоящих частей машины времени, и для этого не хватало наличности, Робертс и его дочь могли объявить о «находке» какого-нибудь из своих сокровищ.

Он ждал, пока я, вместе со злосчастной едой, переваривал свалившуюся на меня информацию. Мне показалось, что я нашел слабое место в его объяснении.

– Вы сказали, что людей отправляли в прошлое, в том числе и покупать сокровища, а не только красть их.

– Да, верно, – согласился он, – Их обеспечивали валютой, соответствующей той эпохе, в которой они должны были оказаться.

Я нахмурился, пытаюсь отстоять разваливавшиеся на глазах собственные представления.

– Но ведь тогда они могли купить еду. Почему же они умирали от недоедания?

– Потому что, как Мэй Робертс рассказала вам сама, ничто не может существовать прежде, чем оно появилось на свет. И точно так же что-либо не может существовать после того, как вышло из бытия. Если бы вы вернулись, прихватив «Дюнапак», он превратился бы в грудку металла и прочих веществ, из которых сделан. Однако позвольте мне привести вам более личный пример. Помните ли вы пыль на вашей руке после возвращения из первого путешествия?

– Да. Я, должно быть, упал.

– Одной рукой? Нет, мистер Уэлдон. Мэй Робертс была очень расстроена этим инцидентом. Она боялась, что вы догадаетесь, почему гамбургер превратился в пыль, и почему старики умирали от голода.

Все без исключения, а не только некоторые.

Он сделал паузу, давая мне шанс осознать то, что он только что сказал. Естественно, я был шокирован правдой.

– Если бы я съел вашу еду, – дрожащим голосом сказал я, – Я утолил бы свой голод, и все было бы в порядке, но только до тех пор, пока бы я не вернулся в свое время.

И тогда еда оказалась бы несовместимой с моим организмом!

БЛАНДЕЛЛ кивнул.

– И вы тоже умерли бы от истощения. Пища, которую мы вам дали, существовала в вашу эпоху. Мы были очень осторожны, настолько, что некоторые из продуктов, вероятно, сохранились еще с той поры, как вы покинули свое

время. Мы сожалеем, что они оказались невкусными, но, по крайней мере, мы уверены, что они вернутся с вами, и вы будете здоровы, как и в тот день, когда отправились сюда. Не случайно, кстати, она заставила вас сменить одежду. По той же самой причине – та была сделана в 1930 году. У нее были запасы одежды из разных эпох, и если она куда-то отправляла стариков, то заставляла их менять свой наряд, в противном случае, они прибывали бы на место голыми.

Меня начало трясти, как будто я был так же стар, как те люди, которых играл на сцене.

– Она собирается вернуть меня! Если я не принесу ей информацию о «Дюнапаке», она застрелит меня!

– Это, мистер Уэлдон, уже наша проблема, – сказал Бланделл, дружески похлопав рукой по моей ладони, чтобы успокоить меня.

– Ваша проблема? Но застрелят-то меня, а не вас!

– Но мы до деталей знаем, что произойдет, когда вы вернетесь в 20-е столетие.

Я высвободил руку и схватил его.

– Вы знаете это? Так расскажите мне!

– Я сожалею, мистер Уэлдон. Если мы расскажем это вам, возможно, вы совершите ряд альтернативных действий, и нет никакой гарантии, что в итоге не пострадает будущее.

– Но меня не застрелят, и я не умру от истощения?

– Это единственное, что мы можем сказать вам. Нет.

Они встали, такие яркие и привлекательные в своих пестрых одеяниях, что я ощутил себя подобно рабочему сцены, расхаживающему в рубашке с закатанными рукавами среди персонажей исторической пьесы.

– Если верить заметкам Мэй Робертс, вас вернут через месяц. Она дала вам достаточно времени, чтобы получить информацию. Мы же в свою очередь желаем, чтобы этот месяц был приятным для вас. Ресурсы нашего города и лю-

бых других, какие вы захотите посетить, в вашем распоряжении. Мы желаем, чтобы вы в полной мере воспользовались нашим предложением.

— А как же «Дюнапак»?

— Оставьте это нам. Мы хотим, чтобы вы хорошо провели время, пока вы у нас в гостях.

Я согласился.

И это был самый прекрасный месяц в моей жизни.

СЕТЧАТАЯ КЛЕТЬ дрожала вокруг меня. Сквозь ячейки я видел Мэй Робертс, она только что отпустила выключатель. Она была прекрасна, как всегда, но под этой красотой скрывалось мстительное порочное существо, в которое она превратилась от горечи смерти отца. Я узнал об этом из тех записей, которые Бланделл и Карр позволили мне прочитать. Я бы с радостью предпочел провести оставшуюся часть своей жизни в будущем, нежели возвратиться в ее логово.

Она подошла и открыла задвижку, улыбаясь, словно ангел, приветствующий новую светлую душу. Но после того как ее взгляд проехался по мне, улыбка уменьшилась. Не до конца, правда, — она умела держаться.

— Вы добыли информацию, за которой я вас отправила? — с сомнением спросила она.

— Она здесь, — ответил я.

Сунув руку в пиджак, я вытащил карманный пистолет и выстрелил в ее правую руку. Дамский револьвер, который она направляла на меня, упал на пол. Она уставилась на меня с выражением удивленного ужаса — наверное, из этого момента получился бы кадр, достойный того, чтобы остаться в вечности и послужить образцом для многих поколений актеров и актрис.

— Ты привез оружие! — выдохнула она. — Ты выстрелил в меня!

Ничего не понимая, она смотрела на кровоточащую руку, затем взглянула на мое оружие.

– Но ты не мог ничего принести из будущего. И ты... ты должен был подышать от голода.

Ее глухой голос свидетельствовал о том, что она потрясена случившимся.

– Продукты, которыми я питался, и это оружие – подарок, – сказал я. – Люди будущего знали, зачем я прибыл. Они давали мне пищу, которая сейчас, когда я вернулся, не исчезнет из моих клеток. А вместо чертежей «Дюнапака» они дали мне оружие.

– И ты согласился? – закричала она. – Ты идиот! Я бы честно разделила с тобой прибыль. Ты бы владел миллионами!

– Вместе с острой дистрофией, – уточнил я. – Мой выбор мне больше нравится. Лучше быть бедным, но живым. Или относительно бедным, я должен признать, потому что вы были очень щедры со мной, и я это ценю.

– Хороша благодарность. Выстрелить в меня!

– Я очень не хотел простреливать вашу прекрасную руку, но это не настолько страшно, как голод или смерть от пули. Теперь, если вы не возражаете, ваша очередь идти в клетку, мисс Робертс.

Левой рукой она хотела дотянуться до лежавшего на полу револьвера.

– Не суетитесь, – сказал я спокойно. – Вы не сможете схватить его прежде, чем пуля настигнет вас.

ОНА выпрямилась, впервые глядя на меня с ужасом в глазах.

– Что ты собираешься сделать со мной? – прошептала она.

– Я мог бы убить вас так же легко, как вы, вероятно, хотели прикончить меня. Убить вас и отправить ваше тело в

какую-нибудь другую эпоху. Со сколькими людьми вы расправились подобным образом? Закон не сможет осудить вас, но я могу. И точно так же никто не сможет ничего доказать.

Она прикрывала рану рукой. Кровь сочилась сквозь пальцы, когда она посмотрела на меня с вызовом, гордо и высоко держа подбородок.

– Я не буду просить о пощаде, Уэлдон, если ты на это рассчитываешь. Я могла бы предложить тебе сотрудничество, но я ведь не в том положении, чтобы что-то предлагать, верно?

Она была великолепна, страшно умна и невероятно важна... и гораздо более опасна, чем чума. Я не должен был забывать об этом.

– В клетку, – приказал я. – У меня есть друзья в будущем, у них свои планы относительно вас. Разумеется, я не буду вдаваться в подробности. Вы же не рассказали всей правды, когда отправляли меня туда, не так ли? Прошу вас передать моим друзьям самый сердечный привет. Если я научусь управлять этой штуковиной, я повидаю их. И вас тоже.

Она осторожно вошла в клетку. Было бы приятно поцеловать ее прекрасные губы на прощание. Я грезил об этом на протяжении целого месяца, желая ее и в то же время ненавидя.

Но это было бы равносильно поцелую с ядовитой коралловой змеей. Поэтому я сосредоточился на том, чтобы надежно закрыть клетку.

– Разве ты не хочешь стать богатым, Уэлдон? – спросила она через сетку.

– А я и так буду, – ответил я. – У меня есть машина. Я могу посылать людей в прошлое или будущее и заработать кучу монет. Только я давал бы им еду с собой. И не убивал бы их, чтобы сохранить свою затею в тайне. Ясно это тебе?

– Ты хочешь меня, – заявила она.

Я не спорил.

– Я могла бы стать твоей.

– Только для того, чтобы перерезать мне горло или вышибить мозги. Об этом только и мечтаю.

Я вдавил кнопку переключателя.

Механизм завибрировал, и Мэй исчезла. Ее кровь осталась на полу, но сама она отправилась в будущее, откуда я только что прибыл.

Ответная реакция не заставила себя ждать. Я избежал голода и смерти от ее рук, но не был героем, и от накопленного напряжения меня замутило, я рухнул на колени.

Меня все еще трясло, когда, тыкаясь по углам дома, я добрался до телефона.

ЛУ ПЭЙП оказался на месте так быстро, что я даже не успел справиться с нервной лихорадкой, несмотря на бутылку бренди, которую нашел в серванте, возможно потому, что дата на этикетке, 1763 год, вызвала новую порцию дрожи.

Беспокойство в лице Лу исчезло, когда он убедился, что я в порядке. Не совсем, конечно, потому что лихорадка вернулась ко мне снова, когда я рассказал ему, что произошло. Разумеется, он не поверил ни единому слову. Да я и не надеялся убедить его.

– Если бы я не знал тебя, Марк, – сказал он, недовольно качая своей крупной темноволосой головой, – я бы отправил тебя в Бельвью для обследования. Впрочем, может быть, я так и должен поступить.

– Ладно, давай поищем, есть ли доказательства, – устало предложил я. – Судя по тому, что я знаю, их должно быть предостаточно.

Мы обыскали дом и спустились в подвал, где у Лу от потрясения отвисла челюсть.

– О, господи! – выдохнул он. – Да тут прямо филиал музея Метрополитен!

Подвал имел размеры самого дома и был раза в два выше обычной комнаты — весь он оказался заваленным картинами в позолоченных тяжелых рамах, статуэтками, книгами, рукописями, кубками, кувшинами и драгоценностями, старинными гобеленами... Но большинство предметов сверкало и блестело новизной, как в тот день, когда все они были сотворены.

– Эта дамочка явно при деньгах, и коллекционирует произведения искусства, – сказал Лу. – Это вовсе не доказательство твоей странной истории. Она разбирается в этих вещах и знает, как их раздобыть.

– Ну, да, конечно, – не спорил я.

– Что ты с ней сделал?

– Я же сказал тебе. Выстрелил ей в руку, прежде чем она могла убить меня, и послал ее в будущее.

Он схватил меня за ворот пиджака.

– Ты убил ее, Марк. Ты хотел, чтобы все эти предметы достались тебе. Прикокнул ее и каким-то образом избавился от тела.

– Почему бы тебе, Лу, не вспомнить о том, что ты профессиональный ищейка? – спросил я, чувствуя себя слишком уставшим, чтобы высвободиться из его хватки. – Если бы я ее убил, стал бы я звонить тебе, да еще зазывать сюда? Разве я не выкрал бы для начала эти вещи? Припрятал бы их где-нибудь, и никто, включая тебя, не узнал бы, что я когда-либо был здесь. Ну, давай, пораскинь мозгами.

– Это легко объяснить. Ты потерял самообладание.

– Я даже сейчас не теряю терпения.

ОН зло оттолкнул меня.

– Если ты убил ее из-за этого хлама, или из-за того, что сошел с ума и плетешь, черт знает что, тогда учти: я – по-

лицейский, и ты мне не друг. Но что же получается — ты откровенный убийца, с которым я знаком, а я теперь должен отправить тебя на электрический стул?

— У тебя всегда была слабость к высокопарным диалогам. Иди же и заяви обо мне, пусть меня бросят за решетку и накажут по всей строгости закона, даже усадят на электрический стул. Но тебе для начала придется раздобыть доказательства.

Он направился к лестнице.

— Этим я и займусь. И не пытайся сбежать, в противном случае я буду действовать так, будто мы никогда не были знакомы.

Он поднялся наверх и с кем-то заговорил по телефону. Черт с ним, я даже не пытался гадать, кому он звонит. Только радовался, что не убил Мэй Робертс. Уничтожив такую красоту, пусть даже олицетворяющую зло, я не смог бы смириться с этим фактом до конца своих дней. Но была и другая причина для радости — если бы я убил ее и оставил улики Лу, он бы теперь не сомневался в моей вине. Впрочем, учитывая мой невероятный рассказ, он бы попытался убедить меня, что я сошел с ума.

Но больше всего я думал о ней, о Мэй, о ее взгляде в тот миг, когда я прострелил ей руку. Ее изящную руку, которая так уверенно сжимала дамский револьвер, встречая меня.

Теперь Мэй была в будущем. Они не казнят ее. Они расценивали преступления как болезнь и готовы были подвергнуть ее удивительно продвинутой терапии, чтобы превратить в полезного и достойного гражданина той эпохи, находиться в которой доставило мне больше счастья, чем я когда-либо испытывал в жизни.

Я сидел и пытался напоить себя бренди, который за эти века должен был высохнуть до кирпичной твердости. Все это время Лу Пэйп, держа руку возле кобуры, стоял в дверном проеме. Он не сводил с меня взгляда, пока не появился

какой-то человек, назвавшийся Иеремией Ааронсоном. Он коротко поздоровался со мной, и Лу повел его наверх.

Прошла минута, прежде чем я понял, что они собираются делать. И я побежал за ними.

Я успел вовремя. Ааронсон пытался снять кожух с двигателей, но вдруг отпрыгнул назад — от ярко вспыхнувшего дугового разряда.

МАШИНУ объяло огнем. Нам оставалось лишь беспомощно наблюдать, как плавилась ее двигатели, пульт управления, панели и сетчатая кабина. Они ослепительно вспыхивали и, переплетаясь между собой, превращались в обугленную и расплавленную массу.

— Вот, черт! — с горьким разочарованием сказал Ааронсон. — Короткое замыкание, на случай вмешательства. Скорее всего, в самых важных местах конструкции стояли заплаты. По-другому эти разрушения не объяснишь.

Он мельком посмотрел на свою руку и увидел, что она обожжена. Словно сейчас только почувствовав боль, он подул на ожог, потряс рукой и вытащил платок из дальнего кармана, для этого ему пришлось извернуться, действуя свободной рукой.

Лу беспомощно уставился на кучу дымящихся останков.

— Можете ли вы понять, что это было, профессор? — спросил он.

— А вы можете? — взорвался Ааронсон, — Как можно из этой кучки определить назначение машины, если от нее не осталось ни одной целой детали.

Обернув руку носовым платком, он убрался.

Лу в раздражении пнул искривленную огнем трубу.

— Ааронсон — один из самых толковых физиков, Марк. Я надеялся, он скажет что-нибудь об этой машине. А, черт! Я хочу верить тебе, Марк, но я не могу. Все еще не могу. Те-

перь мы должны будем обшарить весь дом, чтобы найти ее тело.

– Вы не найдете ни ее, ни секрета машины, – ответил я безучастно. – Я говорил тебе, они сказали, что тайна ее создания будет потеряна. Именно так и вышло. А я никогда не смогу снова отправиться в будущее. Я никогда не увижу их. И не увижу Мэй Робертс. Они помогут ей, избавят ее от ненависти и мстительности. Но, черт возьми, это не радует меня, потому что машины больше нет, а она теперь на несколько поколений впереди.

Он озадаченно повернулся ко мне.

– Ты не боишься, что мы отыщем ее тело, Марк?

– Можешь разобрать весь дом, если хочешь.

– Если нужно будет, сделаем, – ответил он. – Я должен вызвать кого-нибудь из убойного отдела.

– Вызывай хоть морскую пехоту. Зови кого хочешь.

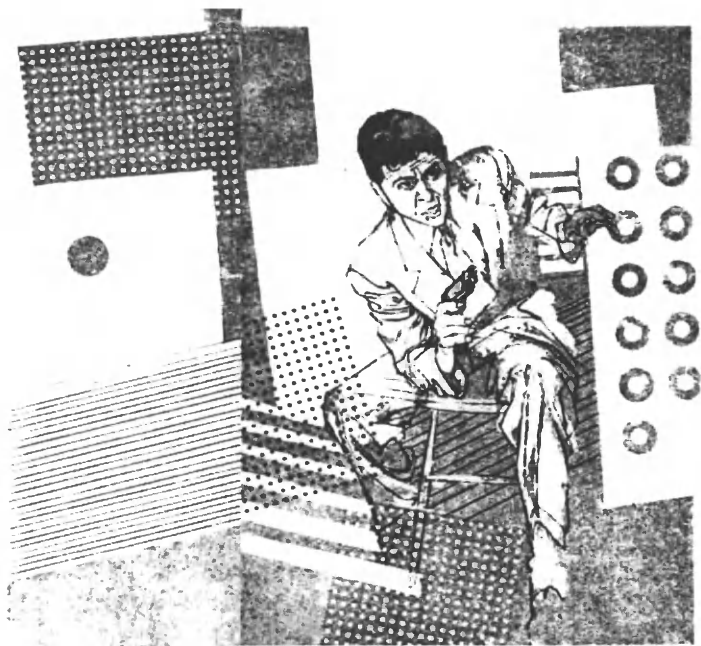
– Ты должен будешь оставаться под стражей, пока мы не закончим.

Я пожал плечами.

– Все равно вы не оставите меня в покое, пока будете здесь рыть. Мне плевать. Пусть арест, пусть обвинение в убийстве. А теперь я должен привести себя в порядок. У людей будущего это получается быстрее и лучше, но я надеюсь, что немного приятной тишины и спокойствия помогут мне справиться с этим.

ОН больше не беспокоил меня и не произнес ни слова, пока мы ждали прибытия группы. Сидя в кресле, я для начала отгородился мысленно от Лу, а затем и от прибывших людей, с их грохочущими молотками и ломами, а потом и от всего мира.

Мэй была безжалостна и черства, и она убивала стариков, испытывая не больше сострадания к ним, чем волк, очутившийся среди стада беспомощных овец.

Но Бланделл и Карр сказали мне, что она была такой же жертвой, как те старики, которые умирали от истощения со своим нетронутым богатством, лежавшим на счетах в банках, в чулках под матрасами или в их потертой одежде. Она нуждалась в лечении той болезни, которая передалась ей от отца. Но даже он, как сказали бы они, при надлежащей заботе, возможно, избавился бы от серьезного нервного недуга и стал бы великим и почтенным ученым.

Они открыли мне правду и заставили меня ненавидеть ее, но затем они объяснили свою точку зрения, и получилось так, что моя ненависть стала невозможной.

Я был здесь, в настоящем, но без Мэй. И машина больше не существовала. Тоска от того, что я не мог ничего изменить, грозила уничтожить меня, довести до мысли о самоубийстве. Но я не имел никакого на это права. Никто и никогда не имеет такого права, говорили они мне, – даже если некоторые ситуации просто невозможно решить.

Я вернулся в действительность, только когда вызванная группа собралась и покинула здание, а Лу Пейп вернулся туда, где запер меня.

– Ты знал, что мы не найдем ее, – сказал он.

– Это я тебе все время твердил.

– Где она?

– В Порт-Саиде, в экзотической адской бездне мира, где танцует, прячась под вуалью, перед развратными...

– Оставь эти шутки! Где она?

– Какая разница, Лу? Ее здесь нет, правда?

– Это не значит, что она не может быть где-то в другом месте, мертвой.

– Она жива. Ты можешь не верить мне ни в чем другом, но хотя бы в это поверь.

Он вытащил меня из кресла и пристально уставился в мое лицо.

– Ты не лжешь, – наконец, признал он. – Я отлично знаю тебя, чтобы это понять.

– Ну и хорошо.

– Но тогда ты – просто чертов глупец, если считаешь, что тебе достался бы этот лакомый кусочек. Я не говорю о том, что ты не достоин женского внимания, но судя по тому, что я услышал, она – скорее змея, чем женщина. Даже если бы ты был богат, или лучше выглядел, чем она...

– Но только не после того, как мои друзья помогут ей. Она встретит хорошего человека, когда поймет все, и я бы очень хотел оказаться на его месте.

Я ощупал рукой лысую макушку.

– С копной волос, я выглядел бы на свой реальный возраст. Если помнишь, я на целый год младше тебя. Мы подошли бы друг другу – они проверяли нашу эмоциональную совместимость, и мы отлично сочетались. Единственная проблема в том, что я лысый. Они возможно, сумели бы нарастить мне новую шевелюру, и тогда мы с Мэй уж точно подошли бы друг другу, как джин с тоником.

ЛУ от удивления выгнул брови.

– Они действительно могли отрастить тебе волосы?

– Конечно. Хочешь знать, почему я не позволил им? – Я посмотрел из окна на дымный город. – Вот почему. Они не могли сказать мне, вернусь ли я когда-нибудь в будущее. А я не желал рисковать. Поэтому не захотел расставаться с тем, что меня здесь кормит – вдруг бы оказался на мели в собственном времени. Ладно, лучше скажи, что мы все еще тут делаем?

– Нужно выставить охрану вокруг дома и описать имущество, чтобы ничего не пропало, пока она не вернется...

– Она не вернется.

– ... или не будет юридически признана мертвой.

– А что со мной? – перебил я.

– Мы не можем задержать тебя без доказательств.

– Это хорошо. Тогда давай уберемся отсюда.

– Я должен оставаться на дежурстве, – возразил он.

– Не сейчас. У меня при себе больше 15 000 долларов наличными и еще больше на книжках. Достаточно денег, чтобы хватило нам обоим.

– Достаточно, чтобы убить ее из-за этого?

– Достаточно, чтобы хватило нам обоим, – упрямо повторил я. – Я же говорил тебе, у меня были деньги, прежде чем она отправила меня в будущее.

– Хорошо, хорошо, – прервал он. – Давай не будем начинать это снова. Мы не смогли найти тело, так что ты свободен. А теперь... Подожди-ка. Что ты там говоришь о деньжатах?

Я взял его за руку и направил к выходу.

– В этом городе нет худшего полицейского, чем ты, – сказал я. – Спросишь, почему? Да потому что ты – актер, а не полицейский. Возвращайся на сцену, Лу. Эти денег нам хватит до конца наших дней.

Он, сощурившись, посмотрел на меня, когда я упомянул об актерстве.

– Но это ведь не взятка, верно?

– Считай это своего рода данью памяти о тех многих бедных, невинно замученных стариках и о больной, несчастной женщине.

Мы шли в тишине, в чистом солнечном сиянии. Это была наша тишина. Глянцевые легковые автомобили и большие грузовики гудели, как обычно, и шумели голоса людей вокруг, но хороший актер, вроде Лу, владеющий методом Станиславского, не будет этого замечать. Я, как водится, тоже, и я ждал его решения.

– Не хочу тебе врать, Марк, – сказал он, наконец. – Я никогда не переставал думать о сцене. Но я приму твою сделку только при двух условиях.

– Хорошо, что за условия?

– Независимо от того, сколько ты мне дашь, это будет строго взаимно.

– Не вопрос. Что еще?

Он сунул в рот сигарету. Так и не закулив, помусолил ее губами, пока не произнес:

– Пообещай, что если вдруг однажды какой-нибудь старый человек, умерший от истощения, будет найден с припрятанными тысячами долларов, ты перевернешь эту страницу, и даже думать об этом не станешь, не то, чтобы обсуждать.

– С этим я не готов согласиться.

ОН вынул сигарету, остановился и повернулся ко мне.

– То есть, сделка не состоится?

– Да, нет, – ответил я. – Я хочу сказать, что не будет больше таких случаев. Лучше думай о том, что мы вместе возвращаемся на сцену, и я этому очень рад. Можешь не верить мне, но подобного больше не случится.

Он зажег сигарету и выпустил облачко дыма, изящно и неторопливо, хоть снимай рекламу и продавай за миллион. Потом он улыбнулся.

– Не хочешь ли заключить пари?

– Только не с друзьями. Такие дела я привык вертеть с букмекерами.

– Тогда считай это символической сделкой, – сказал он.

– Один бакс на то, что кто-то в течение года умрет от голода с большим кошельком денег при себе.

Мы заключили пари.

Год спустя я получил свой доллар.

Гораций Голд

Horace Gold

26 апреля 1914 – 21 февраля 1996

Американский писатель-фантаст и редактор, автор более ста повестей и рассказов, один из трех редакторов журнальной фантастики, столпов «золотого века», наряду с Джоном Кэмпбеллом и Энтони Бучером. Родился Гораций Голд в г. Монреаль (Канада), но когда ему едва исполнилось 2 года, семья эмигрировала в США, где родители приняли американское гражданство. Хотя, к слову сказать, Гораций до конца своей жизни сохранял двойное гражданство. На новой родине юноша окончил начальную и среднюю школу, после чего занялся литературной деятельностью.

Первая НФ публикация – рассказ «Несгибание» (1934), напечатанный под псевдонимом Клайд Крейн Кэмпбелл. В течение десятка лет, до самого призыва в армию, опубликовал десятки рассказов, некоторые из которых позднее были собраны в единственную книгу писателя, опубликованную при жизни – сборник «Старики умирают богатыми» (1955). В 50-х годах XX века он продолжил свою литературную карьеру, издав множество фантастических повестей, рассказов, статей, которые частенько «прятал» под несколькими псевдонимами, а именно:

- Клайд Крейн Кэмпбелл (Clyde Crane Campbell);
- Ли Кейт (Leigh Keith);
- Ричард Стори (Richard Storey);
- Дадли Делл (Dudley Dell);
- Гарольд С. Фосси (Harold C. Fosse);
- Джулиан Грей (Julian Graey).

После смерти писателя, в 2002 году из печати выходит роман «Не только Люцифер» – своего рода современная американская версия доктора Фауста. Герой книги Уильям Холл, живущий в Нью-Йорке времен Великой депрессии, вознамерился перехитрить самого дьявола. Роман был написан для журнала «Неизвестное», редактировавшегося Джоном Кэмпбеллом. Последние главы Горацій Голд писал уже в соавторстве с Л. Спрэг де Кампом и роман был опубликован в 1939 году. Недавно был выпущен сборник детективных произведений Горация Голда «Совершенные убийства» (2002), которые были написаны им в середине XX века.

Интересный факт: женился Г. Голд 1 сентября 1939 года – в день, когда началась вторая мировая война, во время которой он в течение двух лет служил военным инженером на Филиппинах. В его армейской карточке значилось: «...родина – Канада, житель Нью-Йорка, окончил 4 класса средней школы, женат, белый, завербован 31 марта 1944 года...». Во время военной кампании Голд получил ранение, приведшее к психологической травме, а именно к агорафобии (боязнь открытого пространства), повлиявшей на всю дальнейшую жизнь литератора. После демобилизации он переключается на редакторскую работу, возглавляя созданные им журналы исключительно по телефону из своего дома. С 1939 по 1961 годы, Горацій Голд редактировал несколько журналов фантастики: сначала как помощник редактора в «Captain Future» (1939-41), «Startling Stories» (1939-41) и «Thrilling Wonder Stories» (1939-41), а позднее самостоятельно в «Galaxy Science Fiction Magazine» (1950-61), «Worlds of If Science Fiction» (1952-61) и «Beyond Fantasy Fiction» (1953-55). Он также вел радиопередачу, писал комиксы, детективные пьесы под заказ, работал на телевидении, а с 1961 г. вынужден был выйти на пенсию по инвалидности.

Имя Горация Голда неразрывно связано с прекрасным журналом «Гэлакси», который Голд редактировал с момента его основания. Свою популярность редактора Гораций Голд приобрел тем, что начал платить авторам по три и более цента за слово, когда другие журналы выплачивали гонорары лишь в среднем по полцента за слово. К тому же известна особая благосклонность редактора к молодым авторам, в результате чего журнал «Гэлакси» на целое десятилетие стал одним из лучших изданий научной фантастики в США. Он считается еще и «отцом» карманной книги в мягкой обложке, так называемый «покетбук»: антологии этого формата он начал выпускать в 1950-е годы и его идею дешевых книжек подхватили другие издательства.

Он был дважды женат (с первой женой развелся в 1957 году, вторично женился в 1964-м); сын Юджин, родившийся 27 декабря 1941 года, впоследствии также стал писателем, редактором, художником. Три с половиной десятка лет Гораций Голд провел в уединении с семьей и скончался в 1996 году в г. Лагуна-Хиллс (штат Калифорния).

Подготовил Клавицеппс по материалам интернета и
http://archivsf.narod.ru/1914/horace_gold/index.htm

Источники:

ПОМУТНЕНИЕ

Первая публикация под псевдонимом К. К. КЭМПБЕЛЛ
FOG by C. C. Campbell, «Astounding Stories», June, 1935г.
Иллюстрация M. Marchioni

ГЕРОЙ

HERO by H. L. GOLD, «Thrilling Wonder Stories», October 1939
Иллюстрация из журнала «Fantastic Story Magazine», March 1953,
не подписана

СВОБОДНЫЙ ДЕНЬ

DAY OFF by H. L. GOLD «Street&Smith`s Unknown», November, 1939.
Иллюстрация Isip

БУДЬ ГОТОВ НА СЧЕТ ТРИ

AND THREE TO GET READY . . . By H. L. Gold, «Fantastic Stories», 1952.
Иллюстрации David Stone

НЕ ПРИНИМАЙ ЭТО БЛИЗКО К СЕРДЦУ

DON'T FAKE IT TO HEART By H. L. GOLD, «Fantastic», 1953, v.2 №4.
Иллюстрации R. Harrington

У ФИНИШНОЙ ЧЕРТЫ

AT THE POST By H. L. GOLD, «Galaxy Science Fiction», October, 1953
Иллюстрации Vidmer

СТАРИКИ УМИРАЮТ БОГАТЫМИ

THE OLD DIE RICH By H. L. GOLD, «Galaxy Science Fiction», March,
1953, Иллюстрации Ashman

Клубное издание

экземпляр № ____.

Содержание:

<i>От составителя</i>	5
<i>Помутнение (перевод К.Юрченко)</i>	7
<i>Герой (перевод З.Бобырь)</i>	31
<i>Свободный день (перевод К.Юрченко)</i>	51
<i>Будь готов на счет три (перевод К.Юрченко)</i>	74
<i>Не принимай это близко к сердцу (перевод К.Юрченко)</i>	90
<i>У финишной черты (перевод К.Юрченко)</i>	104
<i>Старики умирают богатыми (перевод К.Юрченко)</i> ..	165
<i>Об авторе</i>	246
<i>Источники</i>	249

Зарубежная

фантастика

